

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 1 / ЯНВАРЬ 2007

ВОЙНА ДЛЯ
ДОСУГА

Кровавые спектакли Колизея

Подписка на ЧП не освобождает от уплаты налогов. Подписка на ЧП не освобождает от уплаты налогов. Подписка на ЧП не освобождает от уплаты налогов.

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО
В 1991 ГОДУ

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ—

АЛЬМАНАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ,

НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И ФАНТАСТИКИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ-77-5609

ОТ 20 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

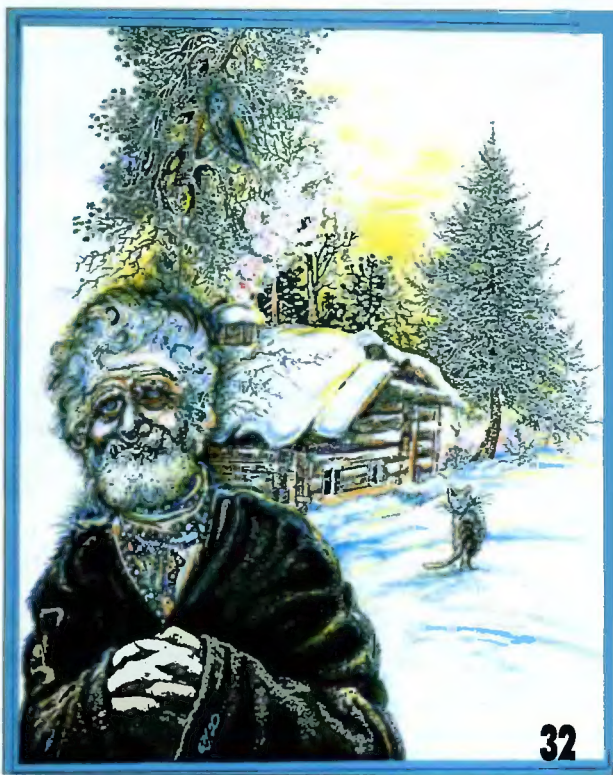
50

Память о шерстистых носорогах – современных первобытных предков людей – хранят не только экспонаты палеонтологических музеев, но и произведения искусства.

34

Проведя успешное нападение на американскую военно-морскую базу Пирл-Харбор, японцы решили атаковать территорию США...

32

Причудливый узор веток лиственницы некоторые племена Южной Сибири вплоть до начала XX века использовали... для передачи информации.
Д. Утеиков. Шаман. Офорт на меди.

61

У знаменитой Янтарной комнаты в Царском Селе, возможно, скоро появится «младший брат» в польском Гданьске.

№ 1 ЯНВАРЬ 2007

ВОЙНА ДЛЯ ДОСУГА Кровавые спектакли Колизея

О самом выдающемся сооружении Древнего Рима – Колизее и его «специализации» читайте на стр. 52

Обложка – художник Жан-Леном Жером. «Аве, Цезарь!». 1856

ИД «ЖУРНАЛИСТ»
Генеральный директор,
Главный редактор
Геннадий Мальцев

Редакционная коллегия
Сергей Дёмкин
журналист

Виктор Дыгало
контр-адмирал

Борис Минин
Президент Международной академии
общественного развития

Феликс Разумовский
историк

Анатолий Соловьёв
лётчик-космонавт, Герой Советского Союза

Юрий Тартанов
академик Международной
академии информатизации

Михаил Фырнин
шеф-редактор

Алан Чумак
парапсихолог

Борис Щербаков
директор ЗАО «Десница»

Редакторы отделов
Ирина Данченко
Лариса Решетникова
Рубен Спендиаров

Художник-дизайнер
Сергей Панасян

Набор
Анна Юдина

Корректор
Андрей Иванов

Представитель редакции
в Санкт-Петербурге

Инна Харченко
Тел.: 8-812-3109483

Наш представитель в Риге и Прибалтике
Наталья Лебедева
Тел.: 8-10-371-767-05-93

- 2 Елена Сухова. **Лунный след в тумане**
- 4 Альберт Валентинов. **Зло изо всех «дыр»**
- 6 Геннадий Черненко. **«Прирученный» взрыв**
- 9 Александр Обухов. **Колумб «полунощной» России**
- 10 Надежда Маслова. **Цветы с неба**
- 14 Борис Герцензон, Владимир Фёдоров. **Филантропия в шоковом варианте**
- 15 Владимир Константинов. **Призрак, который работает с головой**
- 18 Глобус
- 20 Александр Зинухов. **Простреленное солнце**
- 26 Владимир Константинов. **Телохранитель**
- 27 Юрий Конев. **Усмирение страны – это иллюзия**
- 30 Борис Сергеев. **Гривастые аристократы**
- 32 Демьян Утенков. **Слово на ветке**
- 34 Михаил Дмитриев. **Забытый удар по Америке**
- 35, 41 Чудеса в решетке
- 36 Василий Веденеев. **Нетленная тайна Петра Великого**
- 39 Виталий Пономарёв. **Восхождение**
- 42 Нам пишут
- 44 Дмитрий Баянов. **Бигфут: человек в обличье зверя?**
- 47 Игорь Атаманенко. **Капкан эпохи застоя**
- 50 Юлия Дунаева. **У носорога – великие предки**
- 52 Юрий Туйск. **Театр войны**
- 54 А. Армстронг. **Дух в бутылке (рассказ)**
- 58 За семью печатями
- 60 Василий Карпий. **Смерть не вышла из себя!**
- 61 Николай Плиско. **Святая Бригитта против Янтарной комнаты?**
- 63 Наталья Кузнецова. **Вселенная в натурщицах**

Адрес редакции: 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 16, комн. 501
Телефоны: (495) 152-06-92, 152-57-51.
Служба распространения: 125319, Москва, ул. Черняховского, 16.
Телефоны: 152-86-16, 152-06-92. E-mail: 4ip@nrm.ru, elena-la@yandex.ru

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материалов без письменного разрешения редакции запрещается. Редакция в переписку не вступает. Цена свободная. Отпечатано в ОАО «Чеховский полиграфический комбинат». 142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1. Формат 84x108 1/16. Заказ № 3752. Тираж 22 490 экз.

© «Чудеса и приключения», 2007.

Колонка редактора

А БЫЛ ЛИ БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ?

По мнению учёных, Мир был создан внезапно, то есть наша Вселенная появилась 15 или 20 миллиардов лет назад в результате так называемого Большого Взрыва – взрыва гигантского огненного шара, положившего начало Миру.

Но в философской традиции йогов этот «факт» оспаривается. Теория Большого Взрыва, которая принята учёными большинства стран, не считается в ней научной. Поскольку доказать то, что происходило 20 миллиардов лет назад, нельзя. А можно только догадываться, строить умозаключения, предполагать. Но если попытаться рассуждать строго логически, то можно ведь прийти и к противоположным современным науке выводам...

С точки зрения йогов (Шри Раджниш), Мир вообще никогда не создавался и НАЧАЛА у Мира не было. Потому что, если даже предположить, что теория Большого Взрыва верна, то для того, чтобы что-то взорвалось, должно быть то, что взрывается. НИЧТО не может взорваться. Но если до Взрыва там что-то было, тогда считать Взрыв началом нельзя. Он может быть началом, но только началом не изначальным.

Поэтому, говорят йоги, изначального НАЧАЛА у Мира никогда не было. «Наверняка что-то было перед Взрывом, потому что нечто может произойти только из чего-то. Даже если вы говорите, что было ничто и оно произошло из ничего, тогда ваше ничто полно чем-то. А это не настоящее ничто».

Следовательно, «никогда никакого начала у Мира не было и никакого конца у Мира никогда не будет». То есть начал и концов может быть много, но САМОГО ПЕРВОГО НАЧАЛА и САМОГО ПОСЛЕДНЕГО КОНЦА никогда не будет. Поэтому мы – всегда в середине. «Существование – не творение, но творящееся. Нет того, что оно однажды начинается и однажды заканчивается. Оно продолжается и продолжается; это открытый процесс».

А значит вопрос: «А был ли Большой Взрыв?» – в главном смысле человеческой жизни неуместен. Потому что ответ на него (что он когда-то был создан или что он несотворённый) не может помочь человеку стать осознаннее, мудрее, просветлённее? Лучше подумай о том, говорят восточные мудрецы, что поможет тебе приобрести эти качества, что поможет тебе побороть своё эго и стать истинным человеком...

Михаил Фырнин

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ ПО МОСКВЕ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ WWW.GAZETY.RU

Елена Сухова

ЛУННЫЙ СЛЕД В ТУМАНЕ

Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США утеряло единственное свидетельство пребывания американцев на ближайшей к нам планете. После потери оригиналов видео- и фотодокументов о высадке на Луну доказательства того, что Нил Армстронг, Эдвин Олдрин и их последователи там были, остаётся искать лишь на самом спутнике Земли.

В первые минуты новость шокирует: ну как можно потерять 700 коробок с видео- и фотоматериалами, хранившихся в архиве НАСА?! Объяснения официальных представителей агентства только запутывают дело: мол, за годы хранения плёнок неоднократно менялся обслуживающий персонал, кто-то перепутал этикетки на коробках... Словом, где находится оригинал того самого армстронговского «один маленький шаг для человека – огромный скачок для человечества», официально не-

известно. Поверить в обычную халатность мешает по меньшей мере одно обстоятельство: американская лунная программа, успешно осуществленная в 60–70-е годы прошлого века, – главное и единственное сверхдостижение авиации США и убедительнейшее подтверждение статуса сверхдержавы. Если, конечно, программа эта и в самом деле была осуществлена и речь не идет, как о том неоднократно заявляли некоторые исследователи, об одной из самых масштабных фальсификаций XX века.

НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ

Так или иначе, «потеря» оригиналов на фоне непрекращающихся скандалов с разоблачениями лунной программы – хороший выход из ситуации: пройдут годы, а может, и десятилетия, прежде чем какая-либо страна сможет повторить подвиг. Ведь теперь только обнаружение физических следов на «спутнице» Земли – от следов ботинок астронавтов до следов стартовых модулей спускаемых аппаратов – позволит точно ответить на вопрос: а были ли американцы на Луне?

Напомним, что с 1969 по 1972 год США, по официальной информации, отправили к спутнику Земли девять экспедиций, шесть из которых увенчались прилунением в общей сложности 12 человек. В гостях американцы чувствовали себя раскованно: проводили на лунной поверхности многие часы, катались на луномobile, собирали мешками грунт. А потрясенное человечество не отходило от голубых экранов, следя за этим «реалити-шоу».

Так откуда же не спадающая волна сомнений? Причина отчасти связана с нежеланием властей что-либо доказывать. В октябре 2002 года НАСА предложило было своему бывшему инженеру, а ныне одному из самых авторитетных экспертов по истории космических исследований Джеймсу Обергу опровергнуть инсинуации по поводу фальсификации лунной программы, но вскоре почему-то передумало. А опровергать было что. Недоумение, к примеру, вызывало фото развевающегося флага на лишённой атмосферы Луне. Кое-кто из экспертов предложил объяснение: флаг – фальсификация, очень уж хотелось сделать трансляцию красочнее и патристичнее.

Все бы ничего, если бы претензии сводились только к флагу. Но их куда больше. Часть экипажей «Аполлонов» не видела звёзд, которые, к слову, отсутствуют и на фотовидео-материалах. Астронавты не сделали ни одного свободного лунного прыжка – их скачки не превысили 45 см в высоту (средний земной параметр) и метра в длину, тогда как условия гравитации позволяли подпрыгнуть на полтора метра вверх и на три в длину. Вызывают сомнения и не надутые скафандры. Эксперты сравнили их с теми, что надевают астронавты шаттлов, выходя в открытый космос. Реальные скафандры заметно надуваются от перепада давления. И вообще: ни один участник лунной экспедиции не жаловался потом на здоровье, хотя от вредоносного излучения их защищали скафандры на порядок тоньше, чем аналогичные современные.

Наконец, главный аргумент скептиков: США удалось добиться фантастических успехов в отсутствие современных технических возможностей, например, компьютерного управления посадкой и взлётом. По рассказам так и не полетевшего на Луну Алексея Леонова, на тренировках отработывалось, как он, скособочившись, смотрит в иллюминатор, с тем чтобы в решающий момент запустить тормозные двигатели. Ошибка в полсекунды стоила бы ему жизни. США не обошлись без осечек: например, в случае с «Аполлоном-13», который вместо прилунения Луну облетел, но никто не погиб. Американцы долетали до Луны, садились, взлетали и возвращались на Землю. И им хватало горючего! Кстати, о посадках: реактивная струя, бьющая из сопла спускаемого аппарата, должна была разметать пыль в радиусе сотни метров. При посадках советских автоматических аппаратов так и было – пыль стояла столбом ещё долго, тогда как американцы бодро спускались по трапу на нетронутый грунт и оставляли на нём знаменитые следы.

И это далеко не полный список претензий: есть и «неправильно» отображаемые тени, и освещение в целом, и ретуширование и обрезание фотографий...

СПИЛБЕРГ ПОЗАВИДУЕТ

У скептиков есть и своя версия того, как это делалось. По их мнению, не стоит ничего выдумывать – всё описано и сказано участниками и свидетелями событий. Например, воспоминания советского космонавта Константина Феоктистова. Вот что он написал о своей поездке в НАСА: «С аэродрома мы поехали на базу в Лэнгли, где нам показали тренажёр для отработки ручного управления при прилунении... Посадочная площадка была сделана «под Луну»: на поверхности из шлака, залитой сверху бетоном, – кратеры, горки и всё такое прочее. Имитировались и условия освещения солнцем места посадки... В Хьюстоне мы видели специальный тренажёр для отработки причаливания. Это огромное сооружение, в котором натурный (по размерам и внешней форме) макет основного блока «Аполлона» и макет лунной кабины с двумя тренирующимися космонавтами могут совершать перемещения в пространстве... С моей точки зрения, это дорогостоящее сооружение американские специалисты сделали зря».

Не зря – убеждены скептики. Здесь то всё и снимали, как в Голливуде. Лунной гравитации, например, достигали путём замедления в 2,5 раза скорости воспроизведения кадров

Что стоит за этим снимком – величайшее достижение человеческой цивилизации или бессовестный обман?

видеозаписи. Билл Кейзинг, бывший начальник отдела технической информации фирмы Rocketdyne, работавшей в рамках проекта «Аполлон», утверждает, что астронавтов перед стартом сначала загружали в корабль, а потом незаметно выводили и отправляли в штат Невада, на авиабазу, где велись съёмки лунной эпопеи.

Конец спору можно было бы положить, предоставив суду экспертов оригиналы видео- и фотодокументов. Ведь то, что увидели в своё время 600 миллионов телезрителей, – это запись с записи. Обычные телекамеры снимали картинку, транслировавшуюся на специальный монитор НАСА. Но и первичное изображение не отражало всей картины: съёмки записывались на скорости 10 кадров в секунду, а транслировались с частотой 60 кадров. «То, что увидел мир, и близко по качеству не приближалось к полному с Луны изображению», – заявил Джон Саркисян из обсерватории CSIRO Parkes в Новом Южном Уэльсе (Австралия) – одной из трёх станций, которая принимала оригинальную съёмку до того, как отправить её в конвертированном виде в Хьюстон. Словом, если бы вместо мутной и малоразличимой в деталях картинки учёные получили чёткие оригиналы, одной из сторон спорить стало бы проще.

Но вместо этого в процессе разборки архивов НАСА выяснилось, что плёнки, пропутешествовав от НАСА в Национальный архив США и обратно, вроде бы нашли пристанище в Центре космических полётов Годдарда в Мэриленде. Туда же якобы отправили и оборудование, на котором их можно смотреть. Ни того, ни другого пока обнаружить не удалось.

Впрочем, даже если плёнки найдут и изучат, никто не даст ответ на главный вопрос: почему после столь фантастического успеха США, да и СССР, свернули лунные программы и, более того, почему до сих пор не повторили то достижение? Нехватка средств? Но транснациональные корпорации неоднократно предлагали миллиарды на промышленное изучение Луны. Только летите. Не хотят. Или не могут? Ведь в ответ на недавнее заявление властей Китая о намерении осуществить пилотируемый полёт на Луну Джордж Буш распорядился ускорить новую лунную программу. И что ответило НАСА? Нужны сотни миллиардов и около 50 лет, чтобы создать соответствующий корабль. А где же старые наработки? В ответ на недоумённые вопросы в НАСА намекают, что потерялись не только видео- и фотоматериалы, но и вся техническая документация прежней лунной программы.

Статья перепечатана из журнала «Итоги»

«Есть на Земле энергия ужасающей мощи. Имя ей – «чёрные дыры». «Дыра» размером с атомное ядро – это энергия, превосходящая по силе любую АЭС. Взрыв одной отонной бомбы – это взрыв миллиона атомных бомб, гибель миллионов людей».

Это цитата из выступления доктора философских наук, сотрудника Института философии НАН Белоруссии Александра Трофименко, физика по базовому образованию. В ней есть одно незнакомое для неспециалистов словосочетание – отонная бомба. Термин «отон» от сокращения «общая теория относительности» предложил в 1971 году замечательный советский учёный, один из создателей водородной бомбы, академик Яков Зельдович, отметив тем самым вклад в астрофизику Альберта Эйнштейна, одним из первых предположившего существование чёрных дыр.

Но сейчас речь пойдёт не о космическом монстре, который образуется после взрыва звезды и всасывает в себя галактики, а о его крохотном подобии, эдаком мини-монстре, который провоцирует многие негативные явления, до сих пор не нашедшие научного объяснения. И отнюдь не случайно изучением отонов занимаются в основном учёные, являющиеся не только физиками, но и философами, ибо только философия, задача которой – поиск вечных истин и вечных ценностей, способна соотнести глобальные масштабы этой проблемы с прогнозируемыми вершинами научно-технического прогресса.

Один из примеров таких прогнозов – межгалактические туннели. Если чёрная дыра – это большой антимир, то отон – его крохотная частица, обладающая точно такими же свойствами. Но колы существуют чёрные отонные дыры, в них, в свою очередь, должны быть белые дыры, ведь на каждый миг в мироздании есть плюс. И если, провалившись в чёрную дыру, можно оказаться в другой вселенной, то по белой дыре можно вернуться обратно. Теоретическую возможность использования дыр для транспортировки в иные вселенные рассматривал член-корреспондент АН СССР Н. С. Кардашов. Он писал: «Путешествие в чёрную дыру эквивалентно машине времени, которая позволяет покрывать бесконечно большое расстояние за конечные промежутки времени и преодолевать бесконечно большие интервалы времени за малые собственные времена».

Не этим ли объясняются неожиданные переносы людей из одной эпохи в другую? За фиксируемую историю человечества их набралось уже несколько

Альберт Валентинов

ЗЛО ИЗ ВСЕХ «ДЫР»

ко сотен. И среди этих случаев около десятка таких, когда человек исчезал среди белого дня на глазах очевидцев, а спустя несколько лет появлялся на том же месте, удивляя современников рассказами о странных мирах, в которые он попадал. Другого объяснения этих явлений, кроме отонов с их огромной энергией, в чью «сферу влияния» случайно попадает человек, на сегодня нет.

Череду исследователей нового явления возглавил знаменитый американский физик, нобелевский лауреат Стивен Хокинг.

– В 1967 году он, а одновременно с ним советские физики Яков Зельдович и Игорь Новиков высказали гипотезу о том, что из космоса могут приходиться так называемые залежавшиеся ядра Большого взрыва, эти самые отоны, – рассказывает Александр Трофименко. – Вонзаясь в Землю и кружа в ней по сложным орбитам, они, как спусковой крючок, вызывают явления, которые наука раньше не могла объяснить. Теперь в мире разработана уже достаточно весомая теория, объясняющая многие явления. Внесли свой вклад и белорусы с россиянами.

Согласно белорусской концепции, разрабатываемой с 1987 года в рамках астрономической секции минского отделения тогда ещё Всесоюзного астрономо-геодезического общества, малые чёрные дыры – это объекты, которые изначально были ядрами образования космических тел. В том числе и нашей планеты. Но существование отонов подтверждено и экспериментально в некоторых лабораториях мира. В том числе и у нас. Вместе с сотрудником Института физики Земли Игорем Науменко Бондаренко, создателем уникальной

аппаратуры, мы провели измерения гравитационного потенциала Земли в Таджикистане, на Памире, на Кавказе и зарегистрировали его периодические изменения, которые предсказаны теорией отонов: когда отон пролетает близко от аппаратуры, он меняет её показания, причём существенно.

Другие лаборатории ставят свои эксперименты. Так, недавно английские исследователи из университета Сент-Эндрюс приступили к опытам по созданию «чёрных мини-дыр» в лабораторных условиях. Короче говоря, идёт массовый поиск истины. Кто ищет, тот всегда найдёт, поётся в старой песне. Это полностью оправдалось в эпопее отонов. Достаточно было поставить задачу, и результаты не заставили себя ждать.

Началось всё с волн-убийц. Так прозвали явление, когда в какой-либо точке Мирового океана, где только что была тишь да гладь, вдруг без всяких видимых причин вздымается гигантская волна, и горе кораблю, попавшему в неё. Далеко не каждому судну удаётся выдержать такой удар. Один лишь пример. В ночь с 1 на 2 января 1997 года в Японском море при полном штиле разломился надвое российский танкер «Находка». Чтобы судно длиной 170 метров, шириной и осадкой 20 метров переломилось, нужен удар, как если бы корабль на полном ходу врезался в скалу. И подобных морских катастроф множество. Европейское космическое агентство направило радары своих спутников на просторы судоходной Атлантики, чтобы развеять миф о гигантских «волнах-шатунах», гуляющих по океану в ясную погоду. К удивлению учёных, в течение трёх недель на площади 10 на 5 километров было зафиксировано более десятка гигантских волн высотой 25–30 метров. Аномальность их появления вполне можно объяснить гравитационным воздействием отонов. И точно так же их воздействием можно объяснить и загадочные аварии самолётов, попадающих в неожиданно возникающие нисходящие потоки воздуха, преодолеть которые у самолёта не хватает мощности.

– Следующие катаклизмы, провоцируемые отонами, – вулканы, – говорит Александр Трофименко. – Уж, кажется, беда привычная, и никого извержениями не удивишь. Никого... Кроме вулканологов и геофизиков. Они так и не могут абсолютно достоверно объяснить, почему вулканы вообще существуют. Что за сила хранит в Земле точечную энергию с колоссальной температурой, которая, вырвавшись на свободу, несёт ужасные последствия.

При взрыве вулкана Кракатау в 1883 году погибло всё живое в радиусе

20 км. Вызванные вулканической пылью закаты, синее Солнце и ярко-зелёную Луну долгое время наблюдали жители Чикаго, Парижа, Гётеборга. Но гораздо мощнее было извержение в 1400 году до н.э. вулкана Санторин между Грецией и Кипром. Библейский рассказ о тьме египетской точно передаёт обстановку тех дней: «Тьма была по земле Египетской три дня, друг друга не видели, никто не вставал с места». Санторинский пепел найден в отложениях грунта Малой Азии и Африки. Итог буйства Санторина – кончина крито-микенской культуры, гибель Атлантиды. Современные вычисления показали, что мощность извержения Санторина превышала мощность миллиона атомных бомб, сброшенных на Хиросиму. Это вполне укладывается в формулу Стивена Хокинга, рассчитавшего схему воздействия отонов на процессы в земной коре.

– Но гораздо чаще отоны провоцируют локальные катаклизмы, – продолжает Трофименко. – Так, пронзая ледяной панцирь Арктики или Антарктиды, они вдруг вырывают из него огромный кусок льда и выбрасывают его далеко в море. Хорошо, если рядом не оказывается судов. И охотники могут считать себя везучими, если не попадают на тот небольшой участок тайги, который вдруг вырывается из земли вместе с деревьями, а затем обрушивается вниз. А бедуины в пустыне давно уже приноровились к внезапно налетающему песчаному шквалу: закутываются в бурнусы и бросаются на землю. Лишь бы воздуха хватило. У нас в Беларуси, в районе Солигорска, есть болото дьявола. Примечательно тем, что периодически засасывает в топь любого, кто подходит к нему ближе, чем на сто метров. Болото притягивает человека, будто магнит железку, – похоже на эффект всасывания вещества чёрной дырой.

В истории зафиксированы тысячи подобных необычных явлений. Например, странные «дожди» из рыб, лягушек, зерна и прочего, что было в своё время поднято высоко в небо вопреки земной силе тяжести. В городах мира постоянно разрушаются здания, что в ряде случаев, очень возможно, вызвано отонными ударами. Характерный случай, о котором сообщалось в прессе: 25 декабря 1967 года в 21 час 30 минут в Москве разрушился пятиэтажный дом № 77 по улице Осипенко. Погибло около 200 человек. Дом поднялся в воздух, на мгновение завис и рухнул. По словам очевидцев, некоторые блоки дома выбросило на окрестные улицы вместе с жильцами, люди висели на деревьях. Свидетели отмечали, что во время катаклизма их подняло к потолку.

На Северном Урале есть гора Холат Сяхыл, в переводе с мансийского – Гора мертвецов. Впервые она заявила о себе в феврале 1959 года, когда там погибли девять студентов Уральского политеха. Кожа их имела красный оттенок, а патологоанатомы обнаружили в телах внутренние ожоги и разрывы тканей. На Западе даже появилась версия, что в СССР были проведены испытания вакуумной бомбы. Но с тех пор каждые три-четыре года на Горе мертвецов находят трупы с похожими ранами.

В Китае в Чанбайшаньских горах есть Долина зелёной смерти. Там сходит с ума стрелка компаса, пропадают люди, причём не дилетанты-туристы, а знающие те места охотники за женщинами. Над долиной регулярно терпят катастрофу самолёты.

Есть на Земле места менее гибельные, но столь же аномальные. Сброшенный в озеро в конце XIX века многотонный Синь-камень близ Переславля-Залесского через полвека не только выбрался из воды, но и встал на прежнее место. Катятся вверх булыжники на горе Жаманболды в предгорьях Алатау. Столь же загадочно двигаются вверх камни на небольшом холме недалеко от древней грузинской столицы Мцхета. Ортодоксальная наука не в силах объяснить эти явления.

А пожалуй, ничем, кроме воздействия отона, не объяснить загадочную гибель суперпоезда «Вильгельм Конрад Рентген» – уникального творения немецких инженеров. 3 июня 1998 года он проходил по равнинному участку трассы Мюнхен – Гамбург с обычной скоростью 220 км в час. Первые три вагона промчались под автодорожным мостом – и вдруг неведомая сила оторвала от рельсов четвёртый вагон. Он подскочил, врезавшись в мост. Итог – 100 погибших и 300 раненых. Причина трагедии так и осталась невыясненной.

Академик Яков Зельдович в своё время озвучил постулат: «Во всём, что невозможно объяснить, виноваты чёрные дыры», – имея в виду отоны с их непредсказуемыми выбросами энергии, пронзающие не только сушу и воду, но и живые существа. Это в полной мере относится к страшному явлению – самовозгоранию людей.

В 1999 году в лифте одного из домов Минска сгорел молодой человек. Одежда его осталась невредимой, а стены и потолок кабины даже не закоптились. Официальная статистика, начиная со Средних веков, зафиксировала сотни таких случаев, когда чаще всего в доме, а иногда и вне его находили кучку пепла, а рядом нетронутую одежду – всё, что осталось от человека. Но особенно

драматичны случаи, когда человек вспыхивает на глазах у всех. Именно так произошло в Германии в 1986 году с одним пастором прямо во время службы. На глазах у всех молящихся из груди его вдруг вырвался язык пламени, он закричал и через секунду превратился в столб огня. Ни одежда, ни деревянная церковная утварь не пострадали. Можно представить, какие разговоры пошли среди прихожан, многие из которых прямо обвиняли служителя Божьего в связях с нечистой силой.

Года два спустя о таком же случае сообщила радиостанция Би-би-си. На глазах у всех на дискотеке вспыхнула 19-летняя девушка, танцевавшая со своим молодым человеком. Сам молодой человек и другие, видевшие это вблизи, говорили, что языки огня вырывались прямо из её тела. Но, как и во всех других случаях, одежда осталась неповреждённой.

В России раз в два года отмечают столь же трагичные случаи. Так, в ночь с 5 на 6 мая в одном из дворов на улице Розы Люксембург в Томске заживо сгорел мужчина, сидевший на деревянной скамье. В 1995 году в Москве на улице Островитянова вспыхнул пламенем Александр Шлядинский. В том же году на операционном столе больницы Лос-Анджелеса, к ужасу медиков, вспыхнув, сгорела заживо 26-летняя Анжела Эрнандес. Всего за тот год в США было зафиксировано три подобных случая, в Англии и Чехии – по два, в Индии и Китае – по пять. А всего от самовозгорания на Земле гибнут ежегодно 15–20 человек. Пишут об этом явлении редко, поскольку официального научного объяснения ему нет. Но уже в 1991 году Александр Трофименко говорил о гибели людей от отонов, летящих из космоса или из недр планеты.

– Если теория, разработанная Яковом Зельдовичем, Игорем Новиковым, Стивеном Хокингом и дополненная белорусскими учеными, верна, – говорит Александр Петрович, – то теоретически, на основании снимков из космоса волн-убийц, можно вычислить траектории малых чёрных дыр, кружащих в Земле. Тогда бы удалось сберечь тысячи человеческих жизней. И не исключено, чёрные дыры удалось бы поставить на службу человечеству. Если точно выяснить траекторию хотя бы одного отона с его огромным количеством энергии, то можно попробовать построить отонную электростанцию. Так носители зла сослужили бы человечеству добрую службу. Звучит фантастически. Но вспомните: научные споры о возможности использования атомной энергии начались задолго до появления и атомной бомбы, и атомной электростанции.

Геннадий Черненко

«ПРИРУЧЁННЫЙ» ВЗРЫВ

Судьба этого выдающегося учёного сложилась трагически, а гибель его до сих пор остаётся тайной.

ЖАНДА ПОЗНАНИЯ

Утром 6 мая (по старому стилю) 1903 года в одиночной палате психоневрологической лечебницы доктора И. Я. Платонова прозвучал выстрел. Дверь палаты была заперта изнутри. На стук никто не ответил. Дверь вышибли, и глазам медицинского персонала предстала странная картина. На больничной койке лежал человек в окровавленной рубашке. Руки его были скрещены на груди. На ночном столике рядом с кроватью — револьвер системы «бульдог». Если человек застрелился, то как мог после этого положить револьвер на столик? Если же застрелен, то кем и почему?

Погибшим пациентом был профессор Харьковского технологического института Николай Дмитриевич Пильчиков. В учёном мире, в России и за границей, его хорошо знали как талантливого физика. Многообразие его интересов поражаало. Он изучал радиоактивность и земной магнетизм, рентгеновские лучи и атмосферное электричество, электролиз и поляризацию света, провёл исследования знаменитой Курской магнитной аномалии и первым объяснил причину её влиянием огромных залежей железной руды.

Пильчиков исследовал выпадение града, сделал прекрасные фотографии молний. Более того, ему едва ли не первому удалось получить искусственный сферический разряд — таинственную шаровую молнию! В год, когда ожидалось полное солнечное затмение, неутомимый учёный отправляется в Алжир, чтобы провести там (в России это было невозможно) тщательные наблюдения редкого природного явления.

Многие считали, что подняться в небо на аэростате выше 3–9 километров человек не сможет, а Пильчиков разработал проект стратостата с герметично закрытой гондолой, которая позволила бы подняться ввысь на 20–30 километров! И всё же наибольшую известность принесло ему изобретение в области радиотехники. Известность... А быть может, и безвременную, трагическую гибель?

«ДЛИННЫЕ РУКИ» РАДИОВОЛН

Пильчиков родился 9 мая 1857 года в Полтавской губернии. Рано лишился матери и рос, по словам биографа, «на руках отца», преподавателя истории и политической экономии Полтавского кадетского корпуса. С детства отличался он «талантливостью

к наукам», особенно к физике и математике. Так что вовсе не случайно, поступая в Харьковский университет, выбрал физико-математический факультет. Научные исследования начал в студенческие годы. В частности, проводил опыты по записи звука (ещё до появления в Европе фонографа Эдисона!). После завершения учёбы в 1880 году он был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию». Затем отправился в двухгодичную командировку во Францию для практики в лучших парижских лабораториях.

Со временем имя Пильчикова приобрело европейскую известность. Он стал действительным членом Тулузской академии наук, членом учёных обществ не только в России, но и во Франции, Австрии, Бельгии, Германии, США. Был деятельным участником ряда конгрессов и съездов. Выступал охотно и с популярными лекциями. А в часы досуга играл на скрипке, писал стихи, рисовал.

Разумеется, зарождавшаяся радиотехника, телеграфия без проводов, как тогда говорили, не могла его не заинтересовать. Он и сам решил внести лепту в эту новую область науки и техники, выбрав оригинальную, совсем ещё не разработанную тему — управление по радио.

К этому времени, к середине 90-х годов, Николай Дмитриевич перебрался из Харькова в Одессу, стал профессором Новороссийского университета. Здесь-то и объявил он о тех замечательных исследованиях, которые, как оказалось, вёл уже давно и в которых добился прекрасных результатов.

23 марта 1898 года одесская газета «Южное обозрение» сообщила, что профессор Н. Д. Пильчиков прочтёт публичную лекцию об электромагнитных волнах с демонстрацией «многих поразительных опытов». С помощью изобретённых профессором устройств, писала газета, можно будет взрывать мины, удалён-

ные на большие дистанции, производить выстрелы из орудий, не приближаясь к ним, управлять на расстоянии семафорами, морскими маяками, часами.

Основой для разработки этих приборов служил, конечно же, изобретённый в 1895 году А. С. Поповым радиоприёмник, знаменитый «грозоотметчик». К слову сказать, Николай Дмитриевич в своих выступлениях всегда подчеркивал приоритет Попова. Они были знакомы, переписывались, и создатель радио знал об изобретениях Пильчикова.

Объявленная лекция состоялась в назначенный день в Биржевом зале Одессы. Опыты и в самом деле оказались необыкновенными. Учёный, как и обещал, посредством радиоволн на расстоянии зажёл свет в модели маяка, привёл в движение модель железнодорожного семафора, сделал выстрел из маленькой пушки, наконец, в резервуаре, устроенном прямо в зале, взорвал «мину». При этом для большей наглядности была потоплена модель яхты.

Семь месяцев спустя, 29 октября, Пильчиков выступил с лекцией о радиоуправлении на заседании одесского отделения Императорского Русского технического общества. Этот доклад также сопровождался невиданными экспериментами: с помощью электромагнитных волн, посланных через просторный зал, был приведён в действие гальванометр, включён электрический звонок, а также взорван небольшой заряд пироксилина.

СЕКРЕТНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Опыты Пильчикова со взрывами были, понятно, не случайными. Изобретатель надеялся применить свои радиоустройства в военном деле. В декабре 1898 года он обратился с докладной запиской к военному министру А. Н. Куропаткину. Он писал, что его метод «беспроводной электрической передачи энергии» даст возможность взрывать заложенные мины

И.Д. Пильчиков

А.С. Попов

Н. Тесла

на значительном расстоянии, не имея с ними никакого сообщения кабелем или проволокою, позволит создать минные лодки, которые без единого человека команды будут наступать на неприятельские корабли и топить их, построить радиоуправляемые «сухопутные миноносцы», способные двигаться впереди атакующих и разрушать встречаемые укрепления.

Учёный писал также, что не считает себя вправе эксплуатировать своё изобретение за границей (а такие предложения, «весьма выгодные», по его словам, были) и, стремясь сохранить всё «в полной тайне», воздерживается от патентования. Поразительная наивность! При существовавшем в то время уровне секретности тайну Пильчикову вряд ли удалось бы хранить долго. Да и идея телеуправления уже носилась в воздухе.

Знал ли Пильчиков о любопытных опытах в США изобретателя Николы Теслы – неизвестно. А они были поставлены в том же, 1898 году. Именитый электротехник демонстрировал модель радиоуправляемого судна. С американской деловитостью, не в пример русскому профессору, он поспешил взять патент (три

месяца спустя после первой лекции Пильчикова в Одессе!) на «метод и устройство для управления механизмами судов и экипажей».

Однако в приборах Пильчикова было одно чрезвычайно важное отличие. Суть его изобретатель сам объяснил в переписке с военным ведомством: «После довольно продолжительных теоретических и опытных изысканий я остановился на той мысли, что прибор, воспринимающий действие электрических волн, должен быть непременно снабжён особым охранным снарядом – протектором, который, профильтровывая доходящие до него электрические волны, давал бы доступ к действующему механизму лишь тем волнам, которые посланы нами».

Ныне любая машина, управляемая по радио, – земная, воздушная или космическая – имеет свои «протекторы», защищающие её от искусственных или природных помех. Без этого надёжное радиоуправление невозможно. Пильчиков одним из первых понял это.

Но изобрести протектор оказалось куда легче, чем пробиться через чиновничьи препоны. У Пильчикова не было тех условий, которые имел тот же Никола Тесла,

получавший за свои изобретения миллионы долларов. Берлинскому учёному Слаби для проведения опытов по радиотехнике германский император предоставил и деньги, и войска, и корабли, и даже дирижабли.

Правда, ответ на свою первую докладную записку военному министру Николаю Дмитриевич получил довольно быстро. Главное инженерное управление просило сообщить более подробные сведения об изобретении. И Пильчиков их сообщил. Он докладывал, что разработал несколько видов протектора разного назначения: для мин, которые можно было взрывать все одновременно или в любой комбинации, торпед, «минных автомобилей». Снова повторил, что отказывается реализовать своё изобретение за границей, поскольку, «найдя применение в иностранной армии и флоте, оно могло бы послужить нам же во вред». Изобретение своё он оценивал в 150 тысяч рублей, но просил ассигновать пока лишь десятую часть для изготовления приборов и проведения опытов.

ЧИНОВНИЧЬЯ ЧЕХАРДА

Проходил месяц за месяцем, а военное ведомство всё молчало. Изобре-

татель решил напомнить о себе и 12 сентября 1900 года снова обратился к военному министру: пожаловался, что, столь долго не получая никакого известия о состоянии дела (в течение более чем полутора лет), находится в тяжёлом положении неопределённости, писал, что в Америке и Европе инженеры тщетно ищут решения вопроса, которое он ещё два года назад мог предоставить военному министерству. В заключение выражал готовность снизить стоимость своего изобретения до 100 тысяч рублей с рассрочкой на пять лет, причём эти деньги предназначал не для себя, а для нужд физической лаборатории Новороссийского университета.

Лишь четыре месяца спустя последовал ответ Главного инженерного управления. У Пильчикова опять потребовали разъяснений. И снова ему пришлось объяснять, в чём состоит суть его предложения. Теперь он просил субсидию хотя бы в 5 тысяч рублей да примерно столько же на постройку небольшого радиоуправляемого судна. «Если бы Военное министерство, – писал изобретатель 26 января 1901 года, – нашло возможность ассигновать особую сумму –

Ваше Превосходительство

*Многоуважаемый
Контр-адмирал Ермаков!*

*Позвольте обратиться к Вам с
личнейшей просьбой сообщить мне ве-
скольких слов, в каких положе-
ниях находится дело о создании Мор-
ского Ведомства морской опытной
по беспроволочному телеграфированию
в России, прощу Вас, за беспо-
койство и примите, Ваше Превосхо-
дительство, выражение моего глубокого
почтения и уважения.*

А. Пильчиков

9 февраля

1902.

А. Окса

Письмо Н.Д. Пильчикова главному инспектору, контр-адмиралу Н.С. Остелецкому

около пяти или шести тысяч – на устройство маленького телеавтомоторного катера (большой обошёлся бы тысяч в десять), то я почёл бы за величайшее счастье заняться постройкой такового с тем, чтобы во время будущего осеннего пребывания Государя в Ливадии доставить возможность Его Государной Руке нажатием ключа электрического осциллятора приводить к берегам Ливадии или усы-
лять в открытое море этот автомоторный катер».

Увы, мечтам этим не суждено было осуществиться. В военном ведомстве посчитали, что расходы на опыты Пильчикова слишком велики, даже та мизерная сумма, которую он просил. Решили обратиться в Морское министерство, с тем чтобы поделить расходы пополам.

В начале 1902 года Пильчиков, находившийся тогда в Петербурге на 11-м съезде русских естествоиспытателей и врачей, был приглашён в Морской технический комитет, где подробно рассказал о своём протекторе. Доклад звучал убедительно, и вскоре управляющий Морским министерством

вице-адмирал П. П. Тыртов дал согласие на половину расходов. Но тут Военное министерство вдруг отказалось участвовать в опытах. Тогда морское ведомство полную сумму расходов (всего-то 5 тысяч рублей) взяло на себя. Пока шли переговоры и переписка, Николай Дмитриевич возвратился из Одессы в Харьков и вновь стал профессором Технологического института.

Опыты состоялись в Севастополе в августе 1902 года в присутствии изобретателя. Радиосигналы посылались с Херсонесского маяка, а принимались в море, на транспорте «Днестр». При этом удалось по крайней мере в три раза увеличить дальность передачи. «Опыты принесли большую пользу», – докладывал в Морской технический комитет Главный командир Черноморского флота. Продолжить их не удалось. Есть, правда, глухие сведения, что позже Пильчиков оказывал какую-то секретную военную помощь нашему флоту, действовавшему на Дальнем Востоке во время русско-японской войны, и даже получил за

это благодарность командующего.

Но что это были за труды, неизвестно.

ТРАГЕДИЯ

По отзывам современников, профессор Пильчиков был человеком чрезвычайно впечатлительным, «отличался необычной нервозностью и раздражительностью». Своей семьи Николай Дмитриевич не имел и жил одиноко среди книг и приборов, страстно преданный научным занятиям, изобретательству и педагогической работе.

Время было неспокойное. В Технологическом начались волнения студенчества, к которому Пильчиков всегда относился с большим вниманием и сочувствием. Да и студенты любили и уважали своего профессора физики. Он тяжело переживал смуту и общественный разлад. Здоровье его, и без того некрепкое, резко ухудшилось.

4 мая 1903 года Николай Дмитриевич приехал с небольшим чемоданчиком в лечебницу нервных и душевных болезней и заявил, что ему необходимо пожить некоторое время в тишине и покое. Доктор И. Я. Платонов осмотрел нового пациента. Тот был задумчив, жаловался на переутомление.

Поместили учёного в отдельной палате на втором этаже. День 5 мая он провёл спокойно. В 11 часов вечера лёг спать, заперев дверь. Пациент, живший по соседству, потом рассказывал, что часов в семь утра 6 мая услышал за стеной хлопок, похожий на выстрел, а затем – короткое хрипение. Заподозрив недоброе, больной сообщил об услышанном врачу. Что было дальше, читатель уже знает. Пуля попала в сердце, пробив его насквозь и остановилась под кожей около позвонков.

Трагическое событие взволновало весь город. «Впечатление от этой катастрофы, – писала на следующий день харьковская газета «Южный край», – поистине ошеломляющее! Вопросы: зачем? почему?

– тревожат всех и каждого. Тайну своего преждевременного конца профессор Пильчиков унёс в могилу».

Современники не сомневались, что 50-летний профессор покончил с собой. Но как же тогда с аккурат-
но скрещёнными руками, а главное, с револьвером, положенным на столик? Возможно ли такое при самоубийстве?

Крупный специалист в области судебной медицины профессор Н. Бокариус утверждал, что возможно. Он даже специально в одном из своих трудов обратил к примеру Пильчикова. «В случае небольших огнестрельных ран, – писал Бокариус, – потерпевший способен сделать даже несколько шагов и производить несложные действия... В нашем случае самоубийца после выстрела в сердце мог ещё положить револьвер на стоящий подле кровати стол и сложить руки на груди». Зарегистрирован случай, когда человек, раненный в сердце, двигался и разговаривал в течение 14 часов!

Но версия о самоубийстве не единственная. Много лет спустя после гибели Пильчикова возникла другая – о намеренном убийстве изобретателя нового важного прибора. Возможно, совсем не он нажал на спусковой крючок. Отпечатки пальцев на «бульдоге» не были изучены. В пользу версии об убийстве говорит и тот факт, что среди оставшихся бумаг профессора почему-то не оказалось ни схем, ни расчётов его радиоустройства, его протектора. Возможно, они находились в том чемоданчике, который был принесён Н. Д. Пильчиковым в лечебницу. Быть может, кто-то преследовал учёного, и он искал в лечебнице убежища?

Забраться в палату через окно на втором этаже для сильного человека не представляло бы большого труда. Застрелить изобретателя в закрытой комнате, похитить бумаги, а затем быстро и незаметно уйти тем же путём – задача тоже вполне выполнимая.

Александр Обухов

КОЛУМБ «ПОЛУНОЩНОЙ» РОССИИ

Среди знаменитых русских путешественников, внёсших свой вклад в открытие и описание северных окраин России, имя Семёна Ивановича Челюскина стоит на одном из первых мест. Именно он в составе 2-й Камчатской экспедиции выявил северную оконечность полуострова Таймыр, являющуюся одновременно северной оконечностью материковой Азии, которая в 1843 году была названа в его честь мысом Челюскина.

Однако в обыденном сознании фамилия «Челюскин» ассоциируется прежде всего с легендарным пароходом, события вокруг которого развернулись в 1934 году и вошли в историю как спасение челюскинцев. За этим следила вся страна. Впрочем, обо всём по порядку.

Знаменитый исследователь родился далеко от тех мест, которые носят его имя. Род дворян Челюскиных, восходящий к началу XVII века, записан в VI части родословной книги Рязанской губернии. Однако спустя столетие Челюскины относились уже к мелкопоместному калужскому дворянству. Дата рождения будущего путешественника точно не известна. Обычно указывают, что Семён Иванович родился около 1700 года в имении под Калугой.

Это было время, когда петровская «Россия молодая» создавала новую армию и флот. Следуя духу времени, Иван Челюскин отдал своего отпрыска на учёбу в «Навигацкую школу». Отсюда выходили, конечно же, не те бойкие фехтовальщики, которые бретёрствуют в историко-приключенческом фильме «Гардемарины, вперёд!», а первые русские инженеры, картографы и артиллеристы. Действительность всегда суровее тех кинолент, в которых она отражена. Вот и будущий первооткрыватель извещал на себе, что такое муштра, невыполнение приказа и стояние под ружьём. Но на Руси не случайно всегда говорили: «За битого двух небитых дают». Всё это, к тому же, окупалось неплохим содержанием. На пропитание небогатым «навигаторам» в день отпускалось от 3 до 12 копеек, что по тем временам было немалыми деньгами, часть из которых даже отсылалась домой. Кроме того, где бы ещё дворянские недоросли могли изучить такие дисциплины, как сферистика, астрономия и математическая география? Закончив сначала «Навигацкую школу», а затем и морскую академию, основанную Петром I в 1715 году, Семён Челюскин, став штурманом, подал рапорт о зачислении в состав второй Камчатской экспедиции. План этой экспедиции составлял сам капитан-командор Витус Беринг. В план входило, с одной стороны, описание всего северного берега Сибири, а с другой – исследование морского пространства от Камчатки вплоть до Амура и Японии. Семёну Челюскину вместе со своим знакомым – лейтенантом Василием Прончищевым выпало выполнять первую задачу, сформулированную капитан-командором. Отряд под руководством Прончищева должен был исследовать и описать западные берега Сибири от устья реки Лены, а затем обогнуть Таймыр. Так, весной 1733 года началась сибирская эпопея Челюскина, продолжавшаяся целых десять лет. Сказать, что путешествие было тяжёлым и опасным, значит, не сказать ничего. Только к лету 1735 года исследователи добрались до Якутска, а дальше на одноименном шлюпе вышли в плавание к устью

реки Лены. Лишь благодаря мастерству штурмана, шлюп не застрял в многочисленных протоках реки. Спустя два месяца участникам экспедиции пришлось зазимовать в устье другой реки – Оленек. Целый год, живя в землянках, Прончищев и Челюскин готовились к следующему броску: ремонтировали шлюп, запасались провиантом у тунгусов и вели картографические работы. В первых числах августа 1736 года шлюп взял курс на устье реки Хатанга. 29 августа скончался от цинги Василий Прончищев, и командование взял на себя штурман Челюскин. Витусу Берингу он писал, что, несмотря на жертвы, участники экспедиции готовы продолжать начатое дело.

Устья Лены, Хатанги и Оленека были тщательно обследованы и картографированы. При этом экспедиция обнаружила, что в Хатанский залив впадает ещё одна река – Балахня. В этих заботах прошло два года. 30 июня 1740 года льдина пробилла подводную часть шлюпа «Якутск». Воду откачивали целую неделю, но шлюп неумолимо тонул. К счастью, ударили морозы, позволившие высадиться на лёд и добраться до берега. Ящики со снаряжением и мешки с провиантом носили на берег с вмёрзшего в лёд корабля ещё полмесяца. Когда команда с очередной поклажей сошла на берег, льдина откололась, и шлюп с оставшимися вещами и продуктами унесло в открытое море. Теперь экспедиция, преодолевая реки и болота, шла к Хатанской губе. Истекал десятый год с того дня, как штурман Челюскин отправился к месту своей опасной, но полюбившейся ему службы. Новый 1743 год не принёс ничего хорошего. Адмиралтейств-коллегия была завалена доносами на участников экспедиции, которые исходили от властей Тобольска и Якутска. Последним очень досаждали просьбы о помощи сначала Прончищева, а затем Челюскина. Вот почему был издан приказ о сворачивании работ. Как это часто бывает, опасный и нужный труд исследователей никак не был оценён. Наград или званий Семён Челюскин, да и другие участники экспедиции не получили. Только спустя два года Челюскина произвели в лейтенанты и назначили командовать придворными яхтами. Но этого ли назначения ждал отважный штурман? В 1754 году Челюскин получил, наконец, чин капитан-лейтенанта, а в 1760-м вышел в отставку. Точная дата кончины знаменитого исследователя Севера, уроженца калужской земли – неизвестна. И только спустя сто лет после окончания великой северной экспедиции имя Семёна Челюскина появилось на карте, а ещё спустя сто лет его именем был назван грузовой пароход, на котором команда академика О. Ю. Шмидта решила пройти Северным морским путём. 13 февраля 1934 года, спустя двести лет с тех дней, когда Семён Челюскин прибыл к местам своей десятилетней северной службы, под напором льда борта «Челюскин» были разорваны, и пароход затонул. Челюскинцы высадились на лёд, почти точь-в-точь как и экипаж шлюпа «Якутск», под командованием знаменитого штурмана. Все они были спасены. Что это, случайное совпадение или мистическая загадка истории? А может, это душа штурмана, прикипевшего к северным широтам, помогла спастись тем, кто шёл его путём?

ЦВЕТЫ С НЕБА

Автор рассказывает о необычайном случае, в котором довелось поучаствовать и ей самой.

Моя подруга Ольга работает ответственным работником в государственной структуре г. Екатеринбурга. Несколько лет назад у неё заболел папа, и болел долго и тяжело. Семья по очереди дежурила у постели больного. Как-то Ольгу срочно отправили в командировку. Волнуясь, что с папой может что-то случиться в её отсутствие, она попросила меня «поддерживать» его энергетически. Она боялась, что если он умрёт, то она не успеет попрощаться с ним – так он был слаб. Согласившись помочь, я как бы мысленно поддерживала его золотистыми нитями и «держала» так несколько дней, пока Ольги не было. За это время он несколько раз терял сознание, словно уходил из жизни и возвращался обратно. Ольга успела вернуться из командировки и застала папу, когда он уходил в последний раз. Она слышала, как отец, который при жизни оставался неистовым коммунистом и атеистом, вернувшись «оттуда», сказал: «Я видел Его. Все эти годы я был не прав. Я ошибался. Простите меня за всё. ОН есть, я ЕГО видел». Через некоторое время он умер. С тех пор прошло пять лет. И вот у Ольги новое горе – 16 января 2002 года умирает мама. Похороны назначают на 18 января.

В этот день вечером часов около восьми я сидела и работала с материалами. «Дзынь!» – вдруг звякнул колокольчик над головой. Звук похожий на сигнал, который издаёт современный сотовый телефон, – быстрый, лёгкий. (Меня иногда преследует жутковатое чувство, что многие современные технологии были подсказаны нам «оттуда», из царства мёртвых или из каких-то других царств.) «Дзынь!» – снова прозвучал маленький сигнал, замерев в воздухе. «Что это могло быть?» – невольно подумала я. К появлению мистических барабашек я привыкла, но это были не они. Кого же «надуло сквозняком» в этот раз?

Сию, гадаю, и вдруг опять: «Дзынь!», и в пространстве, недалеко от меня, появляется папа моей знакомой Ольги, Михаил Андреевич. В тёмном костюмчике, при галстукке, подобранный, наглаженный, весь аккуратенький такой. Он неожиданно проступил из пространства так, как появляются переводные картинки на бумаге. Я смотрела в пустоту и не верила глазам – Михаил Андреевич был хорошо виден в полный рост, во весь размах. Он расположился рядом совсем как живой и намеревался что-то сказать. Воздух чуть расплылся около его фигуры, словно оплавился, как плавится воздух около газовой горелки, окружая её размытостью. Остолбенев, я уставилась на покойничка: «Ничего себе, какие гости пожаловали на ночь глядя! Испугаться или нет?» Но работы было много, и пугаться некогда. «Чего же он пришёл?»

Он, словно услышав меня, тут же заговорил, как будто ждал разрешения, и мой мысленный вопрос был этим разрешением. Он произносил слова ёмко и чётко, с лёгкой хрипотцой, но слышались они не в голове и не в воздухе, а где-то совсем рядом, как будто звучала запись с магнитофонной плёнки.

– Мне необходимо твоё участие, – сказал Михаил Андреевич.

– Ага! – кивнула я головой. Саму же одолевали не то сомнения, не то страх – всё же передо мной стоял как живой человек, умерший пять лет назад. Вжавшись в диван, я смотрела на «привидение», слушала и не понимала, что ему от меня нужно.

– Прошу помочь мне, – звучал голос, давая указания. – Ты должна купить четыре цветка каллы и завтра принести их на кладбище на похороны моей жены.

– Что вы сказали? – поперхнулась я. – Какое кладбище? При чём тут я?

Назавтра у меня были другие планы, и на похороны я не собиралась. Конечно, Ольга была моя подруга,

но проводить в последний путь её маму хотели в основном близкие родственники, соседи. Моё присутствие там не предполагалось. Но мне не надо было даже возражать – он мгновенно улавливал настроение. Он висел в воздухе, пугая громадным тёмным силуэтом, и, заглядывая сверху в мою голову как в свою собственную, без особого труда читал мои мысли.

– Пожалуйста, принеси четыре цветка каллы, – настойчиво попросил Михаил Андреевич, «прочитав» заранее, что я хочу отказаться.

«Ничего себе кинотриллер на ночь! – я всё ещё не верила в происходящее. Но надо признаться, что появление духа из мира мёртвых меня не очень испугало. Нас словно связывала с ним какая-то нить, возникнувшая в период его болезни, и я чувствовала эту связь. – Где я возьму эти цветы зимой? Каллы такая редкость! Для прощания все больше приносят гвоздики!» – сопела я под нос, недовольная предстоящей поездкой на кладбище.

– Пожалуйста, сделай это, – шелестел Михаил Андреевич, как ночной ветер. – Но купи только каллы!

«Почему вы не поговорите с кем-нибудь из родственников? Почему пришли ко мне?» – уточняла я. Казалось, я уже освоилась и разговаривала с ним свободно, как на телефонном переговорном пункте. Михаил Андреевич словно обрадовался:

– Никто из них меня НЕ СЛЫШИТ. Ты же разговаривала со мной, когда я уходил. Ты можешь меня СЛЫШАТЬ.

В душе я уже почти согласилась, но всё же ещё сомневалась:

– Мне надо подумать.

– Хорошо. Я подожду, – прошелестело в воздухе. «Дзынь!» – звякнул колокольчик, и дух исчез. Голова так была заморожена происходящим, что требовалось срочно поделиться с кем-то новостью. Я позвонила Ольге.

Надо отдать должное друзьям, которые необъяснимые явления, сопутствующие моей жизни, принимают как нечто природное, жизненное, естественное. Ольга, внимательно выслушав, предложила: «Ты приходи завтра в церковь. Сначала будет отпевание. За это время тебе дадут машину, и съездишь за цветами. Раз папа просит цветы, значит, ему это нужно». Вопрос был решён. Я думала, что на этом всё закончилось, но не тут-то было.

Была полночь, за окном сумеречно темнело небо. Я уже было собралась спать, но в комнатной тишине снова раздалось: «Дзынь!» Ночной воздух пошёл рябью, расплавился, и из него как по волшебству появился Михаил Андреевич.

— Ты согласна помочь?

Я слегка растерялась от нового появления странного призрака.

— Мне нужны цветы! Принеси их на кладбище! — Голос был ровный, спокойный, но в нём уже зазвучали громкие нотки, требующие беспрекословного послушания.

«От этого можно сойти с ума: посреди ночи приходят умершие и приглашают на кладбище, — думала я. — Почему он хочет положить жене цветы на могилку? Неужели на небесах есть жизнь и те, кто там живет, помнят о тех, кто остался на Земле? Неужели для тех, кто наверху, существуют важные обстоятельства, которые продолжают связывать их с людьми на Земле как живых — по-человечески? Невероятно! Возможно, если бы люди знали об этом при жизни, они были бы внимательнее друг другу на земле, добрее». И, поразмыслив, я согласилась: «Хорошо, я попробую найти цветы и передать их Ольге».

— Нет! — вдруг заволновался Михаил Андреевич, — ты должна сама поехать на кладбище и проследить, чтобы цветы положили на могилку! — сделал он особенный акцент на этой фразе.

— Разве недостаточно, что я передам вашу просьбу? — Мне ужасно хотелось ущипнуть себя за руку и проверить, не мерещится ли мне это — образ человека в костюме, чуть колыхаясь, висел в воздухе туманным облаком, но при этом и переживал и страдал, как живой. — Это что, так важно?

— Это очень важно. — В голосе слышались скорбь и печаль, словно сейчас решался самый важный вопрос всей его жизни и он мог упустить последнюю возможность его решить. — Чтобы попасть к тебе, мне потребовалось получить особое разрешение на небесах, — тихо сказал он, видимо, устав убеждать меня. Он молча достал из кармана слегка помятую пачку

«Беломорканала» и, вынув папиросу, закурил. Дым легкой струйкой поднимался вверх.

— А разве на Землю попадает не каждый? Я думала, что любой из ушедших на небеса может прийти к своему близкому, — удивилась я, даже не предполагая, как напугает меня то, что последует дальше за его ответом.

— Нет, это не так, — вздохнул Михаил Андреевич. — Чтобы получить особое

разрешение и посетить Землю, нужна очень веская причина. Посмотри, сколько желающих попасть сюда. — Он обернулся и через плечо посмотрел назад.

С поворотом его головы границы воздуха вдруг раздвинулись, как кулисы, открывая скрытую за ними сцену. От страха я чуть не обмерла: за спиной, в тёмной глубине, на фоне коричневатого-сероватого фона стояла громадная толпа людей, одинако-

во одетых в белое. Словно поняв, что я слышу их крики, толпа ожила, стала волноваться, ко мне потянулись многочисленные пальцы. Люди что-то кричали, о чём-то слёзно просили, и все тянули руки в мою сторону, пытаясь дотянуться и вырваться за невидимую черту. Они рвались переступить её, но не могли – что-то держало их, какая-то сила.

– Это всё умершие? – вздрогнула я, на миг представив, что они могли броситься ко мне, если бы их не сдерживало нечто. Зрелище было странным, притягивающим и пугающим.

– Да. Они знают, что мне разрешено пойти на Землю, и все просят выполнить их просьбы. Многие хотят попасть к людям, но их не пускают. Эти контакты очень опасны для живых людей. – Михаил Андреевич наблюдал за мной со стороны.

– А-а-а, страшно. – Мне уже было всё равно, что происходит там, наверху. Главное, что он смог преодолеть этот трудный путь, значит, причина была действительно важной. – Согласна, иду. На кладбище так на кладбище.

Михаил Андреевич галантно поклонился:

– Я буду всё время рядом.

– Где, когда – ночью? – снова вздрогнула я.

– Нет, на кладбище.

Ничего не понимая, я только кивнула головой. Он мгновенно растаял в воздухе. «Дзинь! – сказал колокольчик. – Небесный разговор закончен». Трубочку на том конце света положили на рычаг. Несмотря на полночь, я перезвонила Ольге. «Папа действительно курил папиросы «Беломор-

канал», – удивилась Ольга. – Я с детства помню, как он посылал меня за ними в магазин. Это были его любимые папиросы! Этим ты меня просто убила наповал. Но задание понятно. Цветы найдём. Как папа сказал, так и будет».

Снег наутро припорошил всю землю, словно небеса выстлали чистый покров для какого-то торжества. Так оно и было, только мы ещё не знали об этом. Торжество происходило у церкви на Ивановском кладбище, где собрались проводить в последний путь маму Ольги близкие, знакомые, соседи, родственники. Народу приехало много. День выдался солнечный, морозный. Звон колоколов хрустел, растресканный скрипучим морозцем. Тут тебе и рождественская служба, тут тебе и отпевание – проходы и благословение одновременно. Меня у церкви уже ждали. Ольга быстро организовала машину, чтобы поехать за цветами.

– Значит, он сказал – цветы каллы? – переспросила она.

– Только каллы, четыре штуки, – ещё раз подтвердила я просьбу Михаила Андреевича.

Ещё минута, и я готова была пойти к машине, как вдруг в дальних воротах, окутанная морозной дымкой, появилась молодая женщина. Народу у церкви из-за праздника было столько, что не протолкнуться – суетились бабушки с бутылками, наполняя их освящённой водой, шли помолиться прихожане, вдоль забора ходили старые люди, прося милостыню. Было тесно, людно. Никто не смог объяснить, почему вдруг люди стали рассеиваться,

уступать дорогу и неожиданно, повернувшись в сторону девушки, молча смотреть, как она, делая шаг за шагом, приближается к церкви. Народ расступился, словно по команде, площадь перед церковью освободилась, образовав полукруг.

Молодая женщина, как призрачный ангел из поднебесья, ступила в этот круг, выстланный белизной света. В девушке было необъяснимое притяжение, словно она шла с какой-то миссией, и все разом почувствовали это. Что такого необычного было в ней? В её руках был небольшой свёрток, завернутый в бумагу. Опустив, она несла его осторожно и бережно. «Это цветы, – догадалась я. – В свёртке – каллы. Но, возможно, я ошибаюсь», – завороченная, как и все, я молча наблюдала за её приближением.

Все чего-то ждали. Вот девушка подошла ближе. Это была племянница Михаила Андреевича. Все смотрели на неё, не отрывая глаз, словно примёрзнув к ней. Её боялись спугнуть, хотя, как выяснилось позднее, каждый задавал себе один и тот же вопрос: «Что в её свёртке?»

– Что-то случилось? – спросила она, оглядывая застывшие лица, и словно смахнула загадочное оцепенение. К ней сразу бросились с вопросом: «Что у тебя в свёртке?»

– Это цветы, каллы, четыре штуки, – ответила она, недоуменно пожимая плечами.

Ошеломлённые, мы стояли, переглядываясь между собой и понимая, что до неё достучался сам Михаил Андреевич. Видимо, он подстраховался на всякий случай, чтобы быть окончательно уверенным в том, что его просьбу выполнят.

– Почему ты купила эти цветы? Где ты их купила? Что подтолкнуло тебя к этому? – сыпались вопросы к девушке. Интерес был потому таким пристальным, что задолго до моего прихода Ольга рассказала всем о ночном визите её папы ко мне и о его просьбе.

– Мне самой странно, как всё это произошло, – рассказывала племянница, ещё не зная, чем вызван такой интерес. – Накануне вечером я твёрдо решила купить корзинку с цветами на кладбище. Приготовила деньги и утром пошла в цветочный магазин. Подала продавцу деньги за корзинку. Продавец взяла каллы и, завернув их, сказала: «Вам нужны эти цветы. Их четыре штуки. Они последние». Странным было то, что я не смогла ей возразить. Я молча взяла цветы и пошла. Про корзинку я напрочь забыла, как будто я о ней и не думала накануне. И вот эти цветы – четыре белые каллы.

«Вот это да! Вот работает пространство. Ну и папа!» – перекинулись

взглядом присутствующие и заговорили все разом.

Около крышки гроба стояли сочные цветы – яркие гвоздики, нежные тюльпаны, благоухающие розы. Но в руках девушки было то, что для кого-то было дороже всех цветов на свете, – скромные каллы.

Кажется, вопрос по цветам был снят. Обрадованная этим известием, я решила не ехать на кладбище. Попрощавшись, направилась к выходу. «Дзынь!» – прозвучало над головой, и в воздухе вновь «затуманился» Михаил Андреевич. Он появился несколько вдалеке от нас, словно не смел приближаться к покойной жене.

– Проводи её до кладбища, – взволнованно заговорил он. – И проследи – цветы должны положить на могилу! Я остановилась как вкопанная.

– Что? – повернулась Ольга, словно почувствовала чьё-то присутствие.

– Твой папа просит поехать на кладбище.

– Ты слышишь его сейчас? – удивилась Ольга.

– Не только слышу, но и вижу.
– Раз папа просит, значит, поехали, – быстро отреагировала она.

После отпевания в церкви гроб закрыли крышкой. Процессия разобрала многочисленные венки и медленно тронулась к автобусу. Следом, поскрипывая снегом, пошла и я. За нами, как тонкое дымчатое облако, летел человек в костюме. Он наблюдал за процессией сверху, стараясь не приближаться.

На белом снегу, как тёмная рана, зияла свежевырытая могилка. Она и есть рана – боль печали, боль утраты, боль потери любимого человека. Тело медленно опустили. Произнесли речи и стали насыпать землю. Прощаясь, присутствующие бросили в могилку по горстке земли. Родные плакали. Соседки, прожившие с ней годы, тяжело всхлипывали:

– Человек она была душевный, щедрый. А как Мишу своего любила!

Михаил Андреевич нависал над толпой, чуть туманя прозрачный воздух, и наблюдал.

– Ничего же не происходит. Зачем вы заставили меня прийти сюда? – неслышно хныкала я.

– Смотри, смотри, – кивнул он. Никто и предположить не мог, что сверху наблюдает и рассматривает всех, как живой, человек, который ушёл из жизни пять лет тому назад. Мало того, мы так же общаемся с ним, переглядываемся, разговариваем, и при этом он ещё руководит живыми и ЗНАЕТ, ЧТО необходимо сделать, чтобы что-то важное смогло произойти в его будущем! Фантастика!

Холмик земли вырос быстро, рабочие копали лопатами со сноровкой,

привычно. Сверху поставили памятник, уложили венки, освободив для обзора фотографию. Украсили могилку живыми цветами. Я поглядывала на Михаила Андреевича. Он кивнул: «Не отвлекайся!» Дождалась, когда положили на холмик цветы каллы так, как он показывал ночью, – у самого памятника, под сердцем.

– Надежда, вот так надо положить цветы?

– Да, он показал, что так.

– Ну вот и хорошо. Вроде всё сделали, как папа просил, – успокоилась Ольга, вытирая набегающие слёзы.

Народу собралось много, но все смогли утешиться, уместиться. Стояв ещё некоторое время около могилки, люди развернулись и пошли к выходу. Выбирался не торопясь, оглябая оградки могил по узеньким тропкам. Я смотрела на висящее облачко и думала про себя: «Ну, что теперь скажешь? Нафантазировала всё себе, так как ничего не произошло! Кто тебе будет верить после этого?» Шла по тропке и глаз на облако не поднимала. Зачем?

Мы отошли уже довольно далеко, как вдруг я услышала ЕГО крик: «ЦВЕТЫ!» Михаил Андреевич кричал как раненый, так что, казалось, было слышно на другом конце кладбища. Он волновался, как бурное море. Я мгновенно обернулась. Там, вдалеке, уходил человек. Он удалялся в сторону от могилки и нёс в руках... четыре белые каллы.

– Цветы! – закричала я. – Он взял цветы! – показывая в сторону уходящего человека.

– Стой!!! – закричали все, кто мог кричать. Представьте, когда 20–30 человек вдруг разом во весь голос закричали «СТОЙ!» Кричали так, что перепуганный мужичок чуть не упал в обморок среди могил.

– Чё я сделал такого? – застыл он на месте как вкопанный и трясся от страха. Это был один из родственников. По простоте душевной он решил, что цветов на могиле много, и надумал сделать доброе дело – отнести цветы на могилу Михаила Андреевича. «Как бы привел ему от жены послать», – решил родственник. Ну и выбрал каллы. «Цветы не бог весть какие дорогие, может, она за них не обидится, а ему приятно будет», – подумал он, взяв цветы и пошёл. А тут как все заорут. От страха он чуть не умер, так и не поняв, что же произошло.

К перепуганному родственнику подбежали, забрали цветы, и, вернувшись на могилу, снова аккуратно и трепетно положили под фотографию. «Поразительно! Так вот о чём хотел предупредить Михаил Андреевич. Как мог он знать, что случится на похоро-

нах?» – размышляла я, пробираясь к автобусу. К удивлению, туманное облачко ждало меня при выходе из ворот.

– Сейчас всё как надо? – спросила я, когда Михаил Андреевич, довольно улыбаясь, пролетел над головой.

– Спасибо за помощь. Я очень счастлива!

– Но почему так важны и дороги вам эти цветы?

– Ты скоро всё узнаешь! – подмигнул он и исчез в солнечном небе, словно рассыпался на тысячи мелких искр.

Прошло время, и я с удивлением узнала, что в древних традициях цветков каллы использовали как знак особой избирательности. Цветы называют «звёздами земли» или «божественным письмом», данным людям высшими силами.

При восхождении на небеса пробуждённая Душа попадает в мир, который соответствует духовному развитию, полученному ею во время земной жизни. Границы между мирами представляют плоскости, они крепки и непроходимы. Но Высокие Души могут свободно перемещаться в этих мирах вверх и вниз и посещать душу, с которой их связывают какие-либо обязательства, помогая её развитию. Учение йоги говорит, что могут быть даже случаи, хотя и крайне редкие, когда высокая душа может поднять родственную душу ДО СВОЕЙ ВЫСОТЫ. Возможно, цветы несут в себе тонкую информационную структуру, которая «пропечатывается» в Душе, как тончайший знак и отличает её от других.

Кто мог знать тогда, что Михаил Андреевич, прибегнув к нашей помощи, послал с небес цветы для любимой, как особую отметку, как специальное приглашение на небеса. Когда она попадёт на небо, он узнает её по этим цветам среди всех. Выберет её душу и будет помогать ей там, наверху, поддерживать. Когда придёт час, чтобы снова воплотиться на Земле, он снова выберет именно её. Чтобы заново родиться вместе с ней и взять её в жёны. Он послал с небес цветы для любимой и единственной женщины. Цветы, чтобы не только найти её и никогда не потерять, но и ПОДНЯТЬ ДО СВОЕЙ ВЫСОТЫ. ТАМ, на небесах, тоже продолжается жизнь, только бестелесная. Там всё видят и всё знают. Его любовь настолько была сильна, что даже небеса расступились, признав эту причину важной, и позволили Михаилу Андреевичу прийти на Землю. Ради самого важного и ценного, что может быть у человека – ради любви.

Рисунки автора

Борис Герцензон, Владимир Фёдоров

ФИЛАНТРОПИЯ В ШОКОВОМ ВАРИАНТЕ

Фамилия Демидовых с давних пор известна на Руси. Это были владельцы фабрик, заводов, шахт... Один из них, Прокофий Акинфиевич, отличался большими чудачествами. Его курьёзные выходки со временем становились анекдотами. К примеру, путешествуя по Европе, любил он удивлять всех своей расточительностью – делал дорогие подарки, чаевые раздавал тысячами. А вот англичан удивить не смог. Остались они равнодушны и к его богатству, и к эксцентричности. Избалованный почестями, оказываемыми ему в других странах, Демидов обиделся и решил отомстить жителям Туманного Альбиона. Вернувшись в Россию, купил он у купцов всю пенку и, когда англичане приехали за ней, выставил цену в пять раз больше обычной. Англичане воротились домой без товара. Однако пенка-то им была нужна! Снова поехали они в Россию, решив согласиться с назначенной Демидовым баснословной ценой. Однако тот вновь увеличил цену – ещё в два раза. Уехали покупатели ни с чем.

Прокофий Акинфиевич проживал в Москве в одном из своих домов на Басманной. Дом был обшит железом со всех сторон – для предохранения от пожаров. Внутри всё блистало удивительной роскошью. По дорогим заграничным коврам гуляли ручные обезьяны, кролики, собаки разных пород, в золочёных клетках птицы заморские, в мраморных бассейнах – рыбы разные.

Демидов славился щедростью, редко кому отказывал в помощи. Можно сказать, проявлял благородство, правда, с примесью особого самодурства. Обратилась к нему однажды бедная помещица. Она только что овдовела и для поправки имения и расчёта с долгами попросила в долг 10 000 рублей.

– Денег я тебе одолжу, но ты должна будешь возвернуть их в назначенный срок, – сказал ей Демидов. – Учти, если не вернёшь в срок, то осрамлю тебя на весь город, напишу на доске «мошенница» и приколочу её к твоему дому.

Вдова согласилась, и он выдал ей деньги. Дома помещица задумалась: «А ведь и правда осрамит, если не сумею отдать в срок. Не пожалееет. На всю губернию осрамит...»

И спрятала она деньги, не растратив из них ни копейки. Из нужды кое-как выкрутилась.

Настал срок отдачи долга. Приехала она к Демидову. А один из его приближённых всё время наблюдал за вдовой и доложил своему хозяину, что помещица его деньги не тратила.

Миллионер встретил её любезно, похвалил за точность, а камердинеру своему по-тихому приказал положить деньги на видном месте в её экипаж. Сев в экипаж, наткнулась помещица на знакомую пачку денег. Сразу же возвратилась к своему кредитору:

– Батюшка! Деньги почему-то оказались у меня в экипаже. Не могу понять, что случилось. Неужто хочешь осрамить меня перед людьми? Ведь я этого не заслужила.

– Нет, матушка, это я тебе подарок делаю за твою исправность, – ответил Демидов.

Как-то придумал он найти охотника пролежать у него в доме целый год на спине, не вставая с постели. Нашёлся один человек.

– Прележишь ли? – недоверчиво спросил Демидов, оглядывая его невзрачную фигуру. – Смотри, трудно всё время на спине.

– Обязательно пролежу, – заверил тот. – Для вашего удовольствия постараюсь, и не шелохнусь даже.

Демидов отвёл ему отдельную комнату и приставил специальных людей, которые день и ночь дежурили у его постели, поили-кормили, не позволяя даже приподняться. Выдержал этот человек трудное испытание, и Демидов подарил ему десять тысяч рублей.

А бывало, договаривался Прокофий Акинфиевич с каким-нибудь человеком, что тот в течение часа будет стоять перед ним и ни разу не сморгнёт. И если тот выдерживал испытание, Демидов щедро награждал его. Если же мигнёт, то слуги гнали его взашей, а барин приговаривал:

– Ну, где тебе, дураку, не мигать! Вон с глаз моих!

Была у Демидова колымага, окрашенная в оранжевый цвет. Везла её шестёрка лошадей. Передняя и задняя пары – лошади маленькие, а средняя – огромные. На одной из больших лошадей сидел карлик, а на передней маленькой лошадке – фореитор громадного роста. Такого, что его длинные ноги тащились по мостовой. Ливреи на слугах были забавные: одна половина золотыми галунами расшита, а другая – сермяга деревенская. На одной ноге был шёлковый чулок и лакированный башмак, на другой – лапоть. «Выезд» этот вызывал у прохожих смех, и по Москве на целый день только и разговоров, что об «этом чуде Демидове».

Пришла в Россию мода на очки. Демидов тут же приказал всем своим слугам надеть их. Даже лошади его, собаки и кошки стали щеголять в очках.

Кто-то из заводских приказчиков попросил у него денег. – Помоги, батюшка. Не раздобуду денег, хоть в петлю лезь.

– Помогу, но только сперва повесься при мне. Я никогда ещё не видел человека, который бы добровольно в петлю лез.

– Благодетель наш, да разве это христианское дело, воспринять такую смерть?!

– Да уж, ты сначала потешь меня, а я твоим наследником хоть сто тысяч дам, – куражился Демидов.

Ну а потом смилостивился и дал приказчику сумму немалую, сказав при этом:

– Вишь, какая у тебя душонка. Вначале задумал дело неслыханное, а затем струсил. Вперёд не хвастай, не то буду считать тебя мошенником.

Одного своего гостя Демидов напоил до бесчувствия. Потом приказал достать гроб. Уложил в него пьяного гостя, сложил ему руки крестом, как у покойника, обложил денежными ассигнациями и приказал отвезти к жене. Увидев гроб, жена в обморок упала. Уж после, когда узнала, что жив муж, успокоилась, не стала жаловаться в полицию: деньги-то в гробу лежали немалые.

О выходках Демидова наслышана была сама императрица Екатерина II. Не любила она этого самодура и никогда его во дворец не приглашала.

Однако придворные её с удовольствием пересказывали анекдоты о Прокофии Акинфиевиче и при этом громко смеялись.

Владимир Константинов

ПРИЗРАК, КОТОРЫЙ РАБОТАЕТ С ГОЛОВОЙ

Несколько лет тому назад мы с приятелем ездили по Болховским лесам на «тихую охоту» – за грибами. К вечеру пошел дождь, дорога раскиселась, и мы решили заночевать возле леса. Ночью я вышел из машины покурить. Дождь перестал, небо слегка прояснилось, и в разрывах туч засияли холодные звезды. Вдруг из чащобы раздался чудовищный стон: то ли зверя, то ли человека. У меня волосы поднялись дыбом, так это было неожиданно и страшно. И вновь непередаваемый звук всколыхнул мрачный в ночи осенний лес, но уже в отдалении. Я хотел было разбудить приятеля, но звук-стон больше не повторился.

Уже дома я вспомнил, что о страшном болховском призраке мне ещё рассказывала моя бабушка. Помнится, как я боялся после её байки выйти поздно вечером на улицу. С годами всё забылось. И вот на тебе!

Позже, работая в архиве, я случайно наткнулся на занятую книжку Е. С. Нугарда «Быль из времён крепостничества в Орловской губернии», изданную в 1901 году. Она-то всё и прояснила...

Баснословно богат был помещик Денис Васильевич Юрасовский, владеец обширных земель и поселений в Болховском уезде Орловской губернии. В 1775 году для своих сыновей Петра и Алексея он нанял молодого учителя. И не кого-нибудь, а французского графа де Бланжи, правда, обедневшего. Шли годы. Сыновья выросли, Денис Васильевич преставился. Учитель же продолжал жить в имении теперь нового владельца Алексея Денисовича и учил его детей. За ум, честность и добросовестность был он любим помещиком, и ему, помимо воспитания барчука, доверялась перевозка крупных сумм денег.

Алексей Денисович слыл помещиком передовых взглядов и многих своих крепостных крестьян отпустил на оброк. Оброчные Юрасовского разъехались по городам и весям, занялись ремеслом, а кто и торговлей. Богатели сами и исправно платили оброк своему господину.

Особенно преуспел Сенька Карнеев. Выросший при барском дворе, он знал грамоту и вначале состоял музыкантом в крепостном театре. Денис Васильевич сделал шустрого и ушлого парня бургомистром в сельце Морозове. А Алексей Денисович перевёл Семёна

управляющим в своё заглавное имение – в село Селемёньево-Юрасово. Денег тогда помещики не считали, и нечистый на руку Карнеев быстро набил свой карман. Но ему хотелось воли, и он упросил барина отпустить его на оброк. Помещик отпустил, ибо понимал, что такой оборотистый мужик принесёт больше пользы на оброке.

Карнеев обосновался в городе Болхове и быстро смекнул, что по-настоящему разбогатеть можно, торгуя хлебом и вином. Через несколько лет он разжирел, обзавелся нужными связями, построил себе хоромы на одной

из лучших улиц города, стал одним из самых уважаемых купцов, и захотелось ему получить место церковного старосты в приходской церкви (а надо заметить, должность эта была выборной). Победил он соперников тем, что подарил церкви тысячепудовый колокол. Всё у Карнеева складывалось замечательно, если бы не крепостная зависимость. Помещик, пожелав, мог в одночасье продать его, домочадцев, отобрать всё нажитое богатство... Юрасовские хотя и слыли либералами, но вольную своим крестьянам давали редко. Види-

Лев Вяткин
2006

мо, не хотели осложнений с высоким начальством. Пытался Карнеев выкупить себя, жену и детей, да ничего у него не вышло: Юрасовский отказал наотрез.

По разным делам как доверенное лицо помещика к Карнееву часто приезжал учитель-француз. У Карнеева была дочь невиданной красоты. И пылкий граф влюбился в неё без памяти. Она ответила сорокалетнему красавцу взаимностью. Учитель, как требовалось в те времена, попросил разрешения на женитьбу у своего благодателя. Юрасовский разрешил. Полный розовых надежд, де Бланжи приехал к Карнееву. Тот пришел в ярость: какой-то заморский голодранец осмелился просить руки его дочери! И отказал. Граф унился до того, что, как говорит предание, валялся в ногах у строптивого раба, просил сжалиться над ним. Чем ещё больше разозлил Карнеева, и тот, мужик крепкий, вытолкал надоевшего жениха из дома. С той поры учитель ходил сам не свой, но хозяину ничего не рассказывал.

О позоре своего любимца Алексей Денисович узнал случайно от заезжего купца. И как же он поступил? В скором времени праздновали Рождество Христово. В большом зале барин в благодушном настроении, в окружении знатных гостей, домочадцев и челяди, сидя в кресле, раздавал подарки. Подошла очередь учителя. Сын Алексея Денисовича подал подарок ему – свёрнутую в трубку бумагу. Учитель был потрясён, когда прочитал её: дарственная! Теперь он, граф де Бланжи, становился владельцем той, которую так любил. Более того, сам Карнеев, его сыновья, дочери и жена, а также богатый дом удачливого купца переходили во владение графа.

Теперь уже Карнееву пришлось валяться в ногах своего нового хозяина. Но сумел, хитрая лиса, отвести справедливый гнев француза. Пообещал устроить свадьбу такую, какой ещё не бывало в забытом Богом уездном Болхове. После свадьбы учитель оттаял сердцем. Правда, мизерный оброк, возложенный на Карнеева прежним хозяином, новый владелец увеличил многократно: деньги молодой чете нужны были позарез. Карнеев это снес. Но нутром почуял, что расчётливый француз доберётся когда-нибудь до основных его богатств.

А молодая жена после ночных нежностей всё нашептывала мужу о необходимости дать её родным вольную. Тот просил повременить, ибо хорошо знал, как на это отреагирует Алексей Денисович. Жена частенько в пылу откровения говорила мужу и о том, что у её отца денег немерено, стоит только руку протянуть. Учитель на это ничего не отве-

чал. Понимал, что пока трогать теста нельзя. Уж больно много у того покровителей в Болхове, да и в губернском Орле. Карнеев до времени притих, но таил злобу на зятя. Особенно ненавидел он новый распорядок жизни, введённый графом в его, Карнеева, когда-то собственном доме. К обеду полагалось всем переодеваться в нарядное платье, мужчинам быть выбритыми, женщинам причёсанными и всем быть надушенными туалетной водой. За обедом вилку держать в левой руке и т.д. Прошел год. Как-то учитель уехал по неотложным делам Алексея Денисовича. И молодая проболталась отцу, что муж уехал в город Карачев за очень крупной суммой для Юрасовского.

«Вот она, удача, сама плывёт в руки», – подумал Карнеев и подговорил нескольких мужиков встретить зятя на подъезде к Болхову и отобрать деньги.

Тёмной глухой осенней ночью встретили мужики экипаж учителя в Сурьянинском лесу. Попадусь темной, кучер сбежал. А учитель встретил разбойников достойно и из пистолета ранил одного из нападавших. Лиходеи отступили. Но тут в экипаж с грязными ругательствами вскочил его тесть с ножом в руке. Де Бланжи не поверил глазам своим! Короткое замешательство стоило ему жизни. Карнеев, ослеплённый ненавистью, вытащил уже мертвого зятя из экипажа и топором отрубил голову. Чем перепугал даже видавших виды подельников.

Растерзанный труп учителя вскоре нашли. Велось следствие, некоторые из грабителей пошли на каторгу, правда, не выдав своего «заказчика». Карнеев выкрутился, подкупив судейских. Стараясь не вспоминать о страшном событии, он жил себе в своё удовольствие. Ещё пуще разбогатев, стал давать деньги в долг под крайне «милостивые» проценты: всего лишь копейку на копейку. Боялись его чуть ли не больше самого сатаны.

Прошло время. Как-то Карнееву в ясную лунную ночь пришлось возвращаться одному из Карачева в Болхов. Спокойно он проехал село Руднево и въехал в Сурьянинский лес. Вдруг лошадь захрапела, затряслась и встала. Карнеев глянул на дорогу, и сердце у него сжалось... К экипажу медленно шёл человек в платье немецкого покроя, залитом кровью. Карнеев узнал в подошедшем покойного зятя-учителя. Призрак снял с плеч свою голову, как шапку, и поклонился Карнееву. Страшная голова, которую призрак держал в руках, вдруг проговорила леденящим, будто из-под земли идущим голосом: «Узнаешь ли меня, Семён? – и устави-лась на него мертвенно-жёлтыми глазами. – Идём на суд Божий».

Карнеева трясло, как осиновый лист под ветром. Голова вдруг дико захохотала и сама вспрыгнула на положенное ей место. Карнеев свалился без чувств. Опомнился он у себя в бане, где жена отливала его холодной водой. Придя в себя, не говоря ни слова, бросился он в дом, в спальню, забился под пуховое одеяло. На другой день не пошёл ни к заутрене, ни к обеду. Нёс какую-то чепуху про гворящую голову, чем перепугал всех родных. Жена вызвала лекаря и священника. Лекарь, осмотрев больного, только руками развёл. Священник распорядился в головах больного повесить несколько икон; за стеклом поместили шапочку с мощей Мценского первоучителя Кукши и посох святого Сергия Радонежского. Священник полдня читал молитвы. Но ничего не помогло. Оказалось, крепкий духом беспощадный в делах и мыслях Карнеев тронулся рассудком. Несколько опомнившись, стараясь избавиться от наваждения, запил горькую. Да на прасно. В пьяном бреду опять видел призрак, который снимал свою голову, и она, хихикая, говорила: «Ну что Семён, еще чарку?»

Призрак учителя преследовал Карнеева повсюду, даже в церкви. И та допек убийцу, что тот повесился. В час его гибели вдруг сам по себе бухнул тысячецудовый колокол. Да так взревел, что стали дрожать стены болховских домов и заплясали стаканы на столах.

Родственники Карнеева вызвали полицию. Те перерыли всё в доме покойного. В многочисленных сундуках, в потаённых чуланах нашли много добра, золотую и серебряную посуду (как выяснилось позднее, украденную у Юрасовских). И много кошель, набитых банкнотами. С того дня прахом рассыпалось торговое дело Карнеева. Старший сын его пытался взять дело в свои руки. Но вдруг, трезвенник, запил, да так, что быстро спустил всё богатство отца. И умер, как бездомная собака под забором.

Граф де Бланжи, семейный учитель господ Юрасовских, как католик, был похоронен за территорией кладбища в селе Руднево.

Страшная молва об этой могиле разнеслась по окрестным селениям. Говорили, что в полночь некоторые видели призрак учителя. Он останавливал случайных прохожих, жаловался на Карнеева и звал в свидетели на суд Божий. Люди, видевшие его, умирали. Дошло до того, что призрак с головой в руках останавливал прохожих даже днем. Как-то в деревне Сурьянино девки и парни водили хоровод, пели, плясали, и тут явился он. Погрозил пальцем и исчез. Как-то, говорит предание, призрак явился к священ-

нику в село Льгов. Снял голову, поклонился, и голова принялась пенять батюшке за то, что на мирском суде он за взятку выгораживал Карнеева. Перепуганный священник ткнул в призрак кулаком: тот мгновенно исчез. С того часа священник захворал и вскоре преставился.

Потом в те места пришла холера и стала уносить людей десятками. Народ роптал: «Это призрак мстит всем подряд, без разбора».

В одну из «воробыных ночей» пять мужиков с заступами, с чёрным петухом и дрекольем в руках тихо прокрались к могиле учителя. Обведя вокруг неё черту, задушив петуха и отрезав ему голову, окропили кровью эту черту, прочитали заклинания и взялись за заступы. Скоро лопаты заступали по крышке гроба. Заскрипели деревянные заклепки, и крышка отлетела в сторону. Гробокопателям предстал труп учителя. Ужасен был его потухший взор, тление уже обнажило оскал зубов. Мужики хотели бежать, но их остановил железный кулак их предводителя Никиты Хромова: «Зачем тогда копали?» Труп посадили, голова его не отвалилась – была пришта. По колдовскому поверью кто-то из мужиков с ругательством ударил труп кулаком в грудь. Тот выпал из державших его рук. Тут ему всадили в сердце осиновый кол.

И вдруг почти над самыми головами гробокопателей раздался пронзительный стон-крик какой-то ночной летающей твари. Мужики не выдержали и дали деру.

Страшное дело их рук вскоре было обнаружено. Экономический бургомистр срочно поскакал в Болхов к земскому заседателю. В Сурьянино нагрянула полиция во главе со становым приставом. В предании говорится, что от пристава удивительно пахло смесью водки и ладана. Он выстроил мужиков в шеренгу и начал выбивать кулаками «истинную правду». Измолотив ни в чём не повинных мужиков и так ничего и не узнав, он укатил обратно. Петр Денисович Юрасовский, которому принадлежала эта деревня, в Париже наслаждался воздухом знаменитых бульваров. Но узнав об избиении своих крепостных, быстро вернулся на родину и подал жалобу орловскому губернатору на самоуправство станового пристава. Пришлось тому публично приносить извинения обиженному помещику за порчу живой силы...

Гробокопатели через некоторое время, не снеся душевных мук, показались в содеянном, были осуждены и сосланы на каторгу. С каторги вернулся только Никита Хромов. И тут же постригся в монахи, стал великим постником, за советами к нему валом валил народ. Но и это посчитал Хромов для себя малым наказанием. Он

надел железные вериги и стал юродствовать, привлекая толпы верующих.

Графа де Бланжи похоронили во второй раз. Но в округе ещё долго ходили страшные байки о призраке, который при встречах с одиноким путником, сняв свою голову, как шапку, кланялся и звал обомлевшего от страха человека в свидетели на суд Божий против злодея Сеньки Карнеева.

Тут надо рассказать о странной истории, случившейся с моим приятелем, тем, с которым мы «охотились» за грибами в Болховских лесах. Через неделю он ехал на своих «Жигулях» в Болхов по делам, и вдруг прямо перед ним возникла темная фигура то ли человека, то ли зверя. Фигура спокойно сидела на дороге. Мой приятель едва сумел объехать это непонятное нечто. Затормозив, открыл дверцу, обернулся и замер. Фигура поднялась во весь высоченный рост и медленно двинулась в сторону посадок. Жуткий страх охватил моего приятеля от головы до пят, но он всё же разглядел это су-

щество, которое, издавая тягучий крик-стон, скрылось за деревьями. По его словам, существо походило и на обезьяну, и на человека, и на нём болтался темный балахон.

Тогда же приятель, совершенно забыв о цели поездки, развернул машину и помчался домой. Но удивительные события продолжались. Дня через три он с женой ехал на дачу. На совершенно пустынной дороге почему-то вдруг не смог справиться с управлением. По его словам, руль словно выкрутило неведомой силой, и машина врезалась в столб на обочине. Машину согнуло почти пополам. Но приятель и его супруга уцелели. Даже без царапин обошлись.

– Понимаешь, острая железка остановилась у моего виска всего в двух сантиметрах: я видел всё как в замедленной съёмке, – говорил приятель и почему-то ругал то непонятное существо, которое окрестил «снежным человеком».

Рисунки Льва Вяткина

Лев Вяткин
2006

В РАЙ – ПО КОМПАСУ

Где на свете жить милее? Задавшись таким вопросом, специалисты британского фонда New Economic Foundation проанализировали экономические, социальные и экологические показатели в 178 странах мира. «Аттестация» государств проводилась по трём параметрам: удовлетворённость граждан своей жизнью, её продолжительность и уровень загрязнения окружающей среды. Довольно неожиданно в нижней части списка оказались промышленно развитые страны (их «подвели» первый и третий пункты). Например, Германия заняла 81-е место, Япония – 95-е, а Россия – 172-е. Зато в число лидеров рейтинга попали государства Латинской Америки, где, несмотря на бедность и относительно короткий (в среднем) срок жизни населения, большинство людей вполне удовлетворено своим существованием. Оптимистический настрой преобладает и у африканцев, невзирая на широкое распространение среди жителей Чёрного континента ВИЧ-инфекции и непрекращающиеся междоусобные войны. Ну а возглавили рейтинг... карликовые государства Океании: люди живут там долго и весело, а природа ввиду почти полного отсутствия промышленности сияет первозданной чистотой. Самой же «счастливой» страной на Земле стало Вануату – островное государство в юго-западной части Тихого океана. 200 тысяч его граждан умеют довольствоваться малым и при этом не ропщут на судьбу.

КАЖДАЯ ГОРИЛЛА – «КУЗНЕЦ» СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Пересмотреть традиционные представления об уровне интеллекта горилл заставляет случай, свидетелем которого стали сотрудники Фонда Дайяны Фосси

в Демократической Республике Конго. Молодая обезьяна по имени Итеберо положила кокосовый орех на большой камень, взяла камень поменьше и аккуратно, но сильно ударила по плоду

пальмы. Успешно выполнив эту «кузнечную» операцию, она с удовольствием выпила вкусную жидкость кокоса и потянулась за другим орехом. Второй «подход к снаряду» также принёс положительный результат.

Исследователи были поражены: то, что человекообразные приматы используют в качестве подручных средств для добывания пищи камни и палки, учёные знали давно. Но сложная техника «молот и наковальня» всегда считалась доступной только гомо сапиенс. Полагали, что у наших ближайших родственников на это просто не хватит смекалки. Обычно гориллы обучаются, подражая кому-либо. Но Итеберо, которую год назад сотрудники фонда спасли от браконьеров, не могла ни у кого научиться так лихо колоть орехи.

ЗЕМЛЮ ПОГУБИТ «ЗВЁЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ»?

Гибель всему живому на нашей планете принесёт последний «вдох» одной из умирающих сверхмассивных звёзд, утверждает профессор Арнон Дар из Института космических исследований «Технион» (Израиль). Таких светил во Вселенной великое мно-

жество. По мере старения они угасают и уменьшаются в размерах. Последний акт космической драмы – превращение в «чёрную дыру». Но перед тем как «хлопнуть дверью», большое «солнце» шлёт всем галактикам «прощальный поцелуй» – выброс гамма-излучения большой мощности.

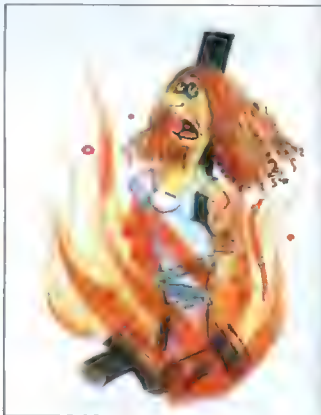
Такие «приветы» Земля получает примерно раз в сто миллионов лет. Этот ритм сопоставим с периодичностью массовых вымираний животных и растений, следы которых обнаружены в геологических пластах планеты. В зоне действия гамма-лучей резко повышается температура. Раскалившаяся атмосфера обрекает на смерть подавляющее большинство живых организмов. Но и самые сообразительные представители фауны, сумевшие спрятаться в «надёжном» убежище, лишь на короткий срок продлят своё существование. Ведь после атаки гамма-частиц наш общий дом подвергнется новому удару. Вторичное излучение (так называемые мюоны), возникающее при разогреве атмосферы до сверхвысоких температур, способно проникать в толщу океана на огромную глубину и пронизывать самые плотные скальные породы...

Сегодня наиболее вероятный кандидат на роль могильщика земной жизни – сверхмассивная звезда Eta Carinae. Её можно наблюдать только из Южного полушария. Жить этому небесному телу по космическим меркам осталось немного – несколько миллионов лет. Правда, пока неизвестно, в какую сторону светило бросит свой прощальный взгляд.

ОТЧЕГО ПОДУРНЕЛА ЕВРОПА?

После развала СССР с его «железным занавесом» и установления широких контактов между Россией и её бывшими противниками по «холодной войне» выяснилось: красивых

женщин у нас гораздо больше, чем в Западной Европе. А причина этого феномена... зависть. К столь неожиданному выводу пришёл чешский историк Густав Фусак, признанный знаток Средневековья. Оказывается, когда во Франции, Германии, других странах этой части континента велась охота на ведьм, её жертвами в первую очередь становились «самые обаятельные и привлекательные». Именно на них чаще всего писали доносы, обвиняя в колдовстве. В результате жестокие инквизиторы без счёта жгли на кострах и топили несчаст-

ных красавиц, нанеся невосполнимый урон женскому генофонду.

ЛЮБИТЕЛЕЙ СЕКРЕТОВ – И ПОГТЮ

800 килобайт информации (приблизительно 150 страниц текста) записали импульсным лазером физики из университета острова Тогусима (Япония) на... человеческом ногте. Для этого учёные заполнили его несколькими рядами точек размером чуть более трёх микрометров. Покрывая лаком, роговая пластина ничем не отличается от других. Чтобы прочесть написанное, лак надо смыть, а ноготь подставить под флюоресцентный микроскоп. В этой связи

вспоминается остроумный способ шифрования, который применяли древние римляне. Намереваясь передать адресату секретное послание, патриции приказывали обрить голову рабу, на образовавшейся лысине писали донесение, а отросшие волосы скрывали его от посторонних глаз (всё это время «почтальон», естественно, не мыл голову). Получателям шифровки оставалось только вновь побрить голову рабу.

«СТАЛЬНОЙ КОНЬ» НА ПОДНОЖИИКОМ КОРМУ?

Превращать обыкновенную воду в бензин и даже в дизельное топливо по силам Рамару Пиллаи из Мадраса (Индия). Так, во всяком случае, утверждает автор этого ноу-хау. По словам изобретателя, используя только ему известные растения и химикаты, он способен изготавить в специально оборудованной им лаборатории до 500 литров высокооктанового горючего в день. Как заявляет Рамар, водители охотно покупают у него «волшебное» топливо, потому что оно хорошего качества и дешевле обычного.

Впервые о своём «революционном открытии» новоявленный алхимик сообщил несколько лет назад. Правда, учёные, исследовавшие данный феномен, не нашли в бензине мадрасца ничего таинственного, назвав сей

продукт обычным горючим. Они предложили Рамару проделать указанную операцию у них на глазах в одной из научных лабораторий, но он наотрез отказался, сославшись на необходимость создания особых «домашних» условий. Впрочем, на виду у изумлённой публики Пиллаи не раз сыпал какой-то порошок в сосуд с водой, опускал туда бумажку, а потом поджигал её. «Вещественное доказательство» горело синим пламенем.

НА ВЫСТАВКУ... ЗА «КУЛЫСЫ»

В высшей степени необычная экспозиция голландской живописи XVII века открылась в Кейптауне (ЮАР). Картины старых мастеров повешены здесь... обратной стороной к зрителю. «Идея выставки, — поясняет её куратор Эндрю Лампрехт, — это попытка изменить стереотипное мышление людей в сфере искусства. Мы хотим помочь им по-новому посмотреть на знакомые предметы». Кроме того, посетители смогут почувствовать себя в роли «экспертов». Ведь знатоки — искусствоведы, коллекционеры, музейщики — всегда внимательно изучают оборотную сторону полотен — она способна рассказать сведущему человеку много интересного.

Несмотря на скандальный фон выставки, многие искренне заинтересовались уникальной возможностью увидеть «закулисный мир» картин. А некий любитель живописи даже распознал на обороте одного из холстов поддельную подпись голландского живописца Вермера Делфтского.

«Мы знали, что это произведение — подделка и что владелец, выдавая его за подлинник мастера, надеялся получить много денег. Мы сознательно включили картину в экспозицию и очень обрадовались, когда обман был распознан», — сообщил Лампрехт.

ВСТРЕТИМ ОПАСНОСТЬ ГРУДЬЮ

По-своему откликнулись на многочисленные страшилки нашего времени французские создатели дамского белья. Одна из фирм этой страны предложила новую модель бюстгалтера

под красноречивым названием «Армагеддон». Лифчик призван защитить его обладательницу от космических лучей, кислотных дождей и прочих «кар небесных». Шьётся он из специального материала, разработанного американским космическим агентством NASA для комбинезонов астронавтов. В бюстгальтере вмонтирован датчик, предупреждающий хозяйку о повышенной солнечной активности и других опасностях.

ЛЕЧИТЕ НАСМОРК НА «КРЫШЕ»

Универсальным средством от многих недугов обещает стать оригинальная методика массажа головы, разработанная китайским учёным Мин Дао. Выполнять эти упражнения очень просто. Согнув пальцы рук в виде гребня, нужно с небольшим усилием провести ими и ладонью по голове — от передней до задней границы волос — не менее тридцати раз. Такой самомассаж не только стимулирует рост волос, но и приносит облегчение при самых разных болезнен-

ных состояниях — головных болях, шуме в ушах, головокружениях, невралгии. При столь интенсивном «чесании» головы улучшается память, снимается усталость, восстанавливается работоспособность, исчезает насморк и даже, как утверждают, активизируются половые функции.

СОБАКА, ПРОГНАВШАЯ СМЕРТЬ

Горько плакала жительница американского городка Парк-Хилл Гленда Стивенс, когда машина насмерть задала её любимую маленькую собачку по кличке Свити. Но делать нечего, и расстроенная женщина вырыла для своей питомицы могилку, где и похоронила её. Через несколько часов Гленда услышала, как кто-то скребётся в дверь дома. Открыв её, хозяйка увидела на пороге... Свити, измученную, но живую. Оказывается, собака не погибла под колёсами, а лишь потеряла сознание от сильного удара. В могиле она очнулась и смогла вырыть лаз, несмотря на сломанные челюсть и переднюю лапку. «Свити для меня теперь как собственный ребёнок. Такая поразительная воля к жизни заслуживает самого глубокого уважения», —

подчеркивает Гленда. Она бережно ухаживает за своей питомицей, которая быстро поправляется — не зря ведь говорят: заживает, как на собаке.

Александр Зинухов

ПРОСТРЕЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

Со дня дуэли между навалергардским офицером бароном Дантесом-Геккереном и поэтом Александром Пушкиным прошло сто семьдесят лет. Чем дальше в прошлое уходит день поединка, тем больше вопросов вызывает ход и организация его. Совокупность фактов позволяет с большой долей вероятности предположить, что это было хорошо спланированным убийством, считает наш автор.

Холодным январским вечером 1837 года двое встретились в пустынном месте у речки с подходящим названием Чёрная. Выстрел – и падает в снег смертельно раненый человек. Потом он приходит в себя и тоже стреляет. Попадает и сам себе

кричит: «Браво!» Но противник поднимается – он слегка ранен в мякоть руки.

Один через двое суток умирает, другой проживёт ещё полвека.

О первом в России будут помнить всегда, а втором – только потому, что он убил Пушкина.

Вот некоторая характеристика участников дуэли:

1) Александр Сергеевич Пушкин, 37 лет без четырёх месяцев, низкорослый (161 сантиметр), плотного телосложения, страдает хроническим аневризмом (расширение вен), возможно имел нездоровое сердце, в юности много фехтовал, плавал, боксировал. К моменту дуэли уже несколько лет не занимался физическими упражнениями, недостаток движения возмещал длительными пешими прогулками. В молодости достаточно много упражнялся в стрельбе из пистолетов. В движениях порывист, по характеру вспыльчив, нетерпелив, глубокая подавленность перед поединком в последний день-два сменяется резким подъёмом настроения. В декабре 1836 года и январе 1837-го испытывает физическое недомогание, его постоянно лихорадит (резко меняется температура тела), в день дуэли температурил.

2) Жорж-Карл Дантес-Геккерен, барон, в день похорон Пушкина ему исполнилось двадцать пять, высок, физически силен, профессиональный военный, расчётлив, ловок, достаточно хорошо тренирован, самолюбив, жесток, без дуэльного опыта, во Франции принимал участие в вооружённых столкновениях, незадолго до поединка перенёс обострение венерического заболевания (предполагается сифилис).

Анализируя состояние дуэлянтов накануне дуэли, можно прийти к выводу, что больше шансов победить имел Жорж Дантес, однако при правильной подготовке к дуэли шансы победить были и у Пушкина.

Правильная подготовка предполагает, прежде всего, держать инициативу в своих руках. Пушкин, последовательно идущий к поединку уже три месяца (с ноября 1836 года), как только вопрос о самом поединке решён окончательно, немедленно отстраняется от всякого участия в его организации. Он даже отказывается самостоятельно выбрать себе секунданта, официально предложив секундantly Дантеса виконту Д'Аршиаку выбрать любого удобного ему секунданта. Случай беспрецедентный. Дуэльная практика ничего подобного не знала.

Пушкин – игрок по натуре – искусно блефует, возможно, он о чём-то догадывается и хочет дать понять противникам, что он знает их замысел. Противная сторона отказалась от заманчивого предложения не сразу. Они тщательно обсудили предложе-

ние Пушкина. Правильно поняли и отвергли его. С этого момента инициатива полностью переходит к Дантесу и Д'Аршиаку. Именно они выбирают место, время дуэли и род оружия. Это очень важно для их замысла. Чувствуется, что за молодыми людьми стоит опытный и хитрый барон Луи Геккерен, официально – приёмный отец Дантеса, фактически – партнёр по сексу.

Барон Луи-Борхард де Беверваард Геккерен родился 30 ноября 1791 года, сын майора от кавалерии Эверта-Фридриха ван-Геккерена (1755–1831) и Генриетты-Жанны Луи Геккерен, официальной графини Насау. Службу начал добровольцем во флоте. С 1815 года перешёл на дипломатическую службу – секретарь нидерландского посольства в Стокгольме. В 1823 году он появляется в Петербурге. Сначала поверенный в делах, а через три года – посланник при русском дворе.

Это противник опасный. Для Пушкина существовала реальная угроза. Александр Яковлевич Булгаков, московский почт-директор, человек чрезвычайно информированный, в письме к дочери написал: «...отправься Пушкин один, он мог быть убит без всякого соблюдения каких бы то ни было правил дуэли».

Племянник Пушкина, Лев Павлищев, в работе «Кончина Александра Сергеевича Пушкина» утверждал, что Геккерен сообщил Бенкендорфу о предстоящей дуэли. «...Бенкендорф, будто бы обрадовавшись предстоящей поэту опасности и нисколько не интересуясь земным существованием Дантеса, выслушивает Геккерена с притворным участием, обещает ему предупредить дуэль арестом враждующих, и действительно: посылает на другой день с жандармом кого следует, но... не к месту встречи, а в противоположную сторону, едва ли не в Екатеринбург».

Если всё так и случилось, а не доверять Павлищеву в данном случае нет основания, то перед нами классическая ситуация – сговор представителя иностранного государства и человека, обязанного по долгу службы обеспечивать безопасность России. Бенкендорф очень рисковал. Он знал, что император Николай взял с Пушкина обещание не драться на дуэли. Поэт нарушил данное слово, но и он, глава тайной полиции, узнав об этом, не поставил императора в известность.

Поступок Бенкендорфа могут оправдать только серьёзнейшие обстоятельства.

Геккерен должен был показать Бенкендорфу письмо Пушкина, которое получил 25 января, собираясь на обед к графу Григорию Строганову. Сомнительно, чтобы барон поехал прямо к Бенкендорфу. Он – посланник иностранного государства – являться за просто к чиновнику такого высокого ранга не имел права.

Встреча должна была состояться приватным образом. Посредником вполне мог выступать граф Строганов, именно он благословил барона на дуэль, подсадив, что вызов может сделать Жорж Дантес. Встреча с Бенкендорфом произойдёт во второй половине дня – граф Григорий Строганов по старому обычаю обедал рано.

Геккерен показал письмо Бенкендорфу. Возможно, сам прокомментировал некоторые места. Например: «Подобно старой развратнице, Вы сторожили жену мою во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорождённого или так называемого сына...» Пушкин явно знал о подлинных взаимоотношениях сорокашестилетнего Геккерена и двадцатипятилетнего Дантеса. Отсюда намерение на «старую развратницу» и на «так называемого сына». Для голландского посланника этот скандал мог означать конец карьеры, а он небогат, и молодые кавалергарды стоят очень дорого. Геккерену пришлось даже заняться мелкооптовой контрабандой спиртных напитков в Петербург, чтоб как-то поправить своё финансовое положение. Другим источником его доходов стала торговля антиквариатом. Но этого катастрофически не хватало...

В январе 1837 года Дантесу пришлось жениться на Екатерине Николаевне Гончаровой, сестре Натальи Николаевны Пушкиной. Брак этот удобен как маскировка. Теперь Дантес женат, и жена его находится в одном доме с Геккереном. Приличия соблюдены, но всё-таки огласка сексуальных увлечений барона могла кончиться для него очень плохо.

Что-то в этих строчках письма обеспокоило и всемогущего шефа жандармов. Сам по себе скандал с Геккереном и его любовником Дантесом Бенкендорфа не пугал. (Скорее всего, об увлечениях Геккерена жандармерия и III отделение знали давно). Пугал его Пушкин, который сумел докопаться до гомосексуальной подкладки отношений посланника и кавалергарда. Что, если он копнёт глубже? Люди вроде Геккерена всегда уязвимы для шантажа и вербовки агентов спецслужб. Геккерену «подставили» Дан-

теса, пообещав французцу быстрое продвижение по службе. Вся гвардия удивлялась, что Дантес в нарушение всех правил был принят в полк сразу офицером. Пушкин отметил это событие в своём дневнике.

Таким образом, нидерландский посланник Геккерен стал объектом вербовки. Скандал с ним мог приоткрыть завесу над тайной взаимоотношений иностранного дипломата и политической полиции России. Агент, причём очень ценный, мог быть потерянным.

Желания и намерения барона Геккерена и генерала Бенкендорфа полностью совпадали.

Их возможный разговор легко реконструировать. Посланник сообщает, что дуэль неизбежна, и просит принять меры для её предотвращения. Дуэли в России запрещены, и шеф жандармов обязан пресечь... Однако официального донесения агентов пока нет, следовательно, реагировать официально рано, если же такое донесение поступит, то наряд жандармов будет послан, но совсем необязательно именно туда, где дуэль будет происходить.

Лукавый Александр Христофорович очень точно оценил редчайшую возможность не только разделаться с беспокойным поэтом независимо от исхода поединка, но и ещё сильнее повязать своего агента кровью.

Геккерена такой подход к решению проблемы не устраивал. Причин было две:

1. Если исход поединка трудно предсказать, то каким образом можно гарантировать безопасность Дантеса?

Бенкендорф со свойственной ему жестокой язвительностью напомнил встревоженному папаше, что дуэль – дело благородное, кроме того, стальной панцирь, заказанный для Дантеса ещё в ноябре 1836 года, мог в значительной мере обезопасить его. (Гипотеза о том, что Дантес во время дуэли надел панцирь, высказана в 1938 году инженером М. Комар. Она поддержана многими видными исследователями, хотя многими и отвергнута. Аргументы последних основаны на наличии у Дантеса почти мифической дворянской чести.) Конечно, согласно правилам поединка, секунданты обязаны проверять перед его началом одежду соперников, но эту формальность теперь уже никто не выполняет.

2. Как обезопасить Дантеса от закона, который очень сурово – вплоть до смертной казни – карал участников дуэли?

Бенкендорф заверил, что лично он, основываясь на мнении света, которое наверняка будет на стороне Дантеса, приложит все усилия, чтобы смягчить приговор. В худшем случае послужит пару лет на Кавказе, что, кстати, молодому человеку пойдет только на пользу.

Барон покинул графа неудовлетворенным. Необходимо обезопасить Дантеса не наполовину, а полностью или почти полностью!

Учитывая разницу в росте, в быстроте реакции у Дантеса и Пушкина, предпочтение должны были отдать холодному оружию. Но кто-то подсказал, что Пушкин в прошлом хороший фехтовальщик. Кроме того, такая дуэль предполагает плотный контакт противников, что полностью исключает участие третьего лица... Да, выбор пистолетов связан с появлением на месте дуэли третьего лица, ещё одного стрелка. Именно под него выбирали место и время дуэли.

Но осторожный Геккерен делает ещё одну попытку примирить непримиримое. Вечером 25 января, после посещения Бенкендорфа, он едет к Пушкину. Жуковский записал у себя в дневнике: «В понедельник приезд Геккерена и ссора на лестнице».

В дом барона не пустили. Пушкин вышел к нему на лестницу. Вероятно, Геккерен уже тогда понял, глядя на Пушкина, что примирение невозможно.

Вот они стоят друг против друга на полутёмной лестнице. Барон унижен – его не пригласили даже в переднюю. Выдержка начинает изменять ему. Пушкин только этого и ждёт. Он взрывается целым потоком оскорблений. Михаил Яшин полагал, что имело место оскорбление действием. Возможно. Пушкин мог избить швейцара «по всем правилам английского бокса» только за то, что несчастный не вовремя открыл ночью дверь. Он бросался с ножом на капитана Рутковского, а уж приложиться к физиономии Геккерена в тот момент и в том состоянии – святое дело.

На другой день Геккерен принял вызов, но мне кажется, что он всё ещё надеялся на мирный исход. В его письме к Пушкину есть одно слово, которое можно воспринять как скрытый слабый символ надежды. «Мне остается только сказать, – пишет барон, – что виконт Д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Геккереном: прибавлю при этом, что эта встреча должна состояться без всякой отсрочки. Впоследствии, милостивый государь, я найду средство научить вас уважению к званию, в которое я облечён и которое никакая выходка с вашей стороны оскорбить не может».

П. Е. Щёголев обратил внимание на слово «впоследствии». Он писал: «Очевидно, Геккерен не верил в серьёзность дуэли, если писал, что впоследствии, после дуэли, он найдёт средство научить Пушкина уважению к его званию. Не лишённая интереса черточка!»

Геккерен действительно, с одной стороны, старается уладить дело, даже после того, как Пушкин вышвырнул его из своего дома. В письме оправдательном на имя своего министра Геккерен пишет: «Всё же я готов представить вашему превосходительству копию с него (письма) от Пушкина. – А. З.), если вы потребуете, но на сегодня разрешите ограничиться только уверением, что самые презренные эпитеты были в нём даны моему сыну, что доброе имя его достойной, давно умершей матери было попорчено, что моя честь и моё поведение были оклеветаны самым гнусным образом». Ни слова о матери Дантеса Пушкин не написал. Возможно, Геккерен имеет в виду намёк на незаконнорожденность Дантеса, но это маловероятно. Скорей всего, Геккерен смешал письменные и устные оскорбления, прозвучавшие на лестнице у квартиры Пушкина. Боюсь, что Пушкин ругался «по матушке», а иностранец Геккерен перевёл идиоматическое выражение буквально.

С другой стороны, практически одни сутки идёт подготовка к тому, что А. Я. Булгаков позднее назовет «убийством без всяких правил».

Подсказывается подходящее место на Чёрной речке – неподалеку от Комендантской дачи. С одной стороны, не совсем удобно, ибо на даче зимой жил сторож, а рядом – дом арендатора Дм. Мякишева, то есть могли быть нежелательные свидетели. Но, с другой стороны, а где иначе можно спрятать стрелка? Лучшего места, чем хозяйственные постройки на даче, трудно придумать.

Выстрелы были услышаны. Вот как писал К. Я. Рейнгард в статье «Где настоящее место дуэли Пушкина?»: «...прибежал к старику Мякишеву впопыхах дворник Комендантской дачи Матвей Фомин и сказал, что за комендантским гумном какие-то господа стрелялись».

В 1856 году по просьбе Я. А. Исакова К. К. Данзас показал место дуэли Пушкина и Дантеса. Вероятно, за двадцать лет Данзас успел забыть место и указал, что находилось оно с правой стороны от дороги в Коломняги, за огородами Мякишева. «За этим забором, – писал Исаков, – по словам Данзаса, в 1837 году начинался кустарник и потом лес, который продолжался параллельно во всю длину Ланской дороги. В недалеком рассто-

янии от забора он указал мне место где происходила дуэль».

Если бы дуэль происходила за огородами Мякишева, то звук выстрелов он мог слышать сам, а не узнать о происшедшем от дворника Комендантской дачи. Дворник услышал звук выстрела, причём, видимо, не пистолетного, а ружейного, с крыши гумна. Когда же он вышел во двор, то за гумном увидел дуэлянтов и мог слышать и видеть, как выстрелил Пушкин.

Раненого поэта Данзас и Д'Аршиак вели к дороге коротким путём – мимо гумна и сарая, через пролом в ограде – к карете, которая стояла у Комендантской дачи.

Откуда взялась карета? Лев Сергеевич Пушкин рассказывал своей сестре Ольге Сергеевне, что слышал «...будто бы Геккерен-старший в день поединка поехал к Комендантской даче в наёмной карете, а не в своей, опасаясь быть узнанным публикой». Затем приказал кучеру остановиться на не особенно далёком расстоянии от места поединка, выслал якобы на рекогносцировку своего камердинера и, получив донесение последнего о страшном результате, отослал экипаж с этим лицом для одного из раненых соперников; сам же будто бы нанял проезжего извозчика, на котором и усажал путями окольными, не желая подвергаться любопытным взглядам».

Рассказ очень походит на правду. Пушкина действительно привезли домой в карете. В этой карете на Чёрную речку приехали четыре человека: Луи Геккерен, Дантес, Д'Аршиак и камердинер. С какой целью Геккерен взял камердинера? Для чего лишний свидетель? Видимо, у него своя роль. Он не только принёс весть о результате поединка, он участвовал в нём. Возможно, он и есть стрелок.

Данзас вспоминал, что когда их сани подъехали к даче, никого ещё не было, и вдруг появились непонятно откуда Дантес и Д'Аршиак. Следовательно, они приехали раньше. Камердинер пошёл к строениям Комендантской дачи выбирать позицию – это или сарай, или гумно, крыша сарая, остальные наблюдали из укрытия, пока не приехали сани с Пушкиным и Данзасом. Противники и секунданты обходят строения и спускаются в ложбину.

Итак, все на своих местах: Геккерен в карете, дуэлянты и секунданты в ложбине, стрелок на чердаке одного из строений.

Место преступления определено. Теперь необходимо определить время.

Время назначали Дантес и Д'Аршиак. Это очень важно для успеха задуманного ими плана. Обычно дуэли назначаются на рассвете,

не так было в данном случае. Время дуэли определили только 27 января, когда Пушкин привёз своего секунданта Данзаса к секундantu Дантеса Д'Аршиаку.

По показаниям Данзаса и его воспоминаниям, записанным А. Амосовым, известно, что Пушкин встретил Данзаса на Пантелеймоновской улице или на Цепном мосту возле Летнего сада. Шёл первый час пополудни.

Пушкин ехал в санях. Усадил в них Данзаса, предложив ему быть свидетелем одного разговора, который произойдёт во французском посольстве. По словам Данзаса, Пушкин напористо и грубо требовал от Д'Аршиака, чтобы дуэль состоялась немедленно. Это очень странно. Потому что не Пушкин, а именно Д'Аршиак и Дантес требовали немедленно покончить с этим делом. Уже в 9 утра 27 января Д'Аршиак прислал Пушкину записку с требованием встречи «в ближайшее время». Пушкина письма Д'Аршиака раздражают. В ответном письме он предлагает отказаться от каких-либо переговоров между секундантами и заявляет: «Я приведу своего только на место поединка. Так как г. Геккерен меня вызывает и обижением является он, то он может сам выбрать мне секунданта, если видит в том необходимость: я заранее принимаю его, если бы даже это был его егеря».

Пушкин, кажется, просто для видимости предоставляет противнику всё большие льготы. Он хочет испугать их своими радикальными предложениями. И они действительно испуганы, они опасаются промедления (видимо, у них всё готово) и какой-то огласки. Из письма виконта Д'Аршиака к Пушкину 27 января: «Всякое промедление будет рассматриваться им (Дантесом. – А. З.) как отказ в удовлетворении, которое вы обязаны ему дать, и как попытка огласкою этого дела помешать его окончанию».

Именно Д'Аршиак после столь резких писем должен был продолжать требовать сегодня же решить дело, но Данзас эти слова вкладывает в уста Пушкина, что может свидетельствовать о том, что после смерти Пушкина Данзасом и Д'Аршиаком – Дантесом были выработаны основы поведения во время следствия. Конечно, проще всего показать Пушкина инициатором дуэли. Цель очевидна – смягчить своё наказание. Со слов Данзаса получается, что Пушкин сначала представил его как своего секунданта, а потом уже спросил его согласия. «Теперь я вам могу сказать только одно, – якобы заявил Пушкин, – если дело это не закончится сегодня же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена – отца или сына, – я им плюну в физиономию. Тут он указал на Данзаса

и прибавил: «Вот мой секундант». Потом он обратился к Данзасу с вопросом: «Согласны вы?»»

Пушкин возвращается домой. Приказывает кучеру ждать. Некоторое время проводит в доме и выходит в 13 часов.

День был ясный, но морозный – 15 ниже нуля. Пушкину последнее время нездоровилось. Его постоянно лихорадит. Он возвращается и меняет надетую ранее бекешу на тёплый красный с зелёными клеточками архалук. Затем уезжает. Возвращается примерно через час и после 14 часов ожидает встречи с Данзасом. Тот скоро приходит. Пушкин отрешённо соглашается со всеми условиями дуэли и отсылает секунданта за пистолетами, которые заранее заказаны в оружейном магазине Куракина.

После 15 часов Пушкин встречается с Данзасом в кондитерской Вольфа на углу Невского проспекта. Последний привозит с собой пистолеты. В 16 часов на санях они едут к месту дуэли.

«На место встречи, – писал виконт Д'Аршиак князю Вяземскому в письме от 1 февраля 1837 года, – мы были в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставило нас искать убежища в маленькой сосновой роще. Так как большое количество снега могло стеснять противника, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов».

Значит, к вечеру погода изменилась. Поднялся сильный ветер, а это оказалось очень кстати для заговорщиков. Д'Аршиак говорит о большом количестве снега, В. А. Жуковский уточняет, что «снег был по колена». Но почему не поискать место, где снега поменьше? Почему именно здесь? Потому что место заранее присмотрено и хорошо просматривалось со строений Комендантской дачи.

Снег пришлось утапывать. Трое – Данзас, Д'Аршиак и Геккерен – принялись за дело. Пушкин не работает. Он сидит на куче снега и потирает ливает.

На все приготовления ушло минут 30–40. Примерно в 17 часов 10 минут противники готовы к бою.

На календаре январь. Даже в ясный день солнце садится около 16 часов, а в 17 часов 10 минут уже почти полная темнота. Писатель Теофиль Готье, посетивший город на Неве в 1858 году, так описывает январский вечер: «В Санкт-Петербург ночь приходит быстро, и с трёх часов пополудни нужно уже зажигать лампы». Но никто не говорит о факелах или костре. Этого не было. Следовательно, выстрелы противников прозвучали в темноте. Очень странно, если не учитывать, что стрелок ещё может хорошо видеть силуэты дуэлянтов на белом снегу.

Согласно условиям дуэли, противники должны были сходиться с расстояния 20 шагов до барьера (им стали брошенные на снег шинели) и тогда стрелять. Длинноногий Дантес должен подойти к барьеру раньше Пушкина, но он не торопился идти, зато поторопился выстрелить, почти не целясь, как только Пушкин оказался у своего барьера. Плохая видимость предполагает длительное прицеливание, что во время своего выстрела и сделал Пушкин. Он целился очень долго, и не только потому, что был тяжело ранен, но и потому, что плохо видел противника. Дантес стреляет, не дойдя одного шага до барьера. И стрелок знает, что выстрел Дантеса последует в тот момент, когда Пушкин подойдёт к барьеру. Он в полной готовности с того момента, как секундант подал команду сдаться.

При подписании протокола дуэли секундантами допущен ряд нарушений дуэльных правил. Вернее будет сказать, что нарушения были заложены в условия дуэли и обусловлены наличием третьего участника поединка. Согласно дуэльному кодексу В. Дурасова, «протокол становится обязательным, когда он будет подписан секундантами и противниками». В распоряжении исследователей имеется протокол поединка, подписанный только секундантами. Он прилагается к военно-судному делу о дуэли и представлен был Дантесом. Если подписи Пушкина на этом документе нет, то, следовательно, он подложный и может значительно отличаться от оригинала.

Далее, согласно «Правилам дуэли» Франца фон Болгара, «сигнал состоит из трёх ударов в ладоши, производимых в равные промежутки времени». Сигнал сдаться был подан Данзасом взмахом руки, в которой он держал шляпу. Современники сразу посчитали это странным. А. О. Смирнова записала: «...мой муж, Киселёв и Андрей Карамзин говорили вчера, что нельзя воспрепятствовать противникам драться серьёзно, если таково их желание; странно только, почему Дантес выстрелил так скоро, если было условлено, что противники должны стрелять одновременно? Тут что-то не совсем ясно. Киселёв говорит, что вместо того, чтобы дать сигнал, сняв шляпу, следовало считать до трёх, после чего должны были последовать выстрелы». Считать до трёх или хлопнуть в ладоши – это звуковой сигнал, стрелок на чердаке сарая может его не услышать, поэтому он заменён визуальным – взмахом руки со шляпой.

Какова подлинная роль К. К. Данзаса? Знал ли он о заговоре? Думаю, нет. Однако он полностью пошёл на

Дульные
пистолеты
системы
Лепапа

поводу у Д'Аршиака и Дантеса. Вероятнее всего, в силу своего характера. Данзас – «отличный боевой офицер, светски образованный, но крайне ленивый и, к сожалению, притворявшийся повесой». Эти черты характера сыграли негативную роль в подготовке и ходе поединка. Он не протестовал против времени проведения дуэли. Не заметил, что противников «расставили» по местам, когда требуется провести жеребьевку. Взял шляпу и сделал роковой взмах, вместо того чтобы подать сигнал голосом. Единственный раз он проявил твердость: когда Дантес предложил ему не говорить никому о своём участии в дуэли. Данзас отказался. Хотя впоследствии, видимо, вошёл в соглашение с Д'Аршиаком и Дантесом и в ходе следствия дал искажённые показания.

Дантес выстрелил мимо, а пуля стрелка-снайпера поразила Пушкина в правый бок, причём удар был чуть сзади и сверху вниз по касательной. Виконт Д'Аршиак писал, что Пушкин «упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле». Следовательно, Пушкина «расставили» спиной к строениям Комendantской дачи и правым боком к стрелку.

Врач и писатель Владимир Иванович Даль, делавший вскрытие тела покойного, написал в записке: «По окружности большого таза с правой стороны найдено было множество небольших осколков кости, а, наконец, и нижняя часть крестцовой кости была раздроблена. По направлению пули надобно заключать, что убитый стоял боком, влоботорота и направление выстрела было несколько сверху вниз. Пуля пробилла общие покровы живота в двух дюймах от верхней оконечности чресельной или подвздош-

ной кости правой стороны, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, раздробила её и засела где-нибудь поблизости. Время и обстоятельство не позволили продолжать подробнейших розысканий».

Какие обстоятельства не позволили врачу вынуть пулю? Агенты III отделения, постоянно присутствовавшие в доме, вероятно, получили на этот счёт специальное указание. Можно только удивляться, что Далю вообще позволили сделать хотя бы предварительное исследование раны. Ни о каких «подробнейших розысканиях» нет и речи. Отсюда следует, что через двое суток после дуэли Бенкендорф знал всю правду. Вероятно, он вынужден был поставить в известность императора. А без него кто мог назначить военные учения в столице 2 февраля с привлечением колоссального количества солдат?

В. И. Даль, видимо, хорошо представлял важность результатов вскрытия, поэтому в краткой форме сумел записать то, что успел определить. «Убитый стоял боком», – пишет Даль. Да, только боком к стрелку, а к Дантесу лицом и грудью. С фронтальной позиции он и стал готовиться к выстрелу, но стрелок опередил его. Пуля вошла сбоку и сзади, имея направление сверху вниз, что и подтверждает Даль.

Существующие методы научной баллистики позволяют определить, с какого расстояния был произведён выстрел. Для этого сравнивают разницу между входным и выходным отверстиями пули. В нашем случае выходного отверстия нет, но есть расстояние между входным отверстием и крестцовой костью, где пуля застряла. «Если же первое входное отверстие, – пишет С. Д. Кустанович, – находится выше последующих, то,

следовательно, пуля летела под каким-то углом сверху вниз с небольшого расстояния, так как такое направление полёта пули возможно и при простреле предметов пулею излёте...»

Если признать, что стрелял Дантес с расстояния в 6–7 метров, 10 шагов, то ни о каком излёте говорить нельзя вместе с тем разница между входным отверстием и местом, где пуля застряла, составляет около 3 сантиметров. Согласно данным таблицы под названием «Величина углов падения в "тысячных" для пуль некоторых образцов отечественного оружия», угол падения в 3 сантиметра возникает при выстреле из винтовки с расстояния от 200 до 300 метров. Необходимо сделать поправку, что стрелял не из винтовки образца 1891 года, а из ружья (о пистолетах речи быть не может), тогда смертельный для Пушкина выстрел мог быть сделан с расстояния не менее 100 метров.

Можно возразить, что выстрел это могли увидеть и услышать участники дуэли, но двое – Дантес и Д'Аршиак – к нему были готовы, а внимание Данзаса и Пушкина было сосредоточено на Дантесе. Кроме того, нельзя забывать, что в это время дул сильный ветер. «Большое значение для восприятия звука имеет также наличие ветра... Если ветер дует от нас, источнику звука, то в зависимости от силы ветра слышимость может полностью отсутствовать даже на не большом расстоянии».

Ветер дул от дуэлянтов к сараю, да же, только поэтому дуэлянты выстрела не слышали, а дворник дачи находившейся позади сарая, если смотреть от того места, где стояли противники, звук выстрела услышал и вышел во двор посмотреть, где стреляли. Заметив в недалёкой ложбинке силуэты людей и, возможно, дождавшись выстрела Пушкина, – он бросился к соседу-арендатору, чтоб сообщить о происшествии.

Заметить выстрел можно было и по возникающему при этом пламени. Объяснение есть: «Дульное пламя резко уменьшается при выстрелах из смазанного оружия... В ряде случаев отдельные выстрелы совершенно не дают пламени...»

Нужно было бы подвергнуть тщательному анализу одежду Пушкина. Существует методика, позволяющая определить дальность выстрела по огнестрельным повреждениям одежды. У В. И. Даля длительное время хранился сюртук Пушкина с небольшой дырочкой от пули. К сожалению сюртук украден и навсегда потерял для науки.

Совокупность фактов позволяет с большой долей вероятности предпо-

ложить, что дуэль Пушкина с Дантесом была хорошо спланированным убийством. (Только этим можно объяснить смелость Дантеса до и в ходе дуэли. Из записки графа Соллогуба: «Он говорил, что чувствует, что убьёт Пушкина...» Даже не ранит, а убьёт!) Участие представителей власти, пусть даже на этапе сокрытия следов преступления, делает его убийством политическим. Сегодня есть шанс перенести данный вывод из сферы предположительной в сферу фактическую, только нужно найти пулю, которая осталась в теле Пушкина. Она может быть важным вещественным доказательством. Если нельзя сделать обследование могилы путём её вскрытия, то почему не применить метод зондирования с помощью видеокамеры, оборудованной фонарём?

Необходимо исследовать и дуэльные pistols Пушкина и Дантеса. С ними много неясностей.

Кто-то должен был собрать оружие после поединка и вывезти его. Кто? Для ответа на этот вопрос восстановим обстановку после выстрела Пушкина. Раненый Пушкин находит в себе силы и стреляет. Дантес падает. Он легко ранен в мякоть руки, которой прикрывался. Пуля прошла навывлет. Штаб-лекарь Стефанович, осматривавший Дантеса, записал: «Поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста: вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающихся персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов... жалуется на боль в правой верхней части живота, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком дыхании, хотя наружных знаков контузии незаметно».

Это странно, что пуля не причинила Дантесу никакого вреда, и странность эта очевидна. Её необходимо как-то объяснить. В 1938 году инженер М. Комар пришёл к выводу, что на Дантесе было надето некое защитное устройство.

Подсчитав скорость полёта пули в секунду (около 300 метров), массу пули, Комар пришёл к выводу, что «сильный удар пули при этих условиях должен произвести большой разрушительный эффект. То, что пуля Пушкина пробила руку Дантеса без повреждения кости, нельзя назвать большим эффектом. На эту работу израсходовалась только незначительная часть всей силы удара, и главная часть его обрушилась на пуговицу. Она должна была если не разрушить,

то деформировать пуговицу и вдавить её в тело».

В ходе следствия Дантеса попросили показать пуговицу, но сделать этого он не смог. Вероятно, прав М. Комар, говоря, что «...Дантес спасся только благодаря тому, что вышел на дуэль в панцире, надетом под мундир в виде корсета».

Не сумел Дантес представить военным следователям и pistols, из которых стрелялись. Но именно он унёс их с места дуэли.

Вернёмся к показаниям арендатора Дм. Мякишева: «Старик выбежал на улицу и увидел, что какого-то господина вели двое под руки, посадили в карету и повезли в город».

Вели Пушкина Д'Аршиак и Данзас. На месте дуэли оставался один Жорж Дантес. Он должен был собрать оружие и вещи – шинели секундантов. Больше pistols никто не видел. Если верить показаниям самого Дантеса, то они были абсолютно одинаковы. Предполагается, что это pistols новейшего образца, имевшие, кроме капсульного ударного замка, ещё и нарезной ствол.

Боюсь, что pistols Пушкина исчезли именно потому, что они отличались от pistols Дантеса. Последний получил их от сына французского посла в Петербурге де Баранта. Естественно, он вернул их владельцу, а тот увёз их во Францию. Эрнест де Барант умер в 1859 году. Pistols сменили нескольких владельцев: Проспера, брата Эрнеста, а потом полковника де Шательперона, мужа их сестры. Потом след pistols теряется, и через сто лет (в 1955 году) они продаются на аукционе в зале Друо в Париже. Купил их неизвестный. Через десять лет pistols оказались в частном Музее почты, в городке Лимре.

Есть сообщение, что какие-то pistols демонстрировались в Париже на выставке к столетию со дня смерти А. С. Пушкина в 1937 году.

Те, что находятся в Лимре, изготовлены в Дрездене оружейным масте-

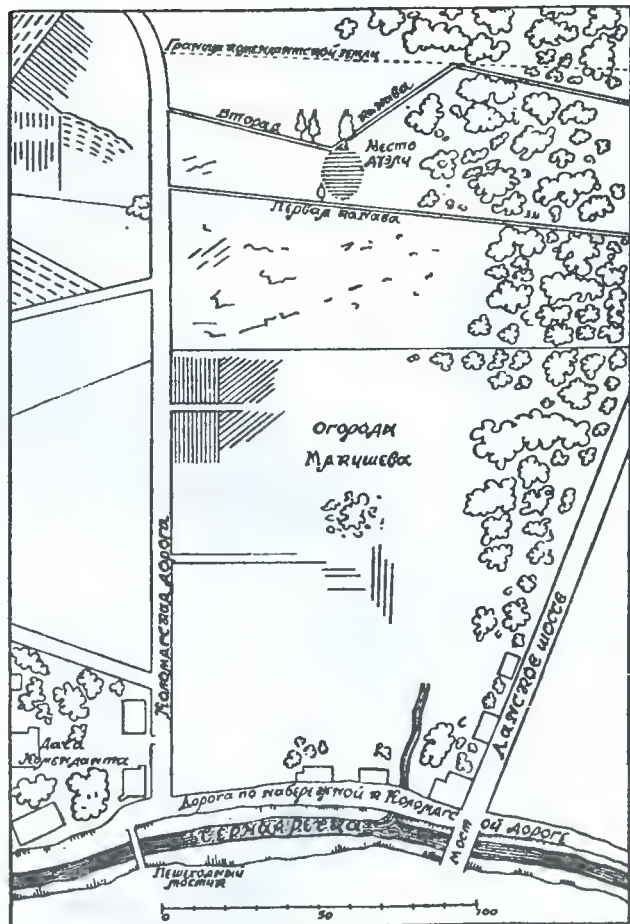

Схема места дуэли

ром Карлом Ульбрихом. Единственным свидетельством, что именно эти pistols участвовали в дуэли Дантеса и Пушкина, является записка бывшего владельца, приложенная к ним при продаже: «Эти pistols принадлежали барону Эрнесту де Баранту, дипломату, который их одолжил своему другу г-ну Д'Аршиаку во время дуэли Пушкина с г-ном Дантесом. Г-н Д'Аршиак был одним из секундантов. Они были отданы полковнику де Шательперону в 1884 году бароном де Барантом, братом Эрнеста. Париж 1-го мая 1920 г. Полковник де Шательперон».

Правнук Пушкина Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов пытался купить эти pistols, но владелец музея отказал.

Если сегодня не найдётся человек (или группа лиц), который смог бы купить pistols Баранта, то необходимо хотя бы провести детальную экспертизу оружия на месте, сделать их описание, произвести контрольные выстрелы. В конце концов, pistols Баранта – вещественное доказательство.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Мой сосед по лестничной клетке – пожилой, выдавший виды фронтовик – заболел. Большой шутник и балагур, он после болезни несколько поухитился. Бросил смолить «Приму» и рассказал вот какую историю.

– Как-то сплю, и вдруг меня в бок кто-то толкает... Открываю свои перископы и вижу, что за моим родным столом сидят четверо – две девки в красном и двое парней в чёрном – и дуются в карты. Я им: «По какой праву вы, ряженные, в чужой квартире в «очко» режете?» Они даже на меня не взглянули. Я хотел встать, да какая-то сила придавила меня к дивану. Смотрю только, что дальше будет. Они ещё немного молча поиграли, в их руках блеснуло золото, затем встали из-за стола и ушли в стену.

Я обомлел. Как такое может быть? Тут неведомая сила меня отпустила. Я поднялся, подошёл к столу. Всё на месте. И цветы в вазе, и газеты, и журналы. А когда шла карточная игра, стол был чистым. Нехорошо мне стало. Но я заставил себя вновь уснуть.

Через неделю, а было это днём, я опять прилёг на диван отдохнуть. И опять в бок кто-то толкнул. Открываю глаза и вижу: в комнате танцуют несколько пар. Парни – в белых костюмах, девицы – в цветных пышных платьях. Выкобениваются и так, и эдак возле моего дивана. На меня, хозяйина квартиры, ноль внимания. Злость взяла. Вскочил я и – к ним. А они танцуют себе и толкают меня, да так больно, что у меня и грудь, и спина заныли. Тут откуда-то выскочило непонятное серое существо и принялось кричать на танцующих. Голос у существа негромкий, но доходчивый. Танцующие исчезли, а за ними и существо.

Тут до меня дошло, что вижу я призраков, а существо, наверное, домовой. Боязно мне стало, как никогда ещё не было.

Только когда выпил водочки, успокоился. Несколько дней после этого было тихо. Но жизнь тихой не бывает, что-нибудь да случается.

Как-то засиделся я у телевизора. Смотрел американский фильм с дракой и битьём машин. И вдруг замечаю, что кроме меня в комнате кто-то ещё есть. Пригляделся и обмер. Стоит у стены эдакий верзила под потолок... Бледный, костлявый, на лице носа нет, рот-щель, а голова как цилиндр. Глаза у этого чучела махонькие, будто расклёпанные кнопки. Зыркает он ими по комнате и замечает меня. Тянет свои руки-клешни, красные такие, в пупырышках, как у рака, в мою сторону и что-то противно пищит, будто лезвием по стеклу водят.

Я обомлел. Думаю, конец мне. Хочу закричать, да рот словно пластилином залепилось. Хочу кулаком по чучелу двинуть, но руки сделались ватными. И тут из угла, где телевизор стоит, выскочила длинноволосая голая девка и бросилась на чучело. И такая между ними драка началась, что я от страха глаза закрыл. Лежу ни жив ни мёртв. Последние зубы, – старик открыл рот, чтобы показать мне редкие оставшиеся зубы, – чуть не выскочили, так у меня челюсть тряслась. Вдруг всё стихло. Гляжу: страшилища уже нет. А стоит возле меня та девица и свои чёрные волосы ладонями разглаживает. Посмотрела мне в глаза, улыбнулась и тоже исчезла...

Прошло время. На дворе буянил кармином и охрой сентябрь. Сосед сидел на своём излюбленном месте, наблюдая за кипящей рядом жизнью. Как-то я подсел к нему, спросил:

– Не донимают ли сейчас привидения?

Он усмехнулся:

– Да я на них теперь внимания не обращаю. Привык. – Он помолчал, затем продолжил: – И кого только в моей ком-

нате не перебывало. Рассказывать, не поверишь. Как-то мои молодые друзья-фронтовики приходили, погибшие они, но весело нам было. Вспоминали разное. Как-то Гитлер заходил. Всё рукой дергал. Но хозяин – а теперь он мне в виде маленького дедушки является – главного фашиста прогнал. И вообще хозяин меня оберегает. Не даёт обижать, если непрошенные гости распалются. Видно, жить мне осталось недолго, – он показал пальцем вверх. – Небесные власти перед смертью видениями балуют. И вообще живые они все, как мы с тобой. Только жизнь у них иная, непонятная.

– А верзила с глазами-кнопками? – полюбопытствовал я.

– Чучело – другое дело. Это смерть. – Старик вздохнул, помолчал и добавил: – Пока хозяин меня от него спасает. Да тяжело ему приходится. Всё-таки небольшой он, домовоит, хотя и сильный.

Старик замолчал, будто ушёл в себя, затем встрепенулся:

– Ко мне в постель сам хозяин жаловать стал. Скок на диван, где я лежу, и к моей ноге прижмётся. Тепло ему, и мне приятно. Сколько раз я пытался его рукой пощупать, а он, хотя, видимо, и спал, сразу спрыгивал с дивана. Но раз я всё-таки до него дотянулся. Шёрстка у него мягкая такая, как у маленького барашка. Хозяин тут же спрыгнул на пол и потопал в свой угол, где телевизор стоит. Похож он на большого кота, только личико у него человеческое. А глаза синие-синие, как небо в марте. Понял я теперь, что хозяин разным бывает. И старичком, и девицей, и котом, и ещё непонятно кем. Дружим мы. Я ему молоко в блюдце оставляю. И карты под телевизор кладу, пусть забавляется.

Зимой старого фронтовика не стало. Но его байка про хозяина врзалась в мою память навсегда.

Владимир Константинов

Юрий Конев

УСМИРЕНИЕ СТРАНЫ – ЭТО ИЛЛЮЗИЯ

Отчаявшись подавить силой оружия борьбу алжирцев за независимость, французские колонизаторы призвали на помощь... знаменитого мага.

Арабское население Алжира не питало добрых чувств к французам, превратившим их богатую страну в свою колонию. Но когда в сентябре 1856 года в столицу Алжира приехал «самый могущественный волшебник всех времён и народов» Жан-Этьен Робер-Уден, местная знать – шейхи, ага, сеиды – собралась в театре посмотреть на выступление французского мага.

Робер-Уден появился на сцене в простом чёрном фраке. Этим он хотел сразу дать понять собравшимся: его

магическая сила столь велика, что не нуждается во внешней мишуре. Француза встретили неодобрительным гулом. «Великий волшебник», не обращая на это внимания, спросил, есть ли среди присутствующих знатоки Корана. Вышел седой марабут (колдун) в зелёной чалме, изучавший священную книгу сорок лет и много раз побывавший в Мекке.

Робер-Уден взял со столика Коран и предложил марабуту сказать по памяти, что написано на той или иной странице. Старец отказался, заявив, что этого не сможет сделать никто. «А я могу!» – воскликнул французский маг. Намотав на голову чалму, он роздал зрителям два десятка Коранов и предложил называть номера страниц и стихов. Вопросы посыпались со всех сторон. К величайшему изумлению присутствующих, чужеземец безошибочно цитировал любой стих на названной странице.

Затем Робер-Уден снял чалму и попросил принести небольшой сундучок. Поставил его на невысокий помост и пригласил выйти на сцену самого сильного человека, какой есть в зале.

Вышел геркулес-араб, слышавший первым силачом в городе, и по предложению француза двумя пальцами легко поднял сундучок. Тогда «волшебник» подошёл к силачу, сделал над его головой несколько пассов руками и попросил ещё раз поднять сундучок. «Теперь он не сможет этого сделать, потому что я отнял у него всю силу!» – уверенно заявил Робер-Уден, обращаясь к залу.

Подбадриваемый криками зрителей геркулес снова взялся за ручку сундучка, но не смог даже сдвинуть его с

места. Разозлившись, он ухватился двумя руками и рванул так, что хрустнули доски помоста. Сундучок не повиновался. Побагровев от стыда, силач упал на колени и, закрыв лицо бурнусом, закричал: «Шайтан!» Не обращая на него внимания, Робер-Уден легко поднял сундучок и бросил его ассистенту. Простые зрители арабы были настолько потрясены, что потеряли дар речи. А вот вожди племён встревожились: если эти неверные умеют отнимать силу у слуг Аллаха, то...

Робер-Уден решил закрепить произведённое им впечатление. Сделал несколько пассов – и на тени сидевшего в первом ряду знатного шейха, который, по сведениям французской разведки, был особенно враждебно настроен по отношению к колонизаторам, появилась струйка крови. Это было очень плохой знак, ибо, по мусульманским поверьям, «хозяином тени» является сатана. Получалось, что чужеземец может призывать его на помощь!

Робер-Уден меж тем свистом вызвал из-за кулис пса, посадил его на маленький столик. Пёс улегся, не сводя глаз с хозяина. «Волшебник» сообщил, что это не простая собака, а отказавшийся подчиняться ему, всемогущему магу, человек. «Сейчас он сам расскажет вам об этом. Начинай!» –скомандовал Робер-Уден.

Пёс кивнул головой, раскряп пасть и на чистейшем арабском языке обратился к поражённым зрителям: мол, теперь, после своего превращения, он больше не сомневается, что в мире нет волшебников более могущественных, чем французы, поэтому враждовать с ними – чистое безумие.

А чудеса продолжались. Француз поставил на стол юношу, накрыл его целиком большим бумажным колпаком, сделал два-три пасса и рывком развернул бумагу: юноша исчез! Затем Робер-Уден сам встал на железный лист, а помощник развёл под ним костер. Огонь и дым скрыли волшебника. Раздался взрыв, пламя мгновенно погасло, а француз, целый и невредимый, улыбаясь, стоял на сцене.

Нервы у зрителей не выдержали, в зале поднялась паника, давая друг друга в дверях, люди кинулись вон из театра.

Никому из простодушных алжирцев в голову не могло прийти, что Жан-Этьен Робер-Уден вовсе не «всемогущий волшебник», а знаменитый французский иллюзионист. Продемонстрированные им «чудеса» совершались с помощью технических средств. Например надевая чалму, он незаметно прикрепил к уху акустическую трубку, а его ассистент, араб по имени Тибо, сидел за кулисами, листал Коран и передавал нужный текст. Через такую же трубку, подведённую к столику, Тибо говорил за собаку. Для «лишения силы» Робер-Уден использовал неизвестное алжирцам явление магнетизма. На дне сундучка была спрятана железная пластина, а под помостом – сильный электромагнит, который за кулисами включал и выключал ассистент.

Не знали алжирцы и того, что Робер-Уден приехал в их столицу по заданию французского императора Наполеона III. Дело в том, что в Алжире не прекращались вооружённые выступления против колонизаторов. Причём зачинщиками были фанатики-марабуты, которых беспрестанно слушались не только простые феллахи, но и вожди племён.

Положение было критическим, поскольку карательные экспедиции не могли усмирить население. И тогда Наполеону III, неплохому фокуснику-любителю, пришла оригинальная мысль обратить против марабутов их же оружие – колдовство, а в качестве «всемогущего

волшебника» послать в Алжир Робер-Удена. И знаменитый иллюзионист согласился сыграть эту роль и так ошеломить арабов своими «чудесами», чтобы они впредь не осмеливались выступать против французов. Фокусник получил инструкции от полковника Неве из политического бюро министерства иностранных дел, выучил несколько арабских фраз, запасся сведениями об обычаях и суевериях алжирцев, подыскал себе ассистента-араба, некоего Тибо, и отправился на необычные гастроли.

На первом же выступлении в столице Робер-Уден добился своей цели – нагнал на зрителей страху. Во всяком случае, о французском колдуне заговорил весь Алжир. Поэтому он смело отправился в глубь страны, по оазисам и горным районам. Выступал на открытом воздухе, разбивая большую палатку возле какого-нибудь сарая, приспособленного под закулисное помещение, где скрывал от любопытных глаз всё, что было необходимо для «чудес».

А их у «волшебника» было великое множество. Он опускал руку в «расплавленное олово», которым была ртуть, умывался им и даже полоскал рот. Лютал огонь и выдувал изо рта огненный столб. Пил из кастрюли «кипящую» воду. Извлекал из пустого котла пушечное ядро, давая понять, что бесполезно воевать с французами, которые могут доставать боеприпасы из воздуха. Вода у него в руках вдруг вспыхивала и горела ярким пламенем. Раскалённую докрасна железную палку он прикладывал к щеке и даже брал в рот.

Впрочем, среди его фокусов были и курьёзные. Так, в селении Мейбус Робер-Уден объявил, что сможет накормить сто человек одним куриным яйцом. Он показал зрителям большую корзину, полную яиц, а затем начал разбивать их одно за другим, выпуская содержимое в большую кастрюлю, стоявшую на жаровне. Потом помешал в ней «волшебной» палочкой, вынул оттуда большое крутое яйцо и, положив на блюдо, стал угощать всех желающих. Некоторые смельчаки отщипывали по кусочку и убеждались, что сотня яиц действительно превратилась в одно крутое.

Слух о чужеземном «шайтане» бежал впереди Робер-Удена, усиливая ошеломляющее впечатление от его выступлений.

Однажды его пригласил влиятельный вождь одного из племён по имени Бу Аллем Бен Шенфа Баш Ага. Сам вождь относился к французским колонизаторам вполне лояльно, в отличие от своего главного советника марабута, который во всеуслышание заявил, что француз шарлатан, и пообещал разоблачить его.

Робер-Уден принял приглашение и устроил небольшое представление в резиденции Бу Аллема. Сначала у шейха исчезли чётки, которые через минуту нашлись в стоявшем у двери тапке. Затем на глазах у всех пропал злополучный тапок – и «вернулся» полный монет. Марабут презрительно усмехался и твердил, что все равно не верит в могущество француза. Когда же Робер-Уден извлек пятифранковую монету из носа советника, тот пришел в ярость от нанесённого ему оскорбления – ведь его выставили на посмешище! – и тут же вызвал неверного на дуэль. Причём с правом первого выстрела: раз француз утверждает, что неуязвим, то он ничем не рискует.

Робер-Уден с невозмутимым видом принял вызов, но сказал, что сейчас уже темнеет, поэтому стреляться лучше на рассвете.

Утром на городской площади собралось всё племя. Поскольку право на первый выстрел было у марабута, французу разрешалось выбрать свинцовые пули для кремнёвых пистолетов. Что тот и сделал. Дуэлянты разошлись на пятнадцать шагов. Советник тщательно прицелился и выстрелил. Когда дым рассеялся, все увидели улыбающегося «волшебника», державшего в зубах пойманную пулю! Он выплюнул её на блюдо, и было хорошо слышно, как металл звякнул о металл.

Настала очередь Робер-Удена стрелять в марабута, который стоял ни жив ни мёртв, ожидая неминуемой смерти. Но «волшебник» выстрелил в глинобитную стену рядом с ним. Из пробоины закапала кровь! Самые храбрые из зрителей бросились к дыре, попробовали сочившуюся красную жидкость на вкус и убедились, что это на самом деле кровь.

Секрет «невиданного чуда» объяснялся просто. Ночью накануне дуэли Робер-Уден изготовил две «волшебные» пули: одну из воска, выкрасил ламповой сажей, вторую из свинца, но полую заполнил овечьей кровью. Когда заряжали пистолеты, он ловко подсунил первую своему противнику. Она бесследно разлетелась при выстреле, а Жан-Этьен взял в зубы припрятанную настоящую пулю.

Робер-Уден был очень доволен, что сумел выполнить свой патриотический долг, и по возвращении во Францию даже отказался от большого гонорара, предложенного ему правительством.

Алжирские «гастроли» были последними в жизни знаменитого иллюзиониста. А родился он за пятьдесят лет до них в семье часовщика в городке Блуа. Детство провёл в мастерской отца. Однажды у местного букиниста юноша случайно наткнулся на двухтомный «Энциклопедический словарь научных развлечений». Эта книга решила судьбу Жана-Этьена. Он проштудировал её от корки до корки, и всё свободное время стал посвящать тренировке в манипулировании, и вскоре показывал в кругу друзей неслухные фокусы.

Затем Робер открыл в Париже, на улице Тампль, собственную мастерскую «Точное время», где не только чинил часы, но и делал автоматические игрушки. Значительно позднее, в 1844 году, на Всемирной выставке он получил серебряную медаль за автоматическую куклу в виде маленького человечка, который сидел за столиком и по просьбе любого желающего рисовал какое-нибудь животное, писал своё имя и дату.

В 24 года Робер женился на дочери богатого парижского часовщика Сесиль-Эглатине Уден и присоединил её фамилию к своей. Под этим именем он и прославился как непревзойдённый иллюзионист. Очень быстро стал

профессионалом высочайшего класса. Причём не только блестяще исполнял труднейшие фокусы, но и постоянно придумывал новые, ещё более сложные, используя новейшие достижения науки и техники. За десять лет Робер-Уден объездил с представлениями всю Европу. К тому же открыл в парижском «Пале-Рояль» первый в мире иллюзионный театр на двести мест.

Его «Фантастические вечера» отличались от выступлений других фокусников тем, что трюки исполнял не только сам иллюзионист, но и сконструированные им механические устройства. Одним из самых впечатляющих был автомат «Антонио Дьявола» в виде маленького мальчика. Эта механическая кукла кланялась, подпрыгивала и хваталась руками за висевшую над сценой трапецию. Затем она раскачивалась и проделывала различные акробатические трюки, держась за трапецию ногами. В заключение отпускала её и падала на руки фокуснику.

Но на этом номер не кончался. Ассистент приносил посылку, адресованную Робер-Удену. Артист вынимал из неё бутылку с вином и предлагал выпить за успех механического акробата. По заказу зрителей иллюзионист наливал из одной и той же бутылки красное и белое вино, сидр, различные ликёры. Ассистенты разносили бокалы по рядам, и зрители с удивлением убеждались, что их заказы выполнены точно.

И тут Робер-Уден спохватывался, мол, к вину нужны фрукты, и моментально выращивал апельсиновое деревце, расцветавшее и покрывавшееся спелыми плодами, которые он раздавал зрителям. Потом фокусник брал у одной из дам платок, и тот непонятным образом оказывался внутри апельсина. Робер разрезал ещё один апельсин – из него вылетали две бумажные бабочки, начинавшие порхать над апельсиновым деревом.

Секрет многих фантастических трюков скрывался в стоявшем на сцене столике, настоящим чуде техники. В него были вмонтированы гибкие вертикальные стержни, поднимавшиеся и опускавшиеся внутри ножек с помощью пружин. Десять тончайших, но очень прочных невидимых нитей, перекинутых через системы блоков, вели к скрытым поршням и связывали фокусника с потаённым помещением, где сидел помощник, управлявший всей этой сложной механикой. Благодаря этим приспособлениям иллюзионист мог незаметно передавать за кулисы взятые у зрителей предметы и получать их обратно, например, внутри апельсина.

Успех «Фантастических вечеров» был так велик, что они не сходили со сцены в продолжение многих лет.

Когда Робер-Удену стукнуло пятьдесят, он прекратил выступления и уехал на родину в Блуа, намереваясь заняться своей любимой механикой. Но тут поступило предложение от самого императора: усмирить непокорную колонию. Отказаться прославленный фокусник не мог.

После возвращения из Алжира Жан-Этьен уединился на покой, поселившись неподалеку от городка Блуа, где появился на свет. Свой домик он превратил в настоящее чудо техники. Едва посетитель нажимал кнопку у входа, как дверь распахивалась сама собой, а над ней загоралась надпись «Добро пожаловать!». В саду гостя обслуживали различные автоматы. Например, стоило ему сесть на стул, стоявший слишком близко к бассейну, как тот сам отодвигался подальше.

В этом доме Робер-Уден написал мемуары и несколько книг, в которых изложил результаты своих изысканий в области иллюзионного искусства. Умер знаменитый фокусник в 1871 году. Его именем были названы улицы в Париже и его родном Блуа. На его могилу до сих пор приезжают прославленные иллюционисты и фокусники Западной Европы и Америки – почтить память своего великого учителя.

Рисунки Льва Вяткина

Звери за порогом двери

Животные окружают нас с момента появления человечества на Земле. За многие тысячелетия совместного пребывания в одном на всех доме общение с нашими меньшими братьями стало жизненно необходимо людям. Потребность в таких контактах, по-видимому, закрепилась на генетическом уровне и даёт о себе знать даже сегодня, когда мы всё больше отдаляемся от природы. Не потому ли жители больших городов, которым давно не угрожает нашествие грызунов, заводят в своей квартире кота? И собака получает «прописку» в многоэтажке, несмотря на то что её хозяйка ходит за мясом не на охоту, а в соседний магазин и, опасаясь воров, надеются главным образом на стальные двери с хитроумными запорами. Что уж говорить о хомячках, попугайчиках, аквариумных рыбках и прочей мелкой живности, скрашивающей гомо сапиенсу жизнь в «каменных джунглях».

Жители планеты «делят кров» с двумя миллионами видов живых существ, не менее интересных, чем наши домашние питомцы. Многие из них обитают по соседству с человеком, хотя он порой не подозревает об этом. Другие облюбовали себе такие места, где мы не только не смогли бы жить, но и вряд ли сумеем когда-нибудь побывать. Впрочем, совершить подобные путешествия, причём не выходя из дома, нам поможет новая рубрика журнала – «Звери за порогом двери». В её материалах читатели найдут рассказы о самых удивительных «пассажирах» ковчега по имени Земля и удивительные истории о, казалось бы, обыкновенных, хорошо известных существах. Влажные тропические леса с их ежедневными устрашающего вида грозами и ливнями, похожими на потоп, безводные пустыни, по многу лет не знающие дождя, горные вершины, где трудно дышать из-за недостатка кислорода, глубины океана – царство вечной ночи и чудовищного давления воды, обжигающие холодом полярные области, которые никогда не покидают снег и лёд, – вот лишь некоторые маршруты по следам «невиданных» зверей и знакомых незнакомцев.

Борис Сергеев
доктор биологических наук

ГРИВАСТЫЕ АРИСТОКРАТЫ

Как истинный царь, пусть и зверей, лев ведёт жизнь сибарита.

Гордая и величественная осанка львов, их громоподобный рык подтверждают безграничную власть этих животных над окружающим миром. Многие люди, которым посчастливилось близко познакомиться с ними, наделяют гривастых хищников человеческими чертами: благородством, мужественностью, умом, сообразительностью и отсутствием кровожадности, присущей многим представителям семейства кошачьих. Именно таким существом запечатлелся в давние годы в

моём детском сознании этот могучий зверь. Ещё бы! Я своими глазами видел, как во время репетиции дрессировщик клал свою голову в широко разинутую пасть хищника. Немного позже мне довелось даже пообщаться с молодой трёхлетней львицей, которую по утрам выпускали из клетки работники зоопарка, чтобы она могла немножко размяться.

Увы, тогда по своей наивности я и не подозревал, что мой кумир – бесстрашный дрессировщик ленинградского цирка – не лишился головы не из-за

благородства четвероногого артиста, а главным образом потому, что просто не мог её откусить. Ведь чтобы закрыть широко разинутую пасть, должен сначала проглотить слюну. Ротитель внимательно прислушивается к звукам, исходящим от зверя, и всегда имеет возможность вовремя позаботиться о собственной безопасности.

На теле любого дрессировщика львов полно шрамов, оставленных подопечными (не избежали этой участи и самые талантливые укротители такие как Б. Эдер и И. Бугримов). Входя в клетку к хищникам, дрессировщикам приходится быть предельно осторожными и ни на секунду не спускать глаз со своих воспитанников. После этого пристально следят за ними, и многие четвероногие артисты не упустят случая броситься на человека, если он хоть чуть-чуть ослабит внимание.

Когда-то львы обитали на всей территории Африки. В отличие от других крупных кошек – тигров, леопардов, ягуаров и барсов – цари зверей живут не только в одиночку или парами, но и довольно большими группами – прайдами численностью иногда до 30 голов. В таких семьях бывает 2–3 взрослых льва, несколько взрослых львиц и много молодняка разного возраста. Лев – верный супруг и любящий отец. Он никогда не бросит оказавшуюся в опасности спутницу жизни и будет самоотверженно защищать её и детей. Своих малышей родители просто обожают, прощая и любые вольности и шалости.

В брачный период гривастые кавалеры дерутся из-за самок, но поединки со смертельным исходом, как правило, не бывает. Последнее слово в выборе жениха всегда остаётся за львицей, неудачливые претенденты на её внимание, не оспаривая принятого решения, благородно удаляются. В семье лев ведёт себя как барин. Глава прайда не утруждает себя охотой (это обязанность самок), но обедает первым, полном одиночестве, иногда лишь позволяя присоединиться к своей трапезе самому маленькому львёнку.

Львы легко привыкают к неволе, хорошо здесь размножаются. Звери, попавшие к людям в молодости или родившиеся в зоопарке, при хорошем к ним отношении, повзрослев, доброжелательно настроены к человеку, бывают послушными и легко поддаются дрессировке. У нашего знаменитого укротителя Бориса Эдера была львица Пупа, которую он воспитывал с двухнедельного возраста. Она жила с ним в городской квартире, он её водил гулять на поводке, как собачонку. Чтобы его питомица быстрее привыкала к людям, выбирал для прогулок оживлённые улицы и возил львицу в автобусе. Когда она стала артисткой, Эдер по окончании пред-

ставления выходил с ней в фойе цирка, где любой зритель мог погладить животное. После того как Пупе исполнилось шесть лет, дрессировщику трудно стало находить жильё, где львица могла бы с ним жить во время гастролей, и он перевёл её в клетку. После этого у зверя испортился характер. Во время одного из представлений Пула напала на укротителя и серьёзно ранила его.

У Ирины Бугримовой был лев по кличке Цезарь, которому она безгранично доверяла. Он защищал её на манеже от атак своих сородичей, но однажды напал сам. «Не царская» способность покоряться чужой воле обусловлена тем, что в естественных условиях львы живут в коллективе, а там всегда приходится кому-нибудь подчиняться.

В природе эти крупные кошки, безусловно, могут быть опасны для человека, но их нападения на людей, как правило, спровоцированы последними. Такие ситуации возникают, когда охотники преследуют льва, пытаются отнять у него добычу или самое дорогое – львят. Однако голод не тётка, и, случается, львы становятся людоедами. На этот «промысел» хищников обычно толкает старость или болезнь, когда они теряют способность охотиться на обычную быструю и осторожную дичь, а также полное отсутствие «животных-кормильцев».

Именно такая обстановка сложилась в начале прошлого века в Кении в ходе строительства железной дороги от порта Момбаса до столицы Найроби. Стройка разогнала всех копытных в округе, а люди поначалу вели себя беспечно. В результате парочка львов съела 28 рабочих, остальные разбежались. Строительство важной магистрали оказалось под угрозой.

Там же, в Восточной Африке, во время Второй мировой войны в людоеды «записался» целый прайд, терроризировавший местное население на протяжении 10 лет. С зарвавшимися хищниками практически в одиночку за два года расправился знаменитый охотник Дж. Рашби. Однако пока он выслеживал львов, они съели 249 человек! Последний случай подобного массового «зоотеррора» произошёл в Уганде в 1956–1957 годах. Там крупные кошки стали виновниками смерти 45 человек.

Стоит ли удивляться, что коренные жители Африки, бушмены, панически боятся своих грозных соседей. Особенно опасной считается встреча с царём зверей в сумерках. С наступлением темноты ни один бушмен не покинет своей деревни, огороженной высоким забором из колючих кустарников. Не занимать осторожности и бушменам, живущим на окраинах пустыни Калахари и добыва-

В дикой природе лев может съесть за один раз до 20, а по некоторым сведениям и до 30 килограммов мяса. Это по так уж и много, если учесть, что царю зверей вовсе по обязательно обедать ежедневно

ющим пропитание главным образом охотой. К счастью, львы здесь редко живут большими компаниями, и днём они не очень опасны. В пустыне так жарко, что разомлевшим хищникам лень двигаться, и звери не покидают своих убежищ. Бушмены шутят: днём можно наступить льву на хвост, а царь зверей даже головы не повернёт. Разве что рыкнет для остротки.

Лишь у представителей ма'букауз, одного из племен бушменов, гривастые хищники не вызывают большого страха. Конечно, сами они никогда не нападают на львов. С копьями и стрелами делать это весьма рискованно, а охота с другим оружием на территории заповедной пустыни запрещена. Однако, подвергнувшись нападению хищника, африканцы не пасуют.

Ма'букауз, находясь на очень низком уровне развития, не занимаются земледелием и скотоводством, не держат охотничьих собак и поэтому не могут охотиться на крупную дичь. Яд, которым они пользуются, не способен мгновенно убить солидных размеров животное. Раненое отравленной стрелой, оно убежит на далёкое расстояние и, поглотив, не достанется охотникам племени. Так что ма'букауз приходится довольствоваться зайцами, лисами, дикобразами, дрофами и другими обитателями пустыни, на которых яд действует быстро.

Другое дело, если охотники из ма'букауз встретят в пустыне «автографы» льва. Бушмены – отличные следопыты. По характеру отпечатков лап хищника они могут определить, возвращался ли минувшей ночью их обладатель к себе «домой» сытый или он охотился. Во втором случае бушмены тут же устраиваются на ночёвку.

Дождавшись рассвета, они отправляются по львиным следам. Царь зверей, как правило, охотится на крупную дичь, но взрослую антилопу, а тем более зебру, ему сразу не съесть. Насытившись, лев больше

половины добычи прячет в труднодоступное для мелких хищников место и уходит «домой» отсыпаться. Читая «книгу пустыни», ма'букауз находят место успешной охоты дикой кошки, её «обеденный стол», затем отыскивают «кладовку» и уносят остатки звериной трапезы к себе домой.

Но на этом «промысел» бушменов не заканчивается. Вечером они возвращаются к месту прошлой ночёвки и ждут рассвета. Следопыты знают, что этой ночью лев вернется к своей «кладовке». Обнаружив исчезновение запасов, хищник не будет обескуражен. Грабёж в пустыне – дело обычное. Конечно, если лев поймает вора на месте преступления, тому несдобровать. Однако проводить «дознание» он не станет – не царское это дело. Гривастый хищник повторяет «программу» прошлой ночи. Но и бушмены полны желания вновь поживиться за чужой счёт. Ради этих объедков они и возвращаются в пустыню.

Подобный способ добычи пропитания называется у ма'букауз «охотой позади льва». Порой представителям племени удаётся долго обкрадывать своего благодетеля. Но всё когда-нибудь кончается. Наступает день, когда самый беспечный лев догадывается, что его систематически лишает обедов и ужинов один и тот же вор. Тогда хищник устраивает засаду вблизи очередной «кладовки» или приходит проверить сохранность своих запасов на рассвете. В этом случае, обнаружив похитителя, зверь медлить не будет. Когда охотники замечают по следам, что лев взволнован, они прекращают эксплуатацию четвероногого «партнёра». «Доить льва» – занятие небезопасное, и при всём умении и осторожности бушменов такая операция не обходится без «производственных потерь»: в любом, даже самом маленьком поселении ма'букауз непременно найдётся семья, у которой грозный зверь кого-нибудь убил или искалечил.

СЛОВО НА ВЕТКЕ

Очень жаль, что, создав свою письменность, южносибирские тюрки не смогли сохранить её для потомков. И дошли до нас лишь смутные предания да какие-то фрагменты.

**«На лиственнице 12 веток,
На каждой ветке 30 шишек,
В каждой шишке по 7 ядрышек»
(12 месяцев, 30 дней месяца, 7 дней недели).
Такой вот лиственничный календарь, например.**

Говорят, знаки этой письменности походили на крючки или на корявые сучья деревьев, отсюда они и получили своё название «будак», или «сук дерева». И действительно, графический рисунок древнего письма тюрков даёт полное основание для определения знаков как «сучковатых». Этим письмом эпизодически пользовались до начала XX века. Невостребованная культурная ценность перешла в разряд мифической...

И вот что припомнилось мне в связи с этими забытыми и таинственными «сучковатыми письменами».

Как-то случилось нам заночевать в одном зимовье. Было это в Эвенкии на глухой таёжной речке. Зимовье как зимовье, маленькое лишь какое-то. Низенькое, как нора звериная. Корьём «лиственничным» крытое. Но сухо и довольно чисто внутри. А что ещё надо продрогшему путнику? Печурка-железка в углу, нары сбоку и столик — три доски у окна-амбразуры. Словом, всё обычно, кроме странной дощечки на столе. Лиственничная, смолистая, топором деланная, а на ней веточки сухие лежат. Да как-то так изящно лежат, что тебе ноты на нотном листе. Я и раньше отмечал это сходство их, веточек лиственничных, с нотами, когда видел их на свежем пушистом снегу под деревьями. Хотел было я всё это узорчье смахнуть в сторону и освободить стол, но веточки не упали с доски, а словно слились с ней. «В смоле, видно, увязли и прилипли», — подумал я и... забыл о них.

Ночь прошла в блаженном тепле и спокойствии. Мы хорошо отдохнули, а утром нас разбудил странного вида человек. А вернее было бы сказать, человечек. Маленького росточка, в каком-то армяке (иначе и не скажешь), какая-то шапочка взъерошенная. Видом тунгус не тунгус, но и не кержак. Вообще-то он более всего походил на... лешего. Если бы только не старенькая берданка, торчавшая из-за спины. Или это мне со сна показалось. «Вон оно почему избушка-то маловатая такая — он же её под себя мастерил», — мелькнула у меня мысль. А «леший» между тем мялся у порога и... извинялся. Как будто и не его это вовсе зимовьюшка, а наша, и не мы его из неё выжили, а он нас...

— Того-этого, здорово, паря. Спалось как?

— Нормально, отец, спасибо. Ты уж извини, без спросу мы...

И, чтобы как-то разрядить напряжённость, я спросил его:

— Как охота-то, отец?

— Дак какая охота... Так — ондатров бьём.

И в самом деле, какая летом охота: соболевание да белкование — оно всё зимой. А ондатра, она что? Крыса и есть крыса.

...и не уходя в этой жизни — ничего. Кроме лиственничной осени. То и этого мне. Больше чем достаточно было бы. Утенков Демьян

Демьян Утенков. Автопортрет с веточкой лиственницы. Офорт на меди.

И тут заметил я, «леший» что-то ищет, бормоча про себя невнятное.

— Отец, может, мы чего тут ненароком потревожили важное? Не обессудь. Вроде бы мы всё аккуратно.

— Да нет... тут письма мои были на столе...

Тут стало до меня что-то доходить, но он в это время юркнул довольно быстро под стол и вылез оттуда уже с... «письменами». С той самой дощечкой. Шустро сунул её себе за пазуху и... испарился. Исчез не прощаясь. По-английски.

Кто он был? Нам потом о нём разное говорили, но ничего внятного. Чудик, мол, а то и просто вертели пальцами у виска. Кто-то его даже писателем-философом обозвал почему-то. Тайга велика, и мало ли чудных людишек затерялось в её заповедных углах...

А вспомнился мне этот «леший», а главное, его дощечка с веточками в связи с теми забытыми тюркскими письменами «будак бичик», что значит «сук дерева». Я даже подскочил на месте, когда всплыла в моей памяти та дощечка. А что, если это и были те самые забытые сучковато-древовидные письма древних ойронов? А «леший» был их последним хранителем, а то и просто... шаманом?!

Почитали же таёжные аборигены лиственницу «чистым» деревом, никогда не посещаемым злыми духами. А уж всё связанное с камланием ритуальным буквально пронизано было лиственницей. Это и бубен (его обечайка или обод), это резонаторы (рогульки по краям его), это и перекрестье (держалка). Да и колотушка, обтянутая шкурой медведя, оленя или кабарги, сама-то всегда была лиственничной. И сам сокровенный обряд посвящения в шаманы также привязан к тем же реалиям.

Будущий шаман взбирался на «дерево-мать» (соответственно, лиственницу) и проводил на его вершине, в развилках мощных ветвей, всю ночь. Считалось, что за это время он узнавал тексты призываний, имена духов, овладевал искусством камлания.

Уж не дешифровал ли он рисунок вычурного узора веток той лиственницы? Ведь и вправду же лишь её ветки с узорчатыми шишечек, кисточек, изломов весьма напоминают то ли грамоту знаменитого староверского извода, то ли какие-то и впрямь древние восточные письма из сказок Шахерезады. Если мне это в голову пришло, то могло прийти и ещё кому-то когда-то. Разнообразие чередования на ветке этих «бусинок хвойных» столь сложно, что стоит чуть его подправить, оторвав лишнее, а если нужно, то даже и подклеив, благо клей — смола — всегда тут же, под рукою. Да и рыбий клей тоже был в обиходе таёжном. И скажите, чем этот вид «письма» хуже может передавать информацию, чем знаменитое кипу — узловое письмо американских индейцев, кстати, родственников наших сибирских тунгусо-маньчжур?

Древние, в отличие от нас, замороченных «технофашизмом так называемого прогресса» (удивительное наблюдение мало кому известного философа Фромма), были куда более внимательными к миру окружающему. Первофеномены бытия, проявляющиеся во всём многообразии природного первозданного окружения. Все эти практики гадания, что идут из бездн прошлого, рас-

сматривание формы облаков, силуэтов скал... (Ведь увидел же Макс Волошин свой профиль в застывшей лаве древнего Карадага. Он потому и «осел» доживать свой короткий век в Коктебеле, что распознал в том «знак свыше». Мне тоже пришлось-посчастливилось дважды пожить на Карадаге, и скалу ту самую я своим профилем посчитал. Было мне тогда лет 14–15, и о Волошине я ещё ничего не знал...)

Есть у древних китайцев иероглиф «вэнь», что на современный язык переводится как «письмо», но имеет он первоначальные значения, уходящие в туманное прошлое: «небесные знаки», «узор», «орнамент». Другим словом, «узорец», как более точно выражено-проявлено в древнеславянском языке. Мнится мне порою, что первофеномен этот сыграл решающую роль в истории человечества. По крайней мере, в формировании графики письма самых разных народов.

Человеку от века свойственны попытки заглянуть за грань возможного, в будущее, увидеть знаки особые, которые всего-то и надо было, что расшифровать.

Думаю мне, что китайское иероглифическое письмо возникло... из практики гадания по панцирю черепахи. Происходило это примерно так. Панцирь черепахи нагревали на костре (естественно, священном), затем резко охлаждали в родниковой воде (тоже священной). И причудливые трещины, которые возникали в соответствии с законами физики (кракелюр), истолковывались жрецами как ответ Неба. И до того похожи эти трещины на иероглифы! Мне эта мысль пришла в голову четверть века назад. Поделится я ею с известным китаистом, специалистом по чань-буддизму Евгенией Владимировной Завадской. «Да, да, ты прав, впервые слышу об этом так обстоятельно, хотя намёки были в трудах Го Мо Жо...»

Вспомнилось, что такие же гадания были и на Ближнем, и на Среднем, и на Дальнем Востоке. В частности, у бурят. Разница лишь в том, что за неимением черепах гадали на лопаточной кости священной барана. И ещё. Есть у мусульман поверье, что водится в море-океане рыба, на спине которой отчётливо можно прочесть в узоре пятен: «Аллах акбар!» Недавно услышал (по радио!), что родился то ли телёнок, то ли барашек с таким же рисунком на боку.

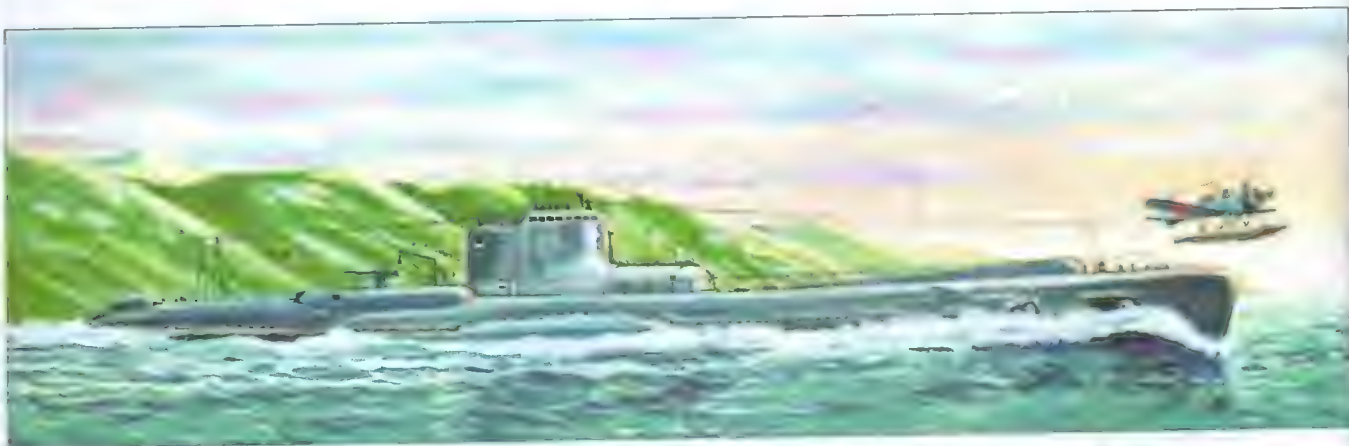
Кто не помнит о скрижалях Завета, что обрёл Моисей на Синае! Они были каменные. А всё дело в том, что есть камень-минерал под названием «пегматит». С глубокой древности и по сей день называют его «еврейским камнем» или «письменным гранитом». Если отполировать камень, то на его поверхности отчётливо проявляются знаки, весьма напоминающие древнееврейский алфавит.

Вот на такие размышления может вывести глухая таёжная тропа.

Написал я всё это, и немного обидно стало за мою любимую лиственницу, как-то она в тень ушла. Но, может, такой вот факт восстановит значение её в истории письменности.

«Приготовляли из серки (смолы) лиственничной зело неплохие чернила, совокупляя её с кузнечичной в особливом горшке...» (Словарь русского языка XI – XVIII вв., т. 8.)

Михаил Дмитриев

ЗАБЫТЫЙ УДАР ПО АМЕРИКЕ

Однажды в декабре 1941 года, когда японская подводная лодка I-25 находилась в боевом походе у берегов США, лётчик, мичман Набуо Фудзита, поделился мыслями о бомбардировке Америки со старшим офицером, лейтенантом Цукудой, чем сильно его заинтересовал.

Лётчик объяснил ему, каким образом можно бомбить авиазаводы, морские базы и даже Панамский канал. Лейтенант предложил изложить всё это в письменном рапорте высшему начальству. Но Фудзита был простым, малограмотным крестьянским парнем, по-

этому рапорт от его имени написал офицер Цукуда.

Рапорт ушёл в Токио перед очередным боевым походом, а когда лодка вернулась, мичмана вызвали в Штаб флота империи. Там он изложил свою идею высшим офицерам флота и даже младшему брату императора, принцу Такаматсу. Аналогичные предложения поступали и от других лётчиков, но только Фудзита доверили эту военную операцию. За годы войны он налетал на различных типах самолётов 4000 часов и стал самым опытным лётчиком-подводником в мире.

Но бомбить ему поручили не заводы и военно-морские базы, а леса штата Орегон. И на его удивлённый вопрос объяснили, что две 76-килограммовые фугасные бомбы не причинят ощутимого вреда военным объектам, тогда как зажигательные, даже небольшие по весу, принесут большой эффект в лесах и вызовут панику у населения.

15 августа 1942 года лодка I-25 вышла из своей военно-морской базы Йокосука, а 1 сентября уже была на боевой позиции у берегов США, преодолев около 8000 км. 9 сентября, когда волнение океана стихло, Фудзиту вызвали к капитану. Взглянув в перископ, он отчётливо увидел берега Орегона: «Капитан, я всё хорошо вижу. Думаю, можно лететь». «Прекрасно, — ответил тот. — Через несколько минут вы будете делать историю. Вы станете первым лётчиком, бомбившим Соединённые Штаты!»

Пока Фудзита надевал лётный комбинезон, его помощник и член экипажа самолёта наблюдатель Окуда завершал подготовку к полёту. После того

Ещё в середине 1920-х годов Япония получила от Германии несколько больших подводных лодок и два небольших гидросамолёта-разведчика, которые были построены для применения с подводных лодок. А перед самой войной с США у Японии было уже более десятка авианесущих лодок.

Мичман Набуо Фудзита — единственный пилот, бомбивший территорию Соединённых Штатов

ЗА ШАГ ДО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

У нас в Н., где я был настоятелем, жил один меланхолический монах, о котором говорили, что он лунатик. Его начали лечить, приступы лунатизма стали реже, и о них окружающие почти забыли. Однажды вечером, когда я просматривал свои бумаги, слышу, что двери моей комнаты, которые я почти никогда не запираю, открылись, и вошёл тот самый монах в состоянии глубокого лунатизма. Открытые, но неподвижные глаза его смотрели прямо на меня. На нём была ночная рубашка, в руках – большой нож, лицо искажено злобой. Он пошёл прямо на меня, по пути ощупывая руками спинки стула и кровати. Подошёл ко мне вплотную и, к моему ужасу, который не дал мне возможности закричать, вонзил нож в ручку кресла, на котором я сидел, к счастью, не задев меня. Как только он совершил своё гнусное дело, морщины напряжения на его лице разгладились, и оно выразило удовлетворение. Я был так возмущён, что всю ночь не смог сомкнуть глаз.

На другое утро я позвал к себе лунатика и по возможности спокойно спросил, что он видел во сне в прошлую ночь. Монах смутился. «Отец мой, – сказал он. – Я видел страшный сон, настоящее дьявольское наваждение. Едва я заснул, как мне приснилось, что вы убили мою мать, и я должен отомстить. Как безумный схватил я кинжал, бросился в вашу комнату и нанёс вам несколько ударов. Очнулся я весь в поту и возблагодарил Бога за то, что преступление было совершено не наяву».

Тогда я рассказал ему истинное положение вещей. Несчастный больной бросился передо мной на колени и стал просить наложить на него любое наказание, чтобы очиститься. В ответ я сказал, чтобы он усердно молился, а я не хочу наказывать его за неосознанные действия, но с сегодняшнего дня освобождаю его от ночной службы и приказываю закрывать снаружи на ключ до утра дверь его кельи.

Б. Саварен
«Fads», 1867

как всё было готово, последовал выстрел катапульты и самолёт оказался в воздухе. Вначале они летели прямо на маяк мыса Бланко, пересекли береговую полосу и взяли курс на северо-восток. «Солнце уже золотило облака, – вспоминал Фудзита, – когда, пролетев 50 миль (93 км), я приказал Окуде сбросить первую бомбу, а ещё через 5–6 миль (10 км) – вторую. Яркое белое пламя отмечало взрывы наших бомб, а от места падения первой уже струился дымок. Четыре месяца назад американцы (впервые) бомбили мою землю, теперь я бомбардирую их...»

На малой высоте в 100 метров Фудзита направился к океану. Вот и знаменитый мыс. Поблизости видны два судна, и он прижимается к поверхности воды, чтобы его не заметили, слишком яркими были красные круги – опознавательные знаки на крыльях машины. Только пройдя несколько миль над самой водой, они начали поиск подводной лодки и вскоре уже были на её борту.

Фудзита доложил капитану о выполненном задании и обнаруженных торговых судах. Но когда лодка в надводном положении пошла на их перехват, наблюдатель с площадки рубки доложил о появлении американских самолётов. Пришлось быстро погрузиться, но как вспоминает Набуо: «Фортуна вновь оказалась милостива к нам, весь день мы слышали разрывы глубоководных бомб и шумы присланных на охоту за нами эсминцев...» – но всё это происходило вдалеке и взрывы не затронули лодку.

Ночью 29 сентября Фудзита делает свой второй вылет. Хотя побережье Орегона было затемнено, огонь маяка мыса Бланко сиял отчётливо. «Пролетев полчаса, – вспоминает Набуо, – мы сбросили вторую пару наших 76-килограммовых «зажигалок», оставив на земле два ярких очага пламени. Возвращение оказалось тревожным: мы вышли в точку рандеву, но I-25 не нашли! Может, её уже потопили, а может, капитан Тагами вынужден был уйти... В конце концов, боевая задача на первом месте, корабль – на втором, а наш самолёт и наша судьба всего лишь на третьем».

Кружась над поверхностью океана, Фудзита заметил чуть различимые радужные пятна от топлива подводной лодки и по этому следу нашёл её. Хотя на борту лодки оставались ещё бомбы для самолёта, капитан приказал взять курс домой. До этого он потопил у побережья США недалеко от Сизтла два танкера. Погода испортилась, и он не стал в третий раз испытывать судьбу.

Капитан Тагами оказался прав. Флот США бросил на поиски подлодок Японии все имеющиеся силы.

Контроль за воздушным пространством прибрежных районов был ужесточён. Слушая американское радио, они с удивлением узнали, что зажигательные бомбы продолжали падать на землю США. Причём падали они по всей их территории, даже в тех районах, куда ни один японский самолёт ни с подводной лодки, ни с авианосца не мог долететь, и в таких местах, где не имело смысла их бросать: горах, пустынях и болотах.

Так началась операция японской армии Фу-Го – бомбардировка США с помощью автоматических высотных аэростатов. Инициатором этой операции был генерал-лейтенант Кусаба, предложивший использовать воздушные потоки, идущие над Тихим океаном на высотах 8–12 км с запада на восток со скоростью 100–150 км в час, для доставки аэростатов. Эти воздушные средства несли авиабомбы до 100 кг, часовые механизмы для их сброса и были снабжены датчиками высоты. Запускались они с побережья Японии. Но полёты аэростатов были неконтролируемы, и воздушные потоки уносили их в разные, случайные места от Аляски до Мексики. В 1943 году их обнаружили даже в тайге на нашем Дальнем Востоке.

Вначале американская пресса и радио с тревогой сообщали о массовых пожарах по всей стране, и японцы торжествовали, но затем были запрещены любые упоминания о них, так как эти сообщения с подробным освещением событий позволяли противнику корректировать технику и тактику применения оружия. Лишённый информации Кусаба не смог доказать эффективность применения боевых аэростатов, и их полёты были прекращены. Только после войны американцы из трофейных документов узнали, что в сторону США было запущено до 10 000 аэростатов, но долетело, по американским данным, лишь около 10%.

А Набуо Фудзита стал национальным героем Японии и вошёл в историю как единственный лётчик, бомбивший Америку.

27 ноября 1999 года японская газета «Труд» сообщила, что скончался 84-летний Набуо Фудзита, бывший лётчик, дважды бомбивший в 1942 году прибрежную зону США близ городка Брукингс (штат Орегон). В 1962 году он посетил США, принёс жителям этого городка своё раскаяние в содеянном, подарил им свой самурайский меч, хранившийся в семье 400 лет, и 1000 долларов на приобретение книг о Японии. Незадолго до его смерти городской совет Брукингса провозгласил Фудзиту «послом доброй воли» и присвоил ему звание «Почётный гражданин города».

Рисунок автора

Василий Веденеев

НЕТЛЕННАЯ ТАЙНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Рисунок Андрея Симанчука

Первый российский император владел уникальной анатомической коллекцией, приобретённой за баснословную цену у голландского донтора Рюйша, который открыл царю и древний секрет бальзамирования.

Стремясь перенять в Западной Европе всё самое передовое и лучшее, царь Пётр, как известно, выехал за границу инкогнито, под именем Петра Михайлова. Псевдоним его очень скоро стал секретом Полишинеля, но окружающие старательно делали вид, что им совершенно ничего не известно об истинном имени и социальном положении господина Михайлова.

Таким образом, установилось некоторое равновесие, когда все всё знают, но упорно молчат. Это вполне устраивало обе стороны: лучший выход в столь необычном и достаточно щекотливом положении придумать было бы трудно.

Молодой Пётр быстро и жадно впитывал любые знания, почти без разбору, проявляя интерес буквально ко всему. В 1698 году, во время пребывания русских в Амстердаме, прослышал он об уникальном анатомическом кабинете доктора Фридриха Рюйша.

– Я хочу посетить его, – заявил Пётр.

– Смилуйся, батюшка, – уговаривали его приближённые, – верные люди сказывали, что у этого колдовского безбожника-доктора в доме обретаются живые мертвецы.

– Тем интереснее! – отрезал монарх.

Перечить ему никто не посмел, и самодержец посетил анатомический кабинет, представлявший собой целую систему достаточно запутанно расположенных чуланов и комнатушек, в которых были выставлены всякие диковинки. Позднее очевидцы отмечали, что когда русский царь добрался до выставки забальзамированных мертвецов, его глаза в полумраке чулана загорелись каким-то странным, почти дьявольским огнем.

– Удивительно! – почти бесконечно повторял Пётр. – Невывалое искусство! Как это получается: они мёртвые и одновременно живые?

Словно зачарованный он переходил от одного экспоната к другому, и на его лице явно читалось удивление и восхищение.

После смерти императора в некоторых частных письмах и воспоминаниях придворные, сопровождавшие «господина Михайлова» в поездке за границу и при посещении пресловутого кабинета, прямо задавали вопрос: «Было ли это только данью восхищения мастерством и познаниями знаменитого голландского врача, или чем-то иным? Но чем?»

Насколько известно, никто из серьёзных исследователей периода царствования Петра I как в нашей стране, так и за рубежом не сумел дать на него обоснованного, доказательного ответа по сей день.

— Достойно всяческой похвалы и удивления, — по окончании осмотра заявил русский самодержец. И совершенно неожиданно для сопровождавших его лиц сообщил: — Мне тоже необходимо брать уроки практической хирургии! Хочу делать мёртвых живыми по своей воле!

Слова у царя редко расходились с делом, и Пётр Алексеевич действительно начал посещать анатомические театры и госпитали, где брал уроки у хирургов. Однако занимался этим не систематически, а урывками, как бы наскоком, с трудом выкраивая время среди других, важных для государства дел.

Тем не менее идея узнать секрет бальзамирования трупов, которым обладал доктор Фридрих Рюйш, царя не покидала. По его поручению доверенные люди пытались доподлинно узнать, откуда голландец заполучил свой уникальный секрет. Но все предпринятые шпионами попытки оказались неудачными. Сам старый доктор упорно молчал, а остальные просто ничего не знали.

Тогда за дело решил взяться сам Пётр, немало заинтересованный столь привлекавшей его тайной. Он приехал к учёному и без лишних околичностей попросил его открыть секрет бальзамирования, прозрачно намекнув при этом:

— Мы можем договориться.

— Нет! — отказался Рюйш.

— Хорошо, — не отступал русский царь. — Тогда продай-те мне секрет бальзама. Как сделать, чтобы труп был и жив, и мёртв?

Для пушей убедительности он вытащил большой кошелек и позвенел золотыми монетами.

Спорить с венценосными особами, перечить им — дело довольно опасное для здоровья! Однако старик вновь упрямо отказался раскрыть или продать свой секрет.

— Я не могу этого сделать! — многозначительно сказал он высокому визитёру.

— Но почему? — не унимался русский царь.

— Вам придётся удовлетвориться моим ответом, — сухо ответил доктор Фридрих и предложил прекратить бесполезный разговор.

По свидетельствам сопровождавших царя лиц, Пётр I был крайне раздражён подобным поворотом событий: он подозревал о существовании некой мистической тайны, запечатавшей уста голландского доктора.

— Неужели он решил унести секрет бальзама с собой в могилу? — нервничал Пётр Алексеевич. — Такого допустить нельзя! Я всё равно узнаю его тайну, любым способом сумею завладеть ею! Клянусь!

ЗУБНОЙ ХИРУРГ

К счастью, самодержца отвлекло от коллекции и страшной тайны бальзама доктора Рюйша новое увлечение. Правда, все понимали, что это временное явление, но радовалась случившейся передышке: характер у царя был весьма тяжёлый и постоянное общение с ним, особенно если он был одержим какой-то идеей, становилось небезопасным для приближённых.

И вот появился повод отвлечь царя от бесконечных разговоров о бальзаме.

— На здешней ярмарке объявился некий весьма ловкий шарлатан-зубодёр, — почтительно доложил Петру один из многочисленных согладатаев, целыми днями шаставших по городу, высматривая разные разности.

— И что? Здорово дерёт? — сразу заинтересовался царь.

— Сам не пробовал, но народ к нему валом валит.

— Ладно, сегодня, пожалуй, уже поздно, — решил Пётр.

— А завтра сразу едем глядеть!

Приближённым он мрачно сказал:

— Доктора пока не беспокоить, пусть он подумает и прикинет, что к чему. Русское золото полноценное, оно обещает достойную старость, а здесь это очень ценится. Подождем! Но глаз с Рюйша не спускайте!

Утром царь со свитой отправился на городскую ярмарку, где с большим интересом наблюдал, как местный зубодёр умело заговаривал больные зубы вместо обезболивания — забалтывал их до полного одурения — и тут же в мгновение ока с ловкостью фокусника вырывал больные зубы.

Понаблюдав за работой зубодёра, государь подошёл к нему и поинтересовался:

— Послушай-ка, любезный! Мог бы ты и меня обучить своему искусству?

Зубодёр оценивающим взглядом окинул высоченную фигуру незнакомца, а потом протянул ему руку:

— Сожми!

Как известно, при всей непропорциональности сложения российский самодержец обладал недюжинной физической силой и, решив показать её, крепко стиснул пальцы зубодёра.

— Эй, потише! — заорал тот от боли. — Хочешь оставить меня калекой? Кто тогда станет кормить семью? Учти: зубы рвать — это тебе не подковы ломать. Сила в тебе есть, но к ней нужно ещё приложить умение.

— Ну, так как? — уточнил Пётр.

— Если хорошо заплатишь, то научу.

— Идёт, — обрадованно кивнул царь. — Откладывать не станем, начнём прямо сейчас!

Новое медицинское ремесло Пётр Алексеевич освоил довольно быстро и потом при любом удобном случае и даже без него любил похвастать своим умением. По свидетельствам современников, зубы он действительно удалял весьма умело и ловко, впрочем, кто бы в те времена осмелился утверждать обратное?

За новым увлечением русский самодержец не забывал посещать анатомические театры, а также амстердамские госпитали, где весьма активно интересовался практической хирургией. Почему именно хирургией, и только хирургией — до сих пор загадка, неразгаданная тайна! Иногда государь проявлял довольно живой интерес к гинекологии, однако хирургия всегда оставалась на первом месте.

УЧЁБА И ПРАКТИКА

Всему на свете приходит конец. Пришло время Петру возвращаться на родину. Санкт-Петербург ещё строился. Царь бросил беглый взгляд на возводимые здания дворцов и бастионы крепостей для защиты новой столицы.

— Изрядно, — отметил он и приказал: — А теперь в госпиталь!

Недоумевающая свита поспешила следом. В госпитале Пётр приказал собрать всех врачей.

— Господа медики! — объявил он им. — С сегодняшнего дня вам следует, невзирая на время суток, немедленно сообщать нарочным лично мне о каждой предстоящей трудной и сложной операции.

Нетрудно догадаться, что хирургам неожиданное и странное распоряжение царя никакого удовольствия не

доставило: кому охота орудовать скальпелем под бдительным оком самого Петра Алексеевича? Но и послушаться нет никакой возможности – узнав, что его обманули, царь в припадке гнева способен и шкуру содрать!

Волей-неволей царский приказ пришлось выполнять. Ночь полночь, при любой погоде скакал из госпиталя нарочный известить самодержца. Следом за ним в обратный путь торопился непременно закутанный в длинный тёмный плащ сам государь. Обычно его сопровождал старый врач Термонт.

Приехав в госпиталь, царь проходил в операционную. Убирал волосы под ремешок на лбу, раскладывал в должном порядке инструменты и «понарошку» копировал все движения хирургов.

То, что тягелобольной человек, которому требовалась операция, мог просто не дожидаться прибытия самодержца и отдать Богу душу, царя при его играх в медика совершенно не интересовало и несколько не волновало.

Кроме подобных игр и тренировок царь проходил практическое обучение у Термонта, которого сам избрал своим учителем. Тот показывал Петру, как следует делать разного рода хирургические прорезы и накладывать повязки на разные раны. Сверкавший остро отточенной сталью скальпель словно заворачивал царя, и он постоянно искал любую возможность пустить его в дело, чего смертельно боялись вынужденные постоянно иметь с ним дело царедворцы. По их мнению, царь вполне свободно под видом хирургической операции мог резать человека, как кошку или овцу, лишь бы потешить своё тщеславие и поглядеть, что у разрезанного внутри. А кого резать – для Петра Романова не имело никакого значения!

Далеко не всем удавалось увильнуть или как-то отбиться и от настойчивого желания государя продемонстрировать свои медицинские познания.

Однажды купец Тассен имел большую неосторожность в присутствии царя пожаловаться на опухоль.

– Где? – деловито спросил государь. – Покажи-ка!

А сам уже доставал всем известный футляр с медицинскими инструментами, страшивший во дворце не меньше опалы и дыбы.

– Не надо, государь мой! – взмолился купец, перепуганный насмерть.

– А-а, боишься? – по-своему истолковал его вопль царь и приказал: – Вяжите его крепче!

Надо отдать должное: опухоль Пётр I вскрыл удачно, чем потом несказанно гордился и стал во всём привечать своего невольного пациента.

Рассказывают ещё об одной насильно проведённой хирургической операции, когда царь решил «спустить воду» голландке Барстене, страдавшей водянкой. По свидетельствам присутствовавших при этом, до смерти напуганная женщина отбивалась как могла, но государь всегда отличался крайней, практически маниакальной настойчивостью в удовлетворении своих желаний. Голландку заставили позволить «спустить воду». Результат этой операции неизвестен, вероятно, он был не столь удачен, как с опухолью. Зато известно, что в кунсткамере долгое время хранился мешочек с зубами, удалёнными лично императором у лиц разного звания, – Пётр постоянно носил в кармане камзола футляр с инструментами и пускал их в ход при каждом удобном случае. Но потом мешочек с зубами где-то затерялся: возможно, его приказал уничтожить кто-то из наследников Петра...

Ни на минуту не забывал за всеми делами царь и про Амстердам: по его приказу русского представителя в Голландию постоянно запрашивали:

– Не передумал ли ещё доктор насчёт коллекции?

– Нет, – следовал лаконичный ответ.

– Подождём, – философски заключал царь. – Время у нас пока есть.

ГДЕ СКРЫТА ТАЙНА БАЛЬЗАМА?

Со временем странный и необъяснимый интерес к мёртвым телам стал всё чаще приводить Петра Алексеевича в морги госпиталей, где он лично в прозекторской охотно резал трупы вместе с хирургами или с интересом наблюдал за этой не самой приятной процедурой. Многим царедворцам приходилось сопровождать царя, поэтому остались свидетельства очевидцев.

Один из них рассказывает с нескрываемым ужасом и отвращением, что нередко государь, вскрывая мёртвое тело, перекусывал зубами неподатливые сухожилия, чем приводил даже видавших виды патологоанатомов в полное замешательство. Придворные старались при этом незаметно куда-нибудь скрыться: их душила тошнота. Демонстративно покинуть морг было никак нельзя: царь в припадке ярости мог избить за явное пренебрежение к его интересам или заставить делать то же самое, что ещё похуже дубины. Причём такие случаи действительно бывали, и все знали об этом.

Доктор Рюйш уже сильно состарился, и Пётр Алексеевич не только стал чаще запрашивать представителей в Амстердаме, но и лично писал врачу, суля ему в письмах золотые горы и уговаривая продать уникальную коллекцию забальзамированных трупов.

– Слово моё верно, – уговаривал он врача. – И золото будет тобой получено в тот же день и час!

Наконец, в 1717 году усилил Петра увенчались успехом: Рюйш не выдержал длительной осады и назвал свою цену, которая оказалась весьма высокой – пятнадцать тысяч гульденов!

Крайне скупой, как все Романовы, Пётр Алексеевич даже не колебался:

– Согласен!

Настолько сильным было его желание завладеть уникальной коллекцией из Амстердама. (Сопровождавшие царя в заграничной поездке и другие очевидцы не раз отмечали, что среди забальзамированных доктором Фридрихом Рюйшем трупов было тело маленькой девочки, обутой в золочёные туфельки.)

– Не пристало нам ограничиваться одними диковинками Рюйша, – вдруг, небывало расщедрившись, решил царь.

Он купил у амстердамского аптекаря чучела разных пресмыкающихся, приматов и зверей из далекой Индии и других стран Азии. Все приобретения осторожно погрузили в трюм корабля, а затем везли по суше на телегах и в каретах. Сам старый Рюйш взял с русского царя страшную клятву молчания и только после этого открыл ему секрет бальзамирования.

Пётр крайне гордился обладанием этой тайной и свято хранил её до самой смерти Рюйша. Затем, опасаясь, что по какой-либо причине тайна может уйти вместе с ним, Пётр якобы открыл её своему лейб-медику, в свою очередь, взяв с него клятву. Но что такое клятва? Слова...

Кто теперь владеет древней тайной бальзамирования, попавшей в руки Петра Романова, первого русского императора? Практически нет сомнений, что тайна сохранилась, в отличие от коллекции вывезенных из Амстердама забальзамированных трупов; яркая примета – девочка в золочённых туфельках. Её след, как и след других экспонатов, затерялся в последующие царствования.

Узнаем ли мы когда-нибудь, почему царь так стремился завладеть тайной, почему при всей своей скупости, иногда доходившей до абсурда, отвалил голландцу кучу золота? Хотел забальзамировать себя и дожидаться возможности воскрешения в грядущие века?

Или под видом медицины изучал Пётр какую-то восточную магию, да не успел довести дела до конца, сражённый внезапным недугом?

Виталий Пономарёв

ВОСХОЖДЕНИЕ

Счас, если не дольше, нам не по-палось ни единой встречной машины. Тугая на вид, плотная лента Памирского тракта румяно отсвечивала закатом. Начинающие темнеть горы окрест были величавы и пустынно. Кроме дороги, мир выглядел первозданным. Да и в самой дороге была какая-то нездешность. Легко вообразить, что из-за редчайшей флуктуации мирового пространства мы проскочили пуповину, которой на мгновение оказались связаны миры разных измерений, — и вот уже мчимся в каком-то совсем ином мире. Что-то в этом роде приходило мне в голову. А в целом было грустновато: в кубке счастливо прожитого дня оставалось едва на донце.

Мужики, умаявшись от беготни с удочками по заводям, дремали. И то: чтобы попасть на утренний клёв, выехали глухой ночью... Машину вёл наш новый экспедиционный механик.

Сидел он за рулём чуть ссутулясь, с лицом задумчивым и суровым. Монументальный образ дополняли покатые плечи, туго обтянутые потёртой кожаной курткой. Он вроде бы когда-то был чемпионом военного округа по вольной борьбе в полутяжёлом весе. Так или не так, но он этому слуху соответствовал — и фигурой, и выражением лица. Больше мы ничего не знали о нём.

Но, кажется, с механиком нам повезло: он охотно садился за баранку сам — на рыбалку так на рыбалку, на охоту так на охоту. И мотался по

горам неустойчивым, прямо как медведь. Особенно любил ягоды. В горах их много — ежевика, алыча, облепиха. А шиповник!.. Ягоды крупные, чуть ли не с мизинец. После того как осень прихватит ночными заморозками, кожица на них становится тонкой и мягкой. Прижмёшь чуть ягоду — и из неё выползает, как из тубика, такая тоненькая колбаска вкуснейшего кисло-сладкого повидла... И вот наш механик, бывало, заберётся в кусты и, медведь медведем, поедает эти ягоды чуть ли не горстями.

Похоже, мужик он был неплохой, но со странностями. Достаточно сказать, что спиртного он капли в рот не брал. Между тем, если судить по внешности, потребуйся вам кто-то, чтобы на

троих сообразить, о лучшей кандидатуре, кажется, и мечтать нечего.

— Может, сектант какой? — чесали репу мужики.

— Тоже, нашли загадку природы! — пожал на это плечами наш «аналитик» Федя. — Алкаш закодированный!

Но механик и не курил!

— Что ж ты, с такой мордой, а не куришь? — однажды по-свойски спросили мужики.

— Да вот, — ответил он насмешливо. — Морда такая, а не курю.

Были в нём и другие странности.

Механик экспедиции — это, конечно, не бог. Об этом и толковать нечего. Но бог — далеко, а механик — близко, и случаются житейские ситуации, когда механик по своим угловым размерам оказывается больше бога. Судите сами: в его самовластных руках и автотранспорт, и специальная техника, а насущных нужд у окрестного сельского человека не счесть. Прежний механик экспедиции хорошо сознавал свой статус и вёл себя соответственно. А в этом сана не чувствовалось совершенно. Хотя бы сейчас: мог бы усадить за руль кого-то из экспедиционных шофёров. Нет, сел сам.

А еще в нём была какая-то отстранённость, что ли. Похоже, что его невозможно было вывести из себя. К страстям, порой вокруг бушевавшим, — как это бывает в больших, но замкнутых сообществах — он относился не иначе как к пустому ребячеству. Я думал иногда: с какой же это колокольни он смотрит на окружающих?

Он, видимо, почувствовал на себе мой взгляд, и спросил:

— Далеко ходили?

— До снега.

— До снега?.. — переспросил он и посмотрел на меня в зеркальце обзора так, будто я сказал ему, что ночевал у царицы Савской.

Он не спросил, кой чёрт понес меня так высоко. Нет, он всё понимал.

— Кайф поймали, да?..

— Да! — засмеялся я.

— Я знаю! Там весна, там живёшь — и жить хочется! Правду я говорю, да?..

Он протянул мне открытую ладонь, чтобы я по ней шлёпнул своей, как бы в знак родства.

...Правду он говорил.

Внизу к этому времени всё пожухло, пропылилось и выгорело от зноя. А вверх я нашёл весну: ярко-зелёный, без пестринки увядания, мшистый ворс лугов, похожий на весеннюю тундру, блаженно-мягкий после жёстких скал... сеть ручейков, слепящих глаза солнечной рябью, — место, откуда берётся река... цветы, цветы, цветы — повсюду по бархатно-тёмной ковровой волнистости рельефа их туманы — сиреневые, розовые, лазурные, жёлтые, — будто ты попал на небо, полное

звёзд, целые млечные пути цветов... чистейшие запахи — травы, мхов, цветов, воды и снега, — запахи, которые тут не смешиваются, а существуют отдельно — резьба, узор запахов, их пёстрые витражи, а не обезличенная смесь, не их прах, как внизу...

Я нашёл там кромку тающих, сочащихся водой снегов, красноватых от бактерий, отороченных неширокой, в два-три метра каёмкой — с её сонными мутно-прозрачных, как бы восковых, по-младенчески пухлых ростков, пробивающих повсюду плотную кошму прошлогоднего растительного тлена... Вершины — вот они! — на прямую, без подходов, рукой подать! — грузные серые бастионы — суровая защита цветному туману жизни, овеявшему их основания... И... и... и... И все вместе — в яркости, в весенней нежности, в чистоте, в блеске, в упругом напоре жизни, в суровой мощи — празднично-первозданный мир, каким он был до человека...

Да: там живёшь — и жить хочется.

Боковушка в «бобике» была снята. Я сидел, выставив локоть наружу, в упругий поток уже холодеющего к ночи воздуха. Так здорово пахло горами. В ноги веяло теплом ровно работающего двигателя...

Ну, вот и всё. Солнце зашло...

Я закурил.

— Дым не мешает?.. — запоздало спросил я и для блеизу помахал ладошкой.

Он ответил, что не мешает. Наоборот, ему даже нравится, когда рядом курят.

— А когда пьют? — пошутил я.

Он засмеялся.

Тут неожиданно для себя я поинтересовался, почему он всё-таки не курит и не пьёт, — так, от бездумности ляпнул.

— Моя вторая мать не велела, — непонятно ответил он.

Я же это понял так, что меня просто отшили.

— А! — сказал я, лишь бы что-нибудь сказать в ответ.

Обижаться тут было не на что: как говорится, любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Да я и не обиделся, но разговор как-то выклинился. Вдруг скучно стало, захотелось спать.

Я и вправду задремал, а поэтому начало рассказа пропустил. Так, кое-что зацепилось в памяти. В армии он был офицером — и однажды сильно облучился. Всего попало под облучение двенадцать человек. Все, кроме него, один за другим оказались в госпитале. И вот стали они выщелкиваться: один умер, другой, третий...

В то, что лучевая болезнь может взять и его, ему, при его отменном здоровье, не верилось.

— Началось с того, что температура вдруг высокая поднялась. Ну, думаю, простуда, мало ли... Но потом кровь горлом пошла, и её никак не могли остановить даже в «скорой». Анализ показал: эритроцитов в шесть раз меньше нормы, тромбоцитов — в двадцать, и стало мне ясно, что из этого блиндажа мне уже не выбраться.

Помню, осень была солнечная. Лежал я в палате у окна. Окно открыто, но от мух затянута марлей, и я все смотрел, как на этой марле, как на экране, тени листьев от ветерка шевелятся. Смерти я не боялся — обессилел, и было мне уже всё равно, я не надеялся, что выживу, да и не хотелось этого. Музыка такая, как в телепередаче «В мире животных» — знаете? — в голове начинается, и вдруг чувствуешь, как сознание под эту музыку угасает, угасает... Чувствую, теряю сознание, понимаю: «Вот и всё...» Приду в себя — снова тени листьев качаются, удивляюсь, что жив. «Ну, — думаю, — в следующий раз — точно умру...» И все мне в голове та музыка...

— «Странствие», Родригас...

— А? — не сразу понял он. — А-а!.. Хорошо, буду знать.

Так в очередной раз прихожу в себя и близко-близко вижу глаза девичьи, почти детские, серые такие и чистые-чистые. Лица не видно — рот марлей завязан, лоб тоже закрыт, такая щель в белом, и отсюда эти глаза на меня глядят, но с такой любовью, с такой жалостью! И вы знаете, тут что-то новое во мне шевельнулось: жить мне захотелось. Так вдруг захотелось жить! Потеряю сознание, в себя приду — снова её глаза надо мной, и снова мне хочется жить. Стал я себе внушать: «Выживу! Выживу!»

Потом я узнал, что это была студентка из техникума, девочка совсем, её в смену мне как нянечку посадили. Другие нянечки какие? Я рассмотрел: под больным — сгустки крови, но она простынь не сменит, чтоб свалить всё это на следующую смену. Они прививают, им становится всё равно, и на больного они смотрят как на обузу. И эта — могла бы сидеть себе у капельницы, книжку читать или вязать. Но ведь нет: пока я в сознании, всё вижу её глаза, и всё так же они на меня смотрят. И она была первый человек, из-за которого я остался жив...

— Потом ты с ней... — подмигнул я ему.

— Нет, что вы. Мне стало лучше, и больше она не появлялась, так и не знаю, куда девалась, да мне и не до неё было. О том только думал, чтоб выжить. Ох, как мне выжить хотелось! Но если бы не ещё двое, то я бы всё равно не выжил.

— Двое или двое?

– Нет! – засмеялся он моему намёку. – Одна действительно женщина, а другой – мужчина.

В безостановочных изменениях горного ландшафта склоны стали ниже, отлого разошлись, за ними в глубине показались еще более далёкие горы.

Вот небо над их краем стало накаляться – ярче, ярче... Закатное солнце было где-то совсем близко. Казалось – вот-вот снова появится!.. «Ну, ну!..» – страстно напрягся я, стараясь помочь солнцу. И вот, будто подчиняясь одной лишь моей воле, неяркий, уже розово-золотой пузырь раскалённой плазмы медленно выполз и завис над холмистой линией дальних гор.

– Вторая женщина, – продолжил он, – была врачом, звали её Марья Васильевна. Я потом узнал: у неё были сложные отношения с начальством, её выживали из больницы, всячески подставляли, подсиживали. У нас ведь как? Тому, кто умеет или хочет работать, – иные костыли лягут, а всё равно не дадут. Такой человек всем как бельмо на глазу. А она рискнула, значит, на курс лечения, который меня спас... Если бы я умер, дорого бы ей это обошлось...

Потом она мне сказала, что был один шанс из десяти, что я выживу, но если бы меня лечили как обычно, у меня не осталось бы и одного шанса из ста. И она пошла на риск. Она потом говорила: «Я понимала, что если не пойду на риск, то ты жить не будешь. Учти: я тебя заново родила, я тебе еще одну жизнь дала: не смей её гробить! Не пей, не кури!» Так я с тех пор не пью и не курю, – объяснил он наконец свою тайну.

– Курить трудно было бросить?

– При таком стимуле? – усмехнулся он. – А вот выпить мне поначалу во как хотелось. Но вспомню её и не пью. Так и совсем отвык. Я и сейчас к ней наезжаю – то орехов, то мёду в гостинец привезу. Она мне всегда рада.

– Там же работает?

– Какой там! Съели. Ушла преподавать. Я ей: «Как же вы могли оставить такую работу?» А она: «Нервы-то у меня одни, больше не могла».

– А кто третьим был?

– Мужик, профессор.

– Долечил?

– Наоборот, – снова озадачил меня механик. – Лечить он отказался.

– Как же это?

– Я к нему на пересадку костного мозга приехал. После осмотра он мне говорит: «Как раз такой мне и нужен. Как кролик. Мне не хватает таких, как ты, для статистики, чтоб выводы одной теории укрепить». «Не понял», – говорю. Он разъяснил популярней: «Уезжай, парень, и приезжай снова только тогда, когда почувствуешь, что ты – при смерти. Это и так чудо,

что ты выжил, и пусть это чудо продлится, насколько возможно». Ещё он мне сказал: «Одно помни: осенью люди едят цветы, а весной цветы едят людей». «Не понял», – снова говорю я. Он объяснил, что витаминов надо есть побольше, осенью их много, а весной – нет.

А дальше я и сам за ниточку ухватился. Ещё в больнице внушил себе: «Горы меня спасут. Уеду в горы – они меня излечат!» Так и сделал, не сразу, правда. Прежняя жизнь, отношения, квартира – все это я бросил. Что такое жизнь по сравнению со всем этим, а? «Э! – решил. – Чёрт с ним со всем. Зато – жизнь!»

С друзьями-товарищами прежними совсем разошлись: пить-то я перестал, а у них свой обычай, как жить, я им стал – в диковину. «Ладно, – думаю. – Но я-то – живой!» Когда я в больницу лёг – жена от меня ушла. «Ладно, пусть и это, главное – я живой!» Пока в горы попал да освоился – тоже всякого хлебнул, но – живой, живой!..

– И излечили тебя горы?

– Как сказать. По расчёту медиков, жить мне ещё лет семь осталось. Суть в том, что клетки костного мозга у меня постепенно заменяются жировыми, и, как мне объяснили, процесс этот в обратную сторону не идёт. Всё на тонком равновесии. Хотя бы небольшое ухудшение здоровья – простуда там или ещё что, – процесс ускоряется, а если всё в норме – он медленней развивается. Но я о том не думаю. Иной рассчитывает до глубокой старости дожить, планы на сто лет вперед строит, а его глядь, и нету! А семь лет, если их с толком прожить, – это не так и уж мало...

А может, ещё и одолеем матушку-природу, а?... – вдруг со смехом воодушевился он. – Правильно я говорю, да?... – и снова протянул мне открытую ладонь. Я и шлёпнул – как по наковальне.

На самой высокой точке перевала машина нагнала закат в третий раз!.. Теперь солнце казалось тёмно-вишневым и едва не светилось тонким краем уже бог весть в каких далах.

Три заката за один вечер!..

Я воспринял это как благое знамение.

– Наплюй, – посоветовал я, имея в виду пророчества врачей.

И что ж? Оказался прав.

Не знаю, как сейчас, но двадцать лет спустя он был жив и в добром здравии. К этому времени костлявая уже крепко проредила наши ряды косой вечности. В особенности она оказалась беспощадна к тем, кто искал истину в вине. Ну и, естественно, к тем, кто всё принимал слишком близко к сердцу.

Рисунок Михаила Петрова

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

КТО КМУ ДОЛЖЕН?

В эту ночь мне не спалось. И, как всегда бывает в таких случаях, меня отвлекал сущий пустяк: я досадовала, что забыла отдать м-с К. два шиллинга шесть пенсов. Меня так мучила эта мысль, что я встала с кровати, вынула из портмоне эту сумму и положила на стол. Заснув наконец, я увидела во сне, что держу в руках письмо от м-с К. и почему-то уже знаю его содержание. В нём она извещает меня, что задолжала мне два шиллинга шесть пенсов. Когда я проснулась, было уже светло, тем не менее, почитав некоторое время, я снова заснула. Мне приснилось, что я получила конверт от м-с К., в который вложен талон на эту злосчастную сумму.

Утром я действительно получила письмо от м-с К., в котором она прислала мне талон на пять шиллингов с просьбой купить ей кое-что, прибавив при этом: «Я думаю, что за вычетом двух шиллингов шести пенсов, которые я вам должна, оставшейся суммы будет достаточно». Я подумала, что путанные эти события вплоть до предчувствия получения письма были вызваны тем, что мы обе были сосредоточены на этих несчастных шиллингах и пенсах, и мысли эти, неотступно нас преследовавшие (хотя и не стоили сами по себе выеденного яйца), вызвали определённую их материализацию.

В другой раз произошёл ещё более удивительный случай. Мой брат-близнец, работавший на расстоянии мили от моего дома, сильно расшиб локоть. В ту же минуту я почувствовала нестерпимую боль, почти парализовавшую меня. Совершенно непроизвольно я крикнула: «Чарли расшибся!» А потом вспомнила, как однажды в детстве, когда Чарли расшиб нос, я не только почувствовала острую боль в носу, но обнаружила, что он у меня распух. Вызванный доктор лечил нас обоих.

Н. Фонканнон,
«Lidht», 1893

В каждом номере мы публикуем самые интересные читательские письма. Пишите нам о том, чему не находите рационального объяснения, — о необыкновенных случайностях, загадочных совпадениях, необъяснимых явлениях, пророческих предсказаниях и видениях, которые случались в вашей жизни.

ЧУДО ИЗ ДЕТСТВА

Мне 57 лет, но случай, произошедший около пятидесяти лет назад, помню так, как будто это было вчера. Речка, на которой я выросла, впадает в реку Самару. Село наше степное, привольное. В поселковой церкви в те безбожные времена был сначала склад, потом его превратили в клуб за неимением лучшего помещения. Молодёжь ходила туда в кино и на танцы. И тем не менее в селе было много верующих. Запреты — запретами, а если сердце Бога чувствует, ему не прикажешь. Да и жить с Богом в душе легче. Председатель, наверно, тоже был верующий, а может, просто сочувствующий, только на Троицу дал он нескольким женщинам, в основном пожилым, машину, чтобы поехали помолиться в другое село. Из молодых была только моя мама, которая взяла меня с собой. Утром проводили стадо и отправились в церковь, километров за пятьдесят. Июнь месяц, день изумительный, до сих пор помню свой восторг. Приехали. Обычная деревня, русская, такая же, как наша, — грязь, нищета послевоенная. Взрослые пошли на службу, взяла мама и меня в церковь.

Народу — тьма-тьмущая, не только с нашего села приехали: прошёл слух, что в пруду икона Божьей Матери объявилась. Не понравилось мне это: не поверила. Вышла на воздух, села на ствол упавшего дерева, гляжу на пруд недоверчиво: ну какая икона может объявиться в этой грязной, глинистой воде, по которой плавают гусиные и утиные перья... Пошёл лёгкий летний дождик, а я всё сижу. Часа через два служба закончилась. Подошла мама, передала мне кофту, чтоб не простудилась, а сама спустилась к воде. Потом слышу — зовёт она меня. Пришлось спуститься. В этом месте в пруду образовалась небольшая коса, заросшая густой травой и тростником. Подхожу к маме, а она говорит: «Смотри» — и отодвигает рукой тростник. Смотрю и вижу: в воде отражаются три одинаковых белых облака, как бы составляющие круг, а в середине солнышко играет.

Поднимаю глаза вверх — нет на небе солнышка, сплошное — от горизонта до горизонта — одеяло из светлого-серых облаков. Опускаю глаза на воду — вот оно, солнышко! «Вот и мы с тобой чудо увидели!» — говорит мама. У нас была с собой трёхлитровая банка, в которую мама набрала воды — грязной-грязной, с плавающим там пухом. Вернулись домой. Банку с водой мама поставила на шифоньер. И стояла она там — хотите верьте, хотите нет — лет двадцать! Мама умерла в 1979 году, на Троицу. Так мы, три сестры, эту воду выпили — она была чистая-чистая, только на дне осадок.

*Н.В.Владимирова
г.Нефтегорск Самарской обл*

НАМ ПО СИЛАМ ИЗМЕНИТЬ СЕБЯ

К сожалению, не могу выписывать ваш журнал, но, к счастью, он есть в библиотеке. Пишу вам уже второй раз. Вот всё думаю: почему нам за любовь и заботу очень часто наносят «удары» порой самые близкие люди? Ведь они тоже, в конце концов, по-своему нас любят, ну, хотя бы привязаны, и тем не менее... А ведь чем ближе человек, тем обиднее, когда на добро отвечают злом. Если в электричестве плюс притягивает минус, то энергии человека действуют наоборот. Значит, кто-то из нас «плюс», а кто-то «минус» (не напрямую, конечно). При общении можно почувствовать, как одни люди тебя притягивают, с ними хочется общаться, поделиться плохим и хорошим, от других хочется поскорее отойти, но они находят себе других партнёров по общению и по жизни и иногда бывают гораздо более счастливыми, чем люди с положительным началом. Между тем в средствах массовой пропаганды совершенно не говорится о душевном притяжении или отталкивании, там один разговор — сексуальность, то есть тяга тела, которая бывает очень обманчивой. И люди, соединившие свои судьбы по этому принципу, часто так и остаются совершенно чужими друг другу и в молодом возрасте, и по прошествии многих лет.

Доброжелательность, сердечность, незлобность, ощущение радости — очень сильные положительные энергии. И наоборот, тоска, печаль, уныние, страх — отрицательные энергии, нарушающие позитивное отношение к жизни и влияющие на наше здоровье, разрушающие его. Часть отрицательной энергии человек получает с животной пищей, ибо в момент убийства животное испытывает боль и страх. Происходит насыщение отри-

цательными эмоциями мяса, которое люди употребляют в пищу, вот почему религиозный пост — это спасение и своей души, и своего физического здоровья. Кстати, момент этот отражён в русских поговорках и выражениях: злой как собака; разъялся как свинья; животный страх, волчий аппетит, то есть в определённых ситуациях человек приближается к животному, что мы сейчас и наблюдаем в изоляции, я имею в виду беспробудное пьянство и разврат. Святой Сергей Радонежский говорил: «Люби пост, не примили скоромного. В нём — боль плоти чужой. А за сим — худые мысли и худые дела». В силах каждого не потерявшего волю человека измениться, стать лучше, тогда и жизнь откликнется добром.

*М. Качан
г.Воронеж*

ОСОЗНАННЫЕ СНЫ

Я вижу осознанные сны, то есть во сне я чётко знаю, что сейчас я сплю, а когда проснусь — будет другая, реальная жизнь. Сначала меня это удивляло и даже немного пугало. Я спрашивала подруг, знакомых, все они происходившее во сне воспринимали как реальность. Потом я вспомнила, что ребёнок придумывает, сочиняет, врёт. Вспомнила, как иногда, просыпаясь, горько плакал мой сын, и стала понимать, что слёзы эти вызваны тем, что он моментально переходил из одного состояния в другое, из одной жизни в другую. Стала раздумывать, читать умные книжки и постепенно поняла, что сознать во сне призрачность, виртуальность своего состояния совсем не недостаток и не аномалия. Дано — и спасибо.

Изменив происходящее с тобой во сне, можно дать другой ход предстоящим событиям (я не имею в виду глобальные, определяющие, которые предначертаны судьбой). Сведущие в этом вопросе люди помогли мне понять, что сны — это работа не только со своим сознанием, но и с подсознанием. Иногда не можешь разобраться в жизни, но способен разобраться во сне. Например, в отношении к людям, в отношении людей к тебе, в искренности и фальши, доброжелательстве и зависти. И когда я встречаю человека, чьи поступки и мысли были мне неясны, он словно проясняется для меня. Так на деле я осознала, что сумеречное подсознание хранит и знает больше, чем наше дневное сознание. Они как бы дополняют друг друга. Я даже пробовала во сне как бы прорепетировать будущий тяжёлый разговор с мужем, что-

бы избежать ненужных эмоций и оскорблений. Вроде как получилось. В заключение скажу, что жить мне стало гораздо интереснее, так как есть тема для размышлений, тема для интереса, несовместимая со всегдашней жизненной суетой.

*В. Разорёнова
г. Томск*

ДОСТОЯНОЕ УГАСАНИЕ

Если обобщить темы большинства статей, то можно сказать, что все они о жизни. И это правильно. Однако никто ещё не отменял точку в конце жизни, то есть смерть, и об этом, мне кажется, тоже нужно говорить, ибо большинство людей живут совершенно безответственно, как будто никогда не придёт час расплаты. А он обязательно придёт – может, в этой жизни, может, в следующей, может, в жизни детей и внуков, но отвечать за «содеянное» так или иначе придётся. Если бы об этом люди знали, если бы этот момент был составной частью их веры, то и жили бы они сегодня по-другому. Я лично в этом твёрдо убеждён. Очень люблю книги из серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» и всегда внимательно читаю не только о том, как человек жил, за чем жил, что в этой жизни сделал, но и как он распорядился собой в конце жизни, как умирал. Недавно мне попались мемуары актрисы Т. Л. Щепкиной-Куперник. Там есть несколько абзацев о последних днях дорогого ей человека, старшего друга, адвоката, князя Александра Ивановича Урусова. Позволю себе их процитировать.

«Его настроение оставалось ровным и ясным, несмотря на медленное умирание (он постепенно лишился слуха, вкуса и т. п.). Он писал своей сестре за полгода до смерти: «Нужно ли огорчаться смерти? Нет. Наш подвижной конгломерат молекул возвращается в тот всемирный хаос, из которого возрождаются живые существа». Я была у него в последний раз перед моим отъездом за границу весной 1900 года (он умер в июле). Александр Иванович был приговорён. С трудом ходил – только передвигаясь перед собой стул, иначе шатался и падал. Свои вопросы я писала в его блокноте. Мы ходили по саду. Он остановился у цветущей яблони, сорвал цветок и сказал:

– Знаешь, я прежде не замечал, что цветы пахнут. А теперь чувствую такой нежный, тонкий запах. Как всё в природе прекрасно!

На пороге смерти он так радовался чужой жизни, так любил её! Этот ве-

личавый человек, тихо оставляющий жизнь, несмотря на тяжёлые страдания, сохранивший ясность души и ласковую улыбку, уходил от нас, казалось мне, так же, не изменяя гармонии прекрасного, как прожил всю жизнь».

Добавить к этому поразившему меня отрывку мне нечего, разве только восхититься красотой души самого автора, в то время совсем молоденькой девушки.

*С. Раздоров
г. Орёл*

ВРЕМЯ ВСЁ РАССТАВИТ ПО МЕСТАМ

В одном журнале прочитала поразившие меня строки, которые навели на мысль, что переживаемое сегодня время деморализации общества, крушения привычных жизненных устоев, всеобщей тяги к материальному обязательно пройдёт (другое дело, скоро или нет, но это будет!). Вот послушайте, что писала старая женщина в середине 70-х годов прошлого века, которые сейчас представляются нам в розовом свете: «Как за эти годы всё изменилось к худшему! Куда-то пропали не только глубокая философия, но и религия, на которой все мы были воспитаны. Куда-то девалась простая человеческая мораль, и люди отвыкли думать, отвыкли постоянно в течение жизни задавать вопросы своей совести. Находятся люди, которые не только не знают смысла этих великих слов, но даже их значения. Но зато как хорошо они научились ценить всё материальное! Приобретая не духовные ценности, а материальные в виде стиральных машин, автомобилей и т. д., они считают себя совершенно счастливыми.

К старости, с годами, когда постепенно физические силы угасают, должно естественно шириться и расти в человеке духовное. Но часто происходит совсем другое – духовное отмирает, уступая место только материальным интересам, и наступает моральная смерть. Благодаря Богу я, больная, старая (почти девяносто лет) женщина, чувствую себя счастливой. Я радуюсь и, вероятно, до конца буду радоваться Божьему творению – цветам, деревьям, птицам и, главное, добрым людям, которых ещё много на свете».

Радуюсь и я, хотя и вдвое моложе – и цветам, и птицам, и всякому зверью, и светлым душою людям. И верю: ещё не вечер, люди опомнятся и переосмыслят свою жизнь, одни – потому что наелись материальным, другие – потому что не растеряли духовное.

*П. Рассказова
г. Мурманск*

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Спасибо за интересные статьи о светлейшем князе Таврическом, фаворите Екатерины II Григории Александровиче Потёмкине. Я давно интересуюсь этой необыкновенной, противоречивой личностью. Хочу привести высказывание принца де-Линя о нём: «Он не спит ни днём, ни ночью, усердие к государыне, им обожаемой, не даёт ему покоя... Он боится за других, а сам храбр без меры. Тревожится перед опасностью и беззаботен, когда она наступила; он скучен во время увеселений, несчастен от избытка счастья, пресыщен всем; скоро разочаровывается в людях, мрачен и непостоянен в своих проявлениях. Это знающий философ...»

*П. Рукавишников
г. Орёл*

Ваш журнал, который мне очень нравится, беру в школьной библиотеке. В статье «Ясновидящие сыщики» (№ 10, 2004) прочитала об академике Аркадии Петрове, который разработал систему развития сверхспособностей человека. Это очень важно: ведь человеку дана масса возможностей, а он использует лишь малую часть своего потенциала. Особенно это касается детей, однако родители чаще всего либо не обращают на их способности внимания, либо не знают, как их развить. А как известные, неразвитые способности со временем пропадают, и человек, вместо того чтобы стать индивидуальностью с присущими только ему возможностями, становится «как все», тем самым обедняется не только его жизнь, но и общества в целом.

*А. Ососкова
п. Тинской Краснодарского края*

В 1971 году мы с отцом были у него на родине, в Кировской области, недалеко от города Котельнича, на реке Моломе. Меня заинтересовала история о том, что местные крестьяне, проводя земляные работы, выкопали на берегу большой оплывший валун неизвестного происхождения и столкнули его в озеро. Мне этот факт показался интересным, тем более что в какой-то книге начала шестидесятых годов прошлого века была напечатана выдержка из летописи города Котельнича, где говорилось, что в этом районе упал крупный метеорит. Может, кого-нибудь из археологов заинтересует такой факт, тем более что местность эта хранит и другие загадки.

*В. Игошин
г. Новоалтайск Алтайского края*

Дмитрий Баянов
научный руководитель
Международного центра гоминологии

БИГФУТ: ЧЕЛОВЕК В ОБЛИКЕ ЗВЕРЯ?

Продолжаем серию публикаций о
наших ближайших родственниках
— гоминидах.

Снежный человек. Рисунок Л.Бурцевой

В 1960-х годах американский биолог Джим МакКларин назвал сасквача (бигфута) словом «*manimal*» (от английского *man* — человек и *animal* — животное), сблизив, таким образом, эти существа с человеком разумным. Однако большинство американских исследователей с этим не согласны и допускают возможность убийства бигфута для подтверждения их существования. Антрополог Гровер Кранц писал: «Все имеющиеся наблюдения ясно указывают на животный статус этого вида. Да, он ходит на двух ногах, но так ходят и куры. Он очень умен, но дельфин превосходит его в этом отношении... Это не человек, и даже не получеловек, и его законное место будет среди животных, если мы когда-либо получим экземпляр».

Я думаю, что реликтовые гоминиды Северной Америки, Евразии и Австралии, вероятно, достигли одинаково высокого уровня эволюции. Для сасквача слово *manimal* может значить «получеловек». Гровер Кранц, отвергая это, поясняет своё мнение: «Для более высокого уровня сасквач должен соответствовать требованиям... выделяющим человека из животных, как изготовление орудий, социальная структура и речь... Если сасквач тщательно не скрывает от нас свои орудия, социум и речь, мы должны признать, что таковые у него отсутствуют». Профессор Поршнева признавал речь наиболее важной характеристикой.

Ранее мы были уверены, что эти существа не пользуются речью для общения. Но Джон Грин (кстати, ярый сторонник обезьянней версии) на-

помнил о двух случаях с говорящими сасквачами. Дж. Бернс в 1929 году рассказал о дикой женщине, которая обращалась к охотнику-индейцу на языке племени дуглас. Второе свидетельство — в книге самого Гровера Кранца: «В 1957 году канадец Альберт Остман рассказал о том, что он был пленён сасквачем около 33 лет до того. Он рассказал, что его продержали в семье, включавшей четырех сасквачей, в течение шести дней, прежде чем ему удалось бежать и вернуться в цивилизованный мир. Его описание существ совпадает с тем, что сообщают другие очевидцы, но некоторые аспекты их поведения, и особенно само похищение, представляются не соответствующими тому, что известно о сасквачах».

Следует признать, что случай необычный. Свидетель имел уникаль-

ную возможность наблюдать гоми-нидов в их собственном убежище в горах. Перед своим похищением Остман спрашивал индейца-проводника, кого называют словом «сасквач». Тот ответил: «Они покрыты волосами по всему телу, но они не животные. Они – люди. Большие люди, живущие в горах». Рассказ Остмана не соответствует обычным представлениям, ибо если он верен, то проводник был абсолютно прав: сасквачи – не животные. Они – люди.

Остман рассказывал, что он предназначался в качестве супруга для дочери сасквача. Сасквачи общались между собой на каком-то языке, и Остман даже запомнил пару их слов – «сока» и «у-ук». Это значит, что его похитители определенно пересекли «рубикон разума». Впрочем, есть повод считать, что их разум менее изощрён, чем у *Homo sapiens*. Во-первых, они не сообразили, что пленника следует разоружить. Во-вторых, купились на элементарную уловку, с помощью которой пленник в конце концов смог одержать верх над своими похитителями и бежать от них. Он сделал вид, что жуёт нюхательный табак, и оставил на виду свою табакерку. Бигфут тут же схватил её и проглотил целиком, от чего его скрутило, и он стал кататься по земле. Воспользовавшись суматохой, Остман сбежал (отметим, что сюжет, в котором человек с помощью хитрости одерживает верх над лешими и нечистой силой, хорошо известен в фольклористике и демонологии).

Случай с Остманом интересен и в отношении приписываемых сасквачам парапсихологических способностей, таких, как телепатия и чтение мыслей. Либо не все эти существа обладают названными способностями, либо для этого необходимы определённые условия, которые в случае с Остманом отсутствовали. Ключевой вопрос состоит в следующем – насколько можно верить его рассказу вообще? Джон Грин пишет: «Альберт Остман уже умер, но я дружил с ним более 12 лет, и он не давал мне повода считать его лгуном. Я устраивал ему перекрёстные допросы с участием следователя, зоолога, антрополога, ветеринара, причём двое последних являются специалистами по приматам. ...Газетные репортажи стремились проделывать с ним то же самое. Эти люди не всегда верили ему, но никто из них не смог своими вопросами поставить его в тупик или дискредитировать его рассказ, хотя следователь очень старался добиться этого».

В ряде статей Игоря Бурцева описывался случай на ферме Картеров

в штате Теннесси. Роберт Картер обнаружил молодого бигфута на своём участке, подружился с ним, дал ему имя Фокс и начал учить его английскому языку ещё в сороковых годах прошлого века. Затем в течение полувека семья фермера сосуществовала с семьёй бигфутов. В это же время шли поиски снежного человека в Непале, России, Китае, Австралии, да и в самой Америке. Участники многочисленных экспедиций в отдалённые уголки мира не знали, что предмет их поиска с комфортом поживает на одной из ферм в штате Теннесси. Можно себе представить, что произошло бы, если бы Роберт Картер пригласил на ферму Тома Слика, финансировавшего поиски бигфутов в Америке. Приматология и антропология были бы сегодня другими!

Но Картер не сделал ничего подобного, не только потому, что был равнодушен к науке. Он верил, что бигфуты – божьи дети наравне с нами и являются потомками библейского Исава. Его внучка Дженис говорит, что дед никогда не называл бигфутов словом «бигфут», он говорил о них: «Люди Странствующего Духа». Поэтому гостеприимство, которое оказал Картер «большим диким парням» на своей ферме, было для него не экспериментом по приручению, но родом религиозного служения, подвигом веры. Учитывая то, что дружба с гигантами создавала для семьи постоянные проблемы и приводила к материальным потерям: ведь бигфуты иногда съедали скот из стада Картеров.

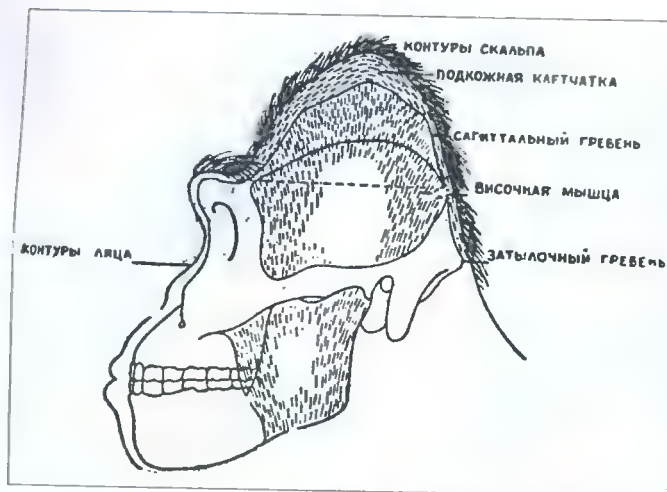
Вызвало изумление и описание того, как бигфуты хоронили своего мертворождённого ребёнка. Я слышал на Кавказе рассказ местного жителя о том, что алмасты хоронят своих умерших, но посчитал это лишь предположением рассказчика. И вот свидетельство Дженис. Бигфуты вырыли глубокую яму, сначала руками, а потом острыми пальцами, конец которых заостряли зубами. Довольно долго они приносили пищу на могилу малыша и оставляли её сверху. Шибба, мать ребенка, сидела на могиле в течение некоторого времени и угрозами отгоняла всех, кто хотел приблизиться к ней. Я читал о подобном у Питера Бирна: человек клялся в письме искателям, что наблюдал, как три бигфута хоронили четвёртого. Они вырыли глубокую яму одними руками. Засыпав тело землей, прикатали на могилу огромные валуны.

Но самым большим камнем преткновения стали невероятные лингвистические способности бигфуты с фермы Картеров. Те два неизвестного значения слова сасквачей, кото-

рые поведал цивилизованному миру Альберт Остман, можно легко проигнорировать и забыть. Но как проигнорировать и забыть словарь из 223 слов и фраз бигфуты, составленный Дженис Картер, причём каждое слово и фраза переведены на английский? Как она могла составить такой словарь? «...Со своим дедушкой Картером я ежедневно навещала и кормила их (бигфуты. – Д. Б.). Когда они говорили что-нибудь, то мой дедушка, Фокс или Шибба, или ещё кто-то из них обычно переводил это для меня на английский. Я делала заметки в маленьком блокноте, записывала их слова, доносившиеся до меня из леса или с поля, и затем, когда представлялась возможность, приносила их дедушке Картеру. Я спрашивала его, что они значат... Я научилась таким способом от Фокса и его семейства говорить на их бигфутском языке. Говорить на нём человеку очень трудно... Звуки некоторых слов произносились ими чётко, но некоторые слова произносились такой скороговоркой, что было трудно понять, о чём шла речь... Мне надо было годы, чтобы научиться понимать их хотя бы наполовину».

Вот ещё несколько пояснений к тому, каким образом бигфуты говорили между собой и со своими «хозяевами»: «Фокс и его семейство говорили между собой на их собственном языке... Фокс и Шибба общались между собой звуками, похожими на щебетание и бормотание. Я не понимала, что они обсуждают... По большей части они говорили на стариндейских наречиях, а также использовали щебечущие, свистящие, рычащие и урчащие звуки. Когда они обращались к нам, то переходили на английский... Иногда, говоря с нами, они вставляли в английскую речь индейские слова или урчание, а также жестикулировали».

А вот как, по свидетельству бабушки Дженис, начались уроки языка на ферме Картеров. «Двое, бигфут и человек, проводили вместе время часами, устроившись где-нибудь в амбаре или в поле, обучая друг друга своему языку». Дженис писала: «Я всегда считала, что мой дедушка научил Фокса говорить по-английски. А Фокс и дедушка вместе научили английскому остальных членов семьи Фокса». Как же они говорили по-английски? Фокс «мог произносить английские слова, которым научил его дедушка, но это не было похоже на речь человека, привычную нам. Звуки, которые они издавали, произносились английские слова, отличались от произношения человека. Хотя все бигфуты из нашей местности на своём языке говорили бегло, они могли говорить только на

Первая реконструкция головы гималайского йети, сделанная в 50-х годах XX века.

Бигфуты можно обнаружить во тёмном вот косичкам, заплетённым в гривах лошадей

ломаном английском. Шибе это давалось очень трудно... Фокс мог говорить значительно более внятно, и он использовал более длинные предложения по-английски, чем кто-либо из членов его семейства».

В качестве примера Дженис привела слова «thank you», сказанные Фоксом, когда она наполнила его миску едой для собак. Однажды семилетняя Дженис, её четырёхлетняя сестра Лайла и ещё одна девочка играли в лесу. Неожиданное появление Фокса испугало их. Роберт Картер вмешался и сделал Фоксу выговор за это. Дженис пишет: «Насколько я поняла, он не хотел пугать нас... Фокс отвечал не на английском, и дедушка говорил ему слова, которые я называю бигфутскими. Фокс посмотрел прямо на Лайлу и сказал: «Йюхобт папи икантевасте митакси... поса... ка тайкай катыйкай тохобт вабиттуб». Дженис перевела это так: «Жёлтые Волосы,

будь счастлива, маленькая сестра. Я плохой. Не плачь, Голубые Глазки». И далее она поясняет: «Когда Лайла была маленькой, у неё были голубые глаза и жёлто-рыжеватые волосы». Другими словами, Фокс извинялся и пытался успокоить маленькую Лайлу, называя её по характерным чертам. И всё это в нескольких трогательных словах.

На зы в а й - те Фокса как угодно – двуногой обезьяной, *Australopithecus robustus*, *Gigantopithecus blacki*, для меня сказанное им, если это действительно было так, является бесспорным указанием на человеческое существо.

Вот некоторые слова и фразы из словаря, составленного Дженис:

31. Ненепи – злобные маленькие человечки (обозначение людей, особенно мужчин).

80. Элла кона – огненная палка людей (ружьё).

84. Нах-ич-ка ро-меа – куда она идет? (Бигфуты спрашивали дедушку, когда я куда-то удалялась. Дедушка объяснил мне смысл вопроса).

96. Ме-пе махтаойо – бедный малыш или младенец (слова Шибы, плачущей на могиле мёртворождённого ребёнка).

99. Об-бе-мах-е-йах – уходи, убирайся отсюда (это сказала Шиба, ударив и повалив лошадь, на которой я сидела, сказав затем то же самое по-английски).

129. Нанпи йузе снй уо – убери от меня свои руки (это было сказано Шибой чужому бигфуту-самцу, который появился на участке и схватил её).

130. Напи – Бог, Господь (слово индейцев сиу для обозначения Велико-го Духа).

132. Никинка тонапе хе? – у тебя есть дети? (Это спросил у меня Фокс, и я попросила сказать это по-англий-

ски, поскольку не поняла вопроса. В 1990 году, когда он спросил это, мне было 25 лет. В тот период я не жила на ферме).

146. Васте се даке – я люблю тебя (дедушка и Фокс говорили это друг другу, встретившись на дороге незадолго до смерти дедушки).

197. Сийухк – душа.

Говорящие лошади Джонатана Свифта – вымысел. Почему же говорящие бигфуты удивительней вымысла? Во-первых, потому что они опрокидывают имевшиеся ранее представления. Во-вторых, потому что возникает несоответствие между человеческим интеллектом бигфутов и их животным образом жизни. Если они такие умные, то почему они такие дикие? Полвека их контакта с цивилизацией на ферме Картеров ни на йоту не изменили их животный образ жизни.

Дженис доверительно сообщила нам (по электронной почте) о случаях её телепатической связи с бигфутами. В её словаре вы найдете: 25. Мукварух – духовный разговор (так они называют телепатические контакты между собой и с людьми).

Мне легче принять это, чем их способность разговаривать, поскольку владение телепатией не противоречит их дикости (кто знает, может быть, даже поддерживает её), в отличие от владения речью. Во всяком случае, на моём нынешнем уровне знания. Я поддерживаю близкие контакты с тремя людьми, которые имели прямые длительные контакты с Дженис и исследовали вопрос на месте. Это Мэри Грин, Уилл Дункан и Игорь Бурцев. Все трое относятся к сведениям Дженис с доверием.

Некоторые критики придерживаются мнения, что если сведения, полученные из Теннесси, являются правдой, то обитающие там существа не бигфуты-сасквачи, а что-то другое. Но это не делает нашу проблему легче: вместо одной загадки мы получаем две. Да, теоретически возможно, что какие-то сверхживотные перешли «рубикон разума», а другие нет. Отметим также, что приключения Остмана с «признанными» бигфутами произошло в канадском округе Британская Колумбия, далеко от штата Теннесси. Так что нет никаких оснований исключать события в Теннесси с их мохнатыми участниками из проблемы бигфута... Так кто же они, бигфуты?

Мой вывод таков: если владеют речью, как это описано Альбертом Остманом и Дженис Картер, они определённо человеческого рода, даже если слова их языка по большей части заимствованы у человека. Если же они не владеют языком, то они не люди, а приматы, достигшие порога очеловечивания.

Игорь Атаманенко

КАПЛАН ЭПОХИ ЗАСТОЯ

История одного
покушения
на Л. И. Брежнева

ТРИ БЕЗОТВЕТНЫЕ ШИФРОВКИ

Шифртелеграмма
№ 069-69 от 21.01.69 года
Москва

Совершенно секретно
Весьма срочно

Первому заместителю председателя
КГБ при СМ СССР
генерал-лейтенанту
тов. ЦВИГУНУ С.К.

По данным, полученным из Особого отдела КГБ при СМ СССР, обслуживающего Н-скую воинскую часть, 21 января с.г. в 7 часов 45 минут из расположения указанной части, дислоцированной в г. Ломоносов Ленинградской области, исчез помощник оперативного дежурного мл. лейтенант ИЛЬИН Виктор Иванович, 1948 г. рождения, русский, беспартийный, в рядах СА с июня 1968 года. Одновременно с исчезновением ИЛЬИНА обнаружена пропажа двух пистолетов «Макаров» и четырёх снаряжённых боевыми патронами обойм.

По тревоге подняты офицеры части, которые ведут физический поиск ИЛЬИНА в окрестностях г. Ломоносов. Начальник ОО КГБ при СМ СССР с группой подчинённых выехал в г. Ленинград для опроса приёмной матери офицера ИЛЬИНОЙ Александры Васильевны.

Сообщаю в порядке информации. О результатах поисков и опроса родст-

венников ИЛЬИНА будет доложено дополнительно.

Начальник Управления Особых отделов
КГБ при СМ СССР Ленинградского ВО
генерал-майор Загоруйко
12 часов 17 минут 21 января 1969 года

2. В дополнение к
ш/т № 069-69 от 21.01.69 г.

Предпринятыми мерами установлено, что исчезнувший из расположения Н-ской части мл. лейтенант ИЛЬИН В. И., вооружённый двумя пистолетами «Макаров», убит авиарейсом № 92 в Москву в 11 часов 40 минут 21.01.69 г., что подтверждается свидетельскими показаниями бортпроводниц Семёновой и Ляшко, опознавших ИЛЬИНА по фотографиям.

Информирую для возможного оперативного использования.

Нач-к УОО КГБ при СМ СССР по ЛВО
генерал-майор Загоруйко
17 часов 42 минуты 21.01.69 г.

3. В дополнение к ш/т
№ 069-69 от 21.01.69 г.

В квартире ИЛЬИНА обнаружены его дневники, в которых он трижды цитирует слова убийцы американского президента Авраама Линкольна, что может свидетельствовать о возможных преступных намерениях ИЛЬИНА в отношении руководителей партии и правительства.

Со слов приёмной матери беглеца, не исключается вероятность его появления по месту жительства его дяди ИЛЬИНА Петра Васильевича, проживающего по ул. Краснопресненский вал, 2, кв. 8.

Сообщаю для оперативного использования и нейтрализации дедертира.

Нач-к УОО КГБ при СМ СССР по ЛВО
генерал-майор Загоруйко
22 часа 47 минут 21.01.69 г.

До выстрелов у Боровицких ворот более 14 часов, ещё есть время их предотвратить. Было бы желание...

ПРЕРВАННЫЙ РЕПОРТАЖ

В конце 1968 года успешно завершился полёт «Союза-3», пилотируемого Георгием Береговым, в январе 69-го благополучно приземлился «Союз-4» с Шаталовым, Елисеевым и Хруновым. 18 января сел около Кустаная «Союз-5» с Волюновым. Каждая победа в космосе становилась всенародным праздником.

22 января 1969-го вся страна ликовала. Из Москвы шёл прямой репортаж торжественной встречи героев космоса в правительственном аэропорту «Внуково-2».

Телекамеры показывали крупным планом улыбающиеся лица космонавтов Берегового, Шаталова, Елисеева, Хрунова, Волюнова и... Леонида Ильича Брежнева.

— Кортёж правительственных машин приближается к Боровицким воротам, и через несколько минут герои-космонавты будут в Кремле, где состоится торжественная церемония их награждения!

Это была последняя мажорная нота в репортаже с места событий. Прямая трансляция внезапно прервалась.

Возобновилась она примерно через час и производила странное, если не сказать удручающее впечатление. Показывали церемонию награждения. Но где восторг, где ликование? Вместо них растерянность и смятение как среди награждаемых, так и среди вручающих награды. Бледные лица, вымученные улыбки, отрывистые фразы, всеобщая нервозность...

Телезрители недоумевали: почему награды вручает Подгорный? Где Леонид Ильич?

В тот же день по Москве поползли слухи, что Брежнев в результате покушения убит. И не где-нибудь – в Кремле! Достали...

Страна, забыв о героях космоса, вновь прильнула к радиоприёмникам, вслушиваясь в сообщения «вражьи голоса» – они-то всё скажут...

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

Как только правительственный кортеж в сопровождении мотоциклистов приблизился к Боровицким воротам, раздались выстрелы. Некто в милицейской форме метнулся к кавалькаде лимузинов и, пропустив первую машину, открыл огонь по второй.

Классический террористический акт: нападающий стрелял в упор с двух рук одновременно!

Одна из пуль срикошетила и ранила в плечо сопровождавшего кортеж мотоциклиста. Превозмогая боль, он направил мотоцикл на террориста и сбил его с ног. К упавшему бросились офицеры из правительственной охраны, выбили у него из рук пистолеты. Впрочем, это уже было лишним: террорист израсходовал весь боезапас, выпустив в машину шестнадцать пуль.

Стрелявший не сопротивлялся. У него внезапно закатились глаза, изо рта хлынула белая пена, он зашёлся в нервном припадке. Какро же было изумление кремлёвской охраны, когда в корчащемся в конвульсиях милиционере опознали сержанта милиции, который минутой раньше стоял на посту у Алмазного фонда!

Узнав, что он чуть было не расстрелял космонавтов, боевик вообще впал в прострацию. Ведь он был уверен, что во второй «Чайке» (о чём неоднократно повторяли дикторы радио и телевидения!) находятся Брежнев, Косыгин и Подгорный – им-то и предназначался смертоносный свинец...

В машине же, на которую обрушился шквальный огонь, ехали космонавты: Береговой (имевший внешнее сходство с Брежневым), Андриан Николаев и Валентина Терешкова. Береговому осколки стекла поранили лицо, у Николаева пуля застряла в спине, но он не потерял самообладания и, перехватив руль у раненого водителя, сумел припарковать машину к обочине.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ВЕЗЕНИЕ

Бывшего в истерике террориста скрутили, затолкали в чёрную «Волгу» и увезли с места происшествия во внутреннюю Лубянскую тюрьму. Начались допросы. Задержанный подробно рассказывал о себе.

На вопрос, зачем ему понадобилось убивать высших руководителей страны, Ильин с пафосом заявил, что Бог создал людей больших и людей маленьких, а Николай Фёдорович создал свой 9-миллиметровый пистолет, чтобы уравнивать шансы. Физическое же устранение государственных деятелей – дело праведное, примером тому террористические акции Джона Бута или Александра Ильича. И вообще пострадать за веру, на-

род и Отечество – это всегда было в традициях российского офицерства и прогрессивно мыслящей интеллигенции. Взять хотя бы Пестеля, Кюхельбеккера.

Следователи не ожидали, что задержанный так легко выдаст своих сообщников. Однако быстро выяснилось, кого имел в виду террорист. Оказалось, что Николай Фёдорович, снабдивший боевика оружием, – лауреат Государственных премий Макаров, изобретатель стрелкового оружия, в частности ПМ, из которого вёл пальбу боевик. Александр Ильич – не кто иной, как брат Ленина, неудачно покушавшийся на царя. Джон Бут – убийца американского президента Авраама Линкольна. Ну и так далее...

Следователи были потрясены. И не только тем, что после устранения Брежнева Ильин собирался занять кресло генсека и создать свою партию – некоммунистическую. Изумление вызвала удачливость террориста: ни на одном этапе, кроме завершающего, он не был задержан. Фантастическое везение!

Только сейчас, когда стали доступны ранее засекреченные архивы, появилась возможность найти объяснение такому сумасшедшему везению. Странно, но удача сопутствовала Ильину в основном по причине лубянских «подковёрных» интриг.

СИСТЕМА ПРОТИВОВЕСОВ

Брежнев хорошо помнил, какую роль сыграл прежний председатель КГБ СССР Владимир Семичастный в устранении Хрущёва, и чтобы исключить исторические аналогии, приставил к Андропову в качестве наблюдающего Семёна Цвигуна, с которым его связывали не только годы совместной работы в Молдавии, но и родственные узы: они были женаты на родных сёстрах.

Во время войны Цвигун не был на фронте, но в анкетах аккуратно указывал Сталинград как место своего боевого крещения. Только после его смерти и кончины Леонида Ильича стало известно, что ещё до начала Сталинградской битвы его отозвали из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую область. Это, однако, не помешало Цвигуну издать под своей фамилией несколько книг, и написать с десятком сценариев о войне и о партизанах, и стать не только одним из защитников легендарной твердыни на Волге, но и героем партизанского движения. Именно такой его биография вошла в советскую энциклопедию.

Героические заслуги Цвигуна по перекраиванию личной анкеты, а вместе с нею и новейшей советской истории были известны очень узкому кругу лю-

дей, к которому принадлежал и Андропов.

Два крючкотворца, как и две красавицы, не могут быть друзьями. Но не какое-то время могут стать компаньонами. Непримируемыми поделщиками поневоле Андропов и Цвигун оказались до самоуправления последнего.

Их скрытое противостояние началось с первого дня их совместной работы.

Но если Андропов вначале относился к своему заму как аристократ к поданному гардеробщику чужому пальто в ожидании его замены, то в отношении Цвигуна к непосредственному начальнику прослеживалась агрессивная напористость сержанта-сверхсрочника, который постоянно стремится «уесть» своего командира.

Всё оттого, что Цвигун в отличие от Андропова имел опыт пребывания в системе КГБ на руководящих должностях.

И хотя авторитет его среди профессионалов был равен нулю, но какговорится, за душой не было ничего, да за спиной кто-то стоял. И этот кто-то – сам Леонид Ильич.

В качестве первой серьёзной проверки способности Андропова держать удар как раз и можно рассматривать события у Боровицких ворот 22 января 1969 года.

В бездействии Цвигуна, в его попустительстве преступному умыслу, о котором он был поставлен в известность заблаговременно, не следует искать признаков профессиональной некомпетентности. Тот факт, что Ильину удалось отчасти реализовать своё намерение, должен рассматриваться как следствие циничного расчёта первого зама председателя КГБ.

НА ИСХОДНЫХ РУБЕЖАХ

Младший лейтенант Ильин на рейсовом автобусе доехал от аэропорта «Домодедово» до метро и уже через час звонил в квартиру своего дяди-отставника. Увидев на пороге нежданного гостя, хозяин и его жена удивились – что стряслось, если без предупреждения, без телефонного звонка, без телеграммы?

– Всё в порядке. Просто хочу на космонавтов посмотреть. Когда ещё такая возможность представится. Завтра ведь встреча?

Вечером за ужином племянник как бы вскользь произнёс:

– Вот если бы ты дал мне завтра свою форму, может, и в Кремль пропустили бы...

– Ты что, спятил? Знаешь, что за это полагается?

Ильин рассмеялся, перевёл разговор в шутку. А рано утром, не попрощавшись с родственниками, исчез.

Вместе с милицейской формой гостеприимного хозяина.

Куда он делся? Благополучно добрался на метро до станции «Проспект Маркса». Прошёл мимо Исторического музея, свернул в Александровский сад. В проезде Боровицких ворот увидел милицееское оцепление. Что делать? Ильин вспомнил, что на нём милицейская форма, он по виду не отличается от них, и не спеша встал в цепь – наугад, по наитию.

Это была крупнейшая удача, немислимое везение, ибо место, которое он случайно занял, оказалось на стыке между двумя отделениями. На подошедшего сержанта милиции покосились, но в первом отделении подумали, что он из второго, а во втором – что из первого.

Правда, случилась минута, когда он ощутил предательскую дрожь в коленях. Это произошло, когда к нему молчаливо стоявшему уже в другой точке – в Кремле, у Алмазного фонда, приблизился некий гражданин в штатском и по-военному строго спросил:

– Ты чего здесь стоишь?

Штатский знал, что на время встречи космонавтов пост у Алмазного фонда сняли.

Страх придал наглости, и Ильин как мог равнодушно бросил в ответ:

– Поставили, вот и стою.

Штатский отошёл...

Когда утром 22 января дежурный по комитету доложил Цвигуну о том, что в Краснопресненский райотдел КГБ обратился заявитель с просьбой разобраться, не связано ли с предстоящими торжествами в Кремле неожиданное появление в Москве его вооружённого двумя пистолетами племянника, генерал понял, что утратил возможность монопольно распоряжаться информацией, поступившей из Н-ской части, и вскоре обо всём станет известно Андропову.

Пытаясь удержать ситуацию под контролем, не дать «территориалам» единолично распорядиться информацией, а также создать видимость проверки сигнала, Цвигун приказал военному коменданту Кремля генерал-майору Шорникову посадить дядю дезертира в машину и ездить с ним по маршруту Кремль – «Внуково»: не мелькнёт ли в толпе москвичей, встречающих космонавтов, лицо племянника.

Эта изначально абсурдная идея призвана была притупить бдительность Андропова, внушить ему мысль, что задержание подозрительного младшего лейтенанта – дело каких-нибудь пятнадцати минут.

Однако Юрию Владимировичу сам

факт отвлечения коменданта Кремля от исполнения его прямых обязанностей – руководства охраной вверенной территории – показался в высшей мере странным. Кроме того, Цвигун почему-то не торопился с раздачей фотографий Ильина стоящим в оцеплении сотрудникам милиции и КГБ...

И последнее. Последнее по счёту, но отнюдь не по важности.

Когда Брежнев, Косыгин и Подгорный погрузились в правительственную машину, в ней раздался телефонный звонок. Трубку взял адъютант генсека Г. Петров. Звонил Цвигун, просил к телефону Брежнева. Не вдаваясь в подробности, он порекомендовал Леониду Ильичу сделать во время движения перестроение и следовать в кортеже под номером «три».

Значит, Цвигун отдавал себе отчёт, что ожидаемые от Ильина враждебные проявления нацелены на Брежнева и находящиеся с ним в машине лиц? Подстраховывался Семён Кузьмич не потому, что пёкся о государственной безопасности и о престиже державы. Потерять своего драгоценного родственника и покровителя – это же собственной смерти подобно!

В предупреждении, сделанном в последний момент, был скрыт тонкий расчёт.

Во-первых, последние слова, как и тот, кто их произносит, лучше запоминаются. Во-вторых, зачем мешать Ильину совершить то, что он задумал? Надо «замкнуть» его на другой объект, и пусть себе стреляет. Спрос-то всё равно будет с Андропова: он же пока во главе государственной безопасности. И дай Бог, чтобы этот младший лейтенант наделал побольше шума! А если кого и угрожает – всем станет ясно несостоятельность рафинированного хлыща в должности председателя КГБ.

А что же Андропов? Неужели доверился заму и отдал всё на откуп слушаю?

Искусственно созданный Цвигуном цейтнот не позволил Андропову эффективно использовать всю кагэбэшную рать – тайных агентов, которым было вменено в обязанность присутствовать в толпах москвичей по пути следования космонавтов. Не были они вовремя снабжены и фотографиями террориста. А то, что Ильин прибыл в Москву для совершения террористического акта, у Андропова сомнений не вызывало. Догадался председатель и о том, что и заместитель его тоже не питает иллюзий в отношении намерений вооружённого двумя пистолетами лейтенанта. А меры по его розыску, инициированные Цвигуном, носят лишь демонстративный и отвлекающий характер.

Вообще, как только Андропову доложили, что террорист – офицер, у него мелькнула мысль: не заговор ли это военной контрразведки, находившейся в ведении и под патронажем генерала Цвигуна? Но идею эту Андропов отверг сразу – авторитет Семёна Кузьмича в офицерской среде нулевой. Значит, он просто пытается воспользоваться шансом, предоставленным ему судьбой. Убийства Брежнева он не желает – это ясно, но пассивно потворствовать возникновению скандала – это в его интересах. Ведь он считает себя обойдённым.

Опасность возникновения скандала заставила Андропова действовать энергично. По его указанию была усилена охрана Кремля и подъездов к нему со стороны Боровицких и Спасских ворот (они рассматривались как запасной въезд) надёжными оперативниками из центрального аппарата КГБ.

Затем он отдал распоряжение председателю Государственного комитета по телевидению и радиовещанию беспрестанно передавать в эфир информацию о порядке следования машин в кортеже, подчёркивая, что во втором автомобиле находятся Брежнев, Косыгин, Подгорный.

Последнее, что сделал Андропов перед тем, как Ильин нажал на спусковой крючок, – позвонил в машину Брежневу и предложил немедленно перестроиться, заняв в кавалькаде последнее, пятое место.

Перечить Леонид Ильич не стал, тем более что это было уже второе предупреждение от высших чинов госбезопасности! Конспиратор он был отменный, поэтому, положив трубку, с наигранным недоумением обратился к Косыгину и Подгорному:

– А мы-то чего лезем вперёд? Кого чествуют, нас или космонавтов? Скромнее надо быть, товарищи, скромнее...

Отодвинув задвижку разделяющей салон перегородки, скомандовал водителю:

– Ну-ка, Виктор, быстро в хвост колонны... Чтoбы мы последними были!

Когда стихли выстрелы, лимузин с «тройцей» рванул в Кремль и тут же врезался в машину «скорой помощи», мчащуюся на звук палёбы.

При ударе Брежнева отбросило на перегородку, и он рассёк в кровь бровь. Поэтому награды, как это видела вся страна, космонавтам вручал Подгорный...

Кстати, после инцидента у Боровицких высшее руководство страны никогда более не садилось одновременно в одну машину или самолёт. Опасалось рецидивов «Боровицкого синдрома».

Современного человека динозавры «обложили», как охотники волчью стаю. Жутковатые морды доисторических ящеров смотрят на нас с рекламных плакатов, вывесок, товарных упаковок, порывают с телеэкранов, зазывают в планетарии и диснейленды.

Такая раскрученность ископаемых рептилий, приносящая бизнесменам всех мастей хорошую прибыль, строго говоря, возражений не вызывает. Пришельцы из вечности заслужили эту свалившуюся на них всемирную популярность. Своими громадными размерами, необычностью облика, разнообразием форм древние твари потрясают воображение, вызывая у людей изумление, любопытство, восторженный ужас. Кроме того, динозавры несут в себе некую тайну. Почему они все вымерли? А может быть, не все? Многие дети (да только ли они?!) живут с затаённой мечтой увидеть когда-нибудь живого динозавра, уцелевшего в передрыгках эволюции «всей науке-скуке вопреки».

Всё так. И тем не менее становится обидно за других животных – представителей далёкого прошлого Земли, – оказавшихся в тени знаменитых «драконов». В самом деле, жизнь на нашей планете возникла примерно три с половиной миллиарда лет назад. История многоклеточных существ втрое короче. В этой толще времени эпоха ископаемых ящеров занимает всего сто миллионов лет. Ну а другие периоды «бурной молодости» космического дома человечества? Неужели там не было своих «героев», достойных внимания? Судить об этом предстоит вам, уважаемые читатели, после знакомства с материалами новой рубрики «В тени динозавров».

Юлия Дунаева

У НОСОРОГА – ВЕЛИКИЕ ПРЕДКИ

Нынешний обитатель тропиков имеет сибирские корни.

Шерстистый носорог с его колоритной внешностью часто служил «моделью» первобытным художникам

Гигантский носорог, живший в олигоцене, был вдвое выше слона и мамонта; человек не рядом с ним кажется палочкой

ОНИ ЛЮБИЛИ ЛАВРОВЫЕ ЛИСТЬЯ...

В 1912 году в Тургайской степи (Центральный Казахстан) были обнаружены в земле остатки какого-то животного громадных размеров. Спустя три года российский палеонтолог, будущий академик Алексей Борисяк, описывая находку, сделал заключение, что ископаемый исполин – представитель ранее неизвестной группы носорогов. Учёный назвал животное индрикотерием – в честь мифического зверя индрика, как в старину на русский манер называли единорога. Позднее, когда в руки учёных попали кости этих вымерших тварей и из других мест, посланцев далёкого прошлого объединили в целое семейство индрикотериев, или гигантских носорогов. Правда, здесь не обошлось без курьёза. Существа получившие имя единорога, никаких костяных выростов ни на носу, ни на лбу не имели, хотя их близкое родство с носорогами несомненно.

Главная отличительная черта индрикотериев – их гигантские размеры. Это были самые крупные млекопитающие, которые когда-либо населяли Землю. Животные, обитавшие на территории современного Казахстана, достигали 5 метров в холке, а плечи их сородичей из Пакистана и Монголии возвышались над окружающей местностью на 5 метров 30 сантиметров. Длина тела этого исполина составляла восемь метров, а головы – метр двадцать. Под брюхом зверя легко мог бы проехать средних размеров грузовик. Но природе-затеице, как видно, и этого показалось мало, и она наградила некоторых индрикотериев удлинённой, почти как у жирафа, шеей. Впрочем, данная конструкция могла приносить практическую пользу, помогая доставать листья с самой верхушки дерева.

Гигантские носороги жили в олигоцене. Эта эпоха в геологической истории Земли началась примерно 38 миллионов лет назад и продолжалась полтора десятка миллионов лет. Тогда широкий пролив, соединявший Каспийское море с Северным Ледовитым океаном, превратился в несколько самостоятельных водных бассейнов. Просторы Азии в тот период покрывали густые вечнозелёные леса, где росли лавры, кипарисы и секвойи. Леса переходили в более сухие лесостепи с богатой кустарниковой и древесной растительностью. Стада копытных «вегетарианцев» неспешно переходили от одной рощи к другой, поедая кору и листья вечнозелёных деревьев и кустарников.

В начале миоцена, сменившего олигоцен, вечнозелёные леса уступили место листопадным. Это говорит о том, что климат здесь стал холоднее и засушливее. В новых условиях гигантские носороги уже не могли прокормиться и постепенно вымерли.

...И РАЗДЕЛИЛИ УЧАСТЬ СВОИХ СПУТНИКОВ – МАМОНТОВ

«Зимой 1771 года найдено якутами, на охоту ездившими, на реке Вилуе, тело большого зверя, называемого носорогом, от которого управитель Вилуйского зимовья по имени Иван Аргунов, чрез Якутскую Канцелярию, прислал к Иркутскому генерал-губернатору Брилю голову с одною заднею и с другою переднею ногою. В уведомлении о том от 17 января 1772 года упомянуто, что сие мертвое и уже очень согнившее животное найдено в декабре месяце, до половины в песке лежащее, верст за 40 выше Вилуйского зимовья... На самом том месте оно было вымерено и найдено в нем длины 3 с четвертью аршина, а вышину сочли в полтретья аршина. Все тело животного имело еще натуральную толщину с кожей, но так разрушилось, что кроме ног и головы ничего целого привезти было не можно: голова же и ноги для редкости присланы были в Иркутск, а третья нога – в Якутскую Канцелярию» – так писал российский академик и путешественник Петр Симон Паллас о самой ранней из известных сибирских находок вымершего шерстистого носорога. Странствиями этого учёного две ноги и голову найденного на Вилуе зверя впоследствии из Иркутска перевезли в Петербург, в Академию наук. Их и сейчас можно увидеть в экспозиции Зоологического музея.

Шерстистый носорог был, в общем-то, похож на своих современ-

«Безрогие единороги» – индрикотерии – остались в истории Земли гулливерами среди теплокровных животных.

ных собратьев. Он достигал в холке двух метров высоты и весил около трёх тонн. Его нос украшали два рога, причём передний рог мог быть очень длинным – до одного метра. Но самая характерная примета этого животного (обусловившая его название) – густая длинная шерсть с подшёрстком, покрывавшая всё тело. Предположительно она имела бурую окраску, более тёмную на спине и боках и светлее на голове и возле хвоста. Судя по всему, зверь был хорошо приспособлен к жизни в холодном климате. От лютых морозов его защищала очень толстая – до двух сантиметров – кожа. На случай «перебоев» с кормами на спине имелся горб с запасом жира. Благодаря сплошной носовой перегородке передняя часть морды была очень крепкой. Пользуясь рогами, животное могло рыть землю в поисках съедобных корней, а зимой доставать пищу из-под снега.

Шерстистый носорог жил на всей территории Евразийского континента – от Южной Кореи до Испании и от Шотландии до Восточной Сибири. Он появился приблизительно 350 тысяч лет назад, а вымер, по геологическим меркам, совсем недавно – всего за 80–100 веков до н. э. Первобытные предки людей хорошо знали это животное. Они охотились на него и изображали на стенах пещер. Волосатый рогач – современник и постоянный спутник мамонта, с которым они делили свои кормовые угодья – тундру и лесотундру. Носорожье «меню» составляли травы, мхи и лишайники. Жил этот зверь небольшими семей-

ными группами. Как видно по повреждениям костей черепов, между взрослыми самцами и даже между самцами и самками нередко происходили кровопролитные стычки.

Ископаемые остатки шерстистого носорога находили и в средневековой Европе, однако трактовались подобные находки в духе той мрачной эпохи. Например, в 1335 году в болоте близ города Клагенфурт (Австрия) обнаружили череп неизвестного крупного животного. Сегодня учёные знают, что он принадлежал шерстистому носорогу. Но семь веков назад все считали эти кости остатками того самого дракона, который, согласно легенде, с незапамятных времен был проклятием города. Люди верили, что злые чары некоего змея заставляли реку Глан постоянно размывать переправу, и такая «деятельность» приводила к человеческим жертвам. Не случайно название города – Клагенфурт – означает «Брод плача».

Найденный череп, дабы не допустить возвращения к жизни зловредной рептилии, сковали цепями и повесили в местной церкви. Там он был выставлен на всеобщее обозрение в течение многих лет. В 1590 году скульптор Ульрих Фогельзанг создал фонтан на главной площади города. По замыслу автора, вода вытекала из пасти «хозяина» «мёртвой головы» – дракона Линдвурма. Сейчас этот водомёт – главная достопримечательность Клагенфурта. Ну а череп шерстистого носорога, послуживший основой для курьёзной «реконструкции» зверя, хранится в местном краеведческом музее.

ТЕАТР ВОЙНЫ

Апофеоз древнеримской архитектуры.
Колизей более четырех столетий был
ареной кровавых ристалищ

Во второй половине I века н. э. римская держава переживала тяжёлые времена. Император Нерон (находился у власти в 54–68 гг.) совсем не заботился об управлении государством. Он вёл себя так, будто весь мир существует для его личного удовольствия. Жизнь правителя до краёв была наполнена разгулом, развратом, безудержным расточительством. Денежные поборы опустошили Италию; были ограблены даже храмы, у которых отобрали золото. По словам римского историка Светония, Нерон заявил однажды: «Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось!»

ДВОРЕЦ НА ПЕПЕЛИЩЕ

В 64 году страшный пожар уничтожил большую часть Рима. Вряд ли Нерон был виновником этого бедствия, как пытались представить его противники. Но среди жителей столицы, намереваясь построить на пепелище новый город – в соответствии со своими амбициозными вкусами. Чтобы отвести от себя подобные обвинения, Нерон объявил поджигателями живших в Риме христиан, которых подвергли за это не совершённое ими преступление жестоким казням. А на освободившемся после пожара месте появился Золотой дворец – самая грандиозная постройка жестокого и тщеславного правителя Рима.

Этот архитектурный комплекс, занимавший огромную площадь в центре города, поражаёл воображение современников не только размерами, но и роскошью внутреннего убранства. Впрочем, вновь дадим слово Светонию: «Внутри (дворца. – Ю. Т.) был пруд, подобный морю, окружённый строениями, подобными городам, а затем – поля, пестреющие пашнями, лесами и виноградниками, и на них – мно-

жество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоех всё было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами...»

В прихожей дворца стояла статуя Нерона, высота которой – около 36 метров – сопоставима с размерами Колосса Родосского (правда, её в отличие от последнего никому не приходило в голову считать одним из чудес света – уж очень одиозным оказался прообраз этого памятника).

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ» В НАМНЕ

Император Веспасиан (69–79 гг.), пришедший к власти через год после падения Нерона, понимал, что доведённые нищетой до отчаяния римляне готовы поднять восстание. Необходимо было выпустить «пар недовольства» городского плебса, этих праздных пролетариев, требовавших «хлеба и зрелищ». Наиболее удачным способом решения такой задачи стало возведение громадного сооружения, где каждый желающий мог увидеть бои гладиаторов, а также схватки с дикими зверями и получить удовольствие от этого зрелища. Постройка была воздвигнута всего за восемь лет (72–80 гг.) на месте разрушенного дворца Нерона и получила название «амфитеатр Флавиев» в честь своих августейших «кураторов» – Веспасиана и его сына императора Тита (79–81 гг.), первых представителей новой династии. Но откуда же взялось слово «Колизей», с которым сегодня ассоциируется облик главной достопримечательности Вечного города? Согласно самой распространённой гипотезе, такое имя «подарила» арене стоявшая здесь до её постройки уже упомянутая гигантская статуя – колосс – Нерона. Амфитеатр Флавиев со временем стали называть Колоссеумом, а впоследствии – в результате трансформации слова – Колизеем.

Чудо по циркулю

В 1967 году в Москве вышел первый том серии «Памятники мирового искусства», посвящённый зодчеству, живописи и ваянию Италии XVI века. Затем на протяжении трёх десятилетий было выпущено ещё восемь книг. Напечатанные на мелованной бумаге, они содержали репродукции картин великих художников, фотографии шедевров архитектуры разных стран и народов, начиная от сооружений Древнего Египта и кончая произведениями мастеров XX столетия. Полистав фолианты, читатель мог увидеть пирамиду Хеопса и Колизей, собор Святого Петра в Риме и старинные дворцы, храмы Москвы и Петербурга, а также прославленные здания и целые ансамбли Парижа, Вены, Праги, Дрездена, Венеции и других городов. К сожалению, из-за нехватки средств выпустить запланированный 12-томник не удалось. Астрономический по нынешним меркам тираж издания – 72 тысячи экземпляров – оказался мизерным для армии любителей прекрасного. Выходящие сегодня небольшими тиражами книги и альбомы по этой теме безумно дороги и недоступны массовому читателю. Пытаясь удовлетворить «художественный голод», многие стремятся отправиться в путешествие, чтобы полюбоваться рукотворными чудесами Акрополя и Нотр-Дама, Московского Кремля и Петергофа... Впрочем, такие поездки не всегда в полной мере оправдывают ожидания. Турфирмы, которым в «застывшей музыке» слышится только звон монет (точнее, шелест купюр), «прокручивают» её с «космической» скоростью, поэтому впечатлений от общения с шедеврами остаётся совсем немного. Да и что греха таить, нередко сам турист не подготовлен к восприятию красоты, и по прибытии на место его влекут не музеи и древние памятники, а объекты иного рода. Для тех же, у кого тяга к прекрасному сильнее «презренной прозы жизни», кто не поддаётся её искушениям, мы открываем рубрику «Чудо по циркулю», где читателя ждёт встреча с выдающимися творениями зодчих прошлых веков – храмами, дворцами, замками, крепостными сооружениями, памятниками садово-паркового искусства.

В плане Колизей представляет собой эллипс с общей окружностью 524 метра, большая ось сооружения равна 190 метрам, малая – 156. Арена имеет большую ось размером 86 метров, малую – 54 метра. Высота постройки – около 50 метров. Амфитеатр вмещал до 50 тысяч зрителей.

Фасад Колизея – это грандиозная трёхъярусная аркада. Добавленный несколько позднее четвёртый ярус – мощная каменная стена – лишён арок, но на его верху были оконные проёмы. Амфитеатр построен из местного туфа, внешние стены отделаны его пористой разновидностью – травертином приятного для глаз серого цвета. Гигантский фасад сооружения не кажется однообразным, поскольку стены первых трёх ярусов украшены множеством колонн с капителями дорического, ионического и коринфского ордера.

Для украшения помещений широко использовался мрамор, которым были облицованы даже сиденья. В нишах стен стояли мраморные бюсты знаменитых римлян – цезарей, полководцев, учёных, философов, поэтов.

Через 80 арок нижнего яруса зрители попадали в амфитеатр, а далее по радиально расположенным коридорам проходили на свои места. В нижнем ярусе находились императорская ложа и места для сенаторов. Второй и третий ярусы предназначались для лиц из сословия всадников и римских граждан. На самом верхнем, четвёртом, ярусе сидели вольноотпущенники – бывшие рабы, за какие-то заслуги получившие свободу, но тем не менее считавшиеся людьми «третьего сорта». Специально отведённые места были в Колизее для весталок (дев-жриц римской богини очага Весты), женатых мужчин из простого люда, несовершеннолетних и их наставников, женщин.

Система входов, выходов, лестниц амфитеатра была настолько хорошо продуманной, что в случае опасности все

зрители могли покинуть его за несколько минут без особой толчеи. Имелась здесь и своя вентиляция, в частности с использованием арок и окон верхних ярусов, а это было весьма существенно при здешнем жарком климате. Для защиты от палящего солнца или ливня над ареной и «трибунами» при помощи мачт и канатов натягивался тент-виларий.

Под ареной находилось множество служебных помещений и коридоров, в том числе комнаты для пребывания гладиаторов и клетки для зверей.

Колизей стал высшим достижением древнеримских зодчих. Римский поэт Марк Валерий Марциал (40–104 гг.) так писал об этом шедевре: «Все чудеса мира уступают творению цезарей римских, больше всего Колизей славит людская молва».

СМЕРТЬ НА БИС

При всём сходстве Колизея с современными стадионами он не был местом спортивных соревнований. Проходившие здесь гладиаторские бои, которые римляне позаимствовали у покорённых ими этрусков, скорее можно назвать кровавой трагедией, причём её концовка до последнего момента оставалась никому не известной.

Зрители болели за своих любимцев, громкими криками подбадривали их, язвительно оскорбляли их противников, с удовольствием осознавая, что жизнь сражающихся находится в распоряжении «болельщиков». Ибо каждый из публики решал судьбу поверженного, поскольку мог жестом руки с опущенным большим пальцем отправить неудачника в мир мёртвых. При этом роковой вердикт выносился не в тишине судебного заседания, а под «аккомпанемент» яростных выкриков зрителей: «добей!», «жизнь!», «смерть!». Амфитеатр содрогался от возгласов, заглушавших стоны и молибы раненых бойцов.

Многие римляне мечтали разбогатеть, и организация гладиаторских боев открывала путь к успеху. Дело это было не простым. Требовалось найти здоровых и сильных рабов, обучить их ведению боя с применением разных видов оружия. Подготовленные в частных и государственных школах гладиаторы (от латинского слова «гладиус» – меч), выступали на арене Колизея и в других местах, демонстрируя хладнокровие, отвагу, способность преодолевать боль и другие бойцовские качества. Колизей работал почти в ежедневном режиме, а для этого нужны были многие тысячи опытных бойцов. Кроме того, требовалось большое число диких животных, особенно львов, тигров, пантер и других хищников. На празднествах, посвящённых открытию амфитеатра Флавиев, только за два первых месяца было убито свыше пяти тысяч зверей и несколько сот гладиаторов! Но публика, требующая «хлеба и зрелищ», была в восторге. Колизей с лихвой оправдал надежды цезарей. Жизнь раба стоила недорого, и вооружённые люди на арене под восторженный рев десятков тысяч зрителей резали, кололи друг друга самым чудовищным образом. Битвы гладиаторов затмили славу римских театров; последние не могли собрать и сотой доли от той «армии» зрителей, которая приходила в Колизей. Лишь немногие бойцы, победившие в десятках поединков, обретали свободу. В этих удалцов влюблялись самые знатные и красивые римлянки. Слава о них пережила века. Одним из таких мастеров арены был вождь восставших рабов Спартак.

Конец гладиаторским боям положило христианство. Когда оно обрело статус единственной официальной религии Римской империи (это произошло в конце IV века), арена амфитеатра Флавиев перестала обогреться кровью. Колизей разрушался в результате землетрясений, а также людьми, которые выламывали из древней постройки камни для сооружения новых строений. В конце XVII столетия на его территории велись археологические раскопки, в XIX веке здесь начались реставрационные работы, которые продолжаются и сегодня.

Рисунки Бориса Косульников

А. Армстронг ДУХ В БУТЫЛКЕ

Рассказ

Банковский клерк Гэмфри Левисон истратил всё небольшое теткинo наследство на поездку в Италию. Сидя на станции Виктория туманным декабрьским днём, он должен был сознаться, что чрезвычайно глупо и попусту растратил деньги. Нелепый романтизм. А назавтра опять служба, банк. И тем не менее, спускаясь в метрополитен, Гэмфри твёрдо решил не возвращаться вечером домой и последние три фунта прокутить в отеле Блумсбэри. Через четверть часа он медленно поднимался по ступенькам отеля со своим чемоданом, оклеенным заграничными ярлыками, с видом богача, у которого только что сломался автомобиль.

Ужин в отеле Блумсбэри совсем не романтичен после изумительных спагетти, и «оссо буко», и чудесного кьянти. Сперва Гэмфри с видом рассеянного космополита заказал «фритто мисто», потом «по ошибке» обратился к лакею по-итальянски – и не совсем удачно, потому что официант оказался природным итальянцем, – и затем пришёл в благородное негодование, не найдя в карточке вин кьянти.

Официант рассыпался в извинениях, шепнул, что сможет достать ему кьянти из ближайшей лавочки, и Гэмфри величественно заказал ему две «фьяски» (бутылки), желая захватить одну с собою на ночь.

Было уже позже одиннадцати, когда Гэмфри вышел из ресторана. Он рассказывал группе поражённых провинциалов о красотах солнечной Италии, но это была его лебединая песня. Завтра этот светский человек опять станет банковским клерком. И оставшись один в своём номере, он взял вторую бутылку, чтобы сказать последнее прости Италии.

Вино, должно быть, было очень старое; бутылка была запечатана старинной восковой печатью, и пыль покрывала её толстым слоем. Гэмфри даже подумал, что официант ошибся, отдав ему эту бутылку всего за пять шиллингов. Он соскоблил восковую печать – она была твёрже железа – и попробовал откупорить бутылку, но пробка, видимо, разбухла от долголетнего сидения в горлышке и не поддавалась.

Гэмфри, поднатужившись, вытащил её и вскрикнул от негодования. Бутылка оказалась пуста. Только лёгкий зеленоватый дымок выходил из неё и расплывался в воздухе. Вино испарилось или высохло – словом, вина не оказалось. Гэмфри обвинял уже официанта в жульничестве, но вдруг увидел, что зеленоватый дымок, выходящий из горлышка, собирается и уплотняется в углу комнаты. Дым был очень густой, и Гэмфри, боясь отравы, бросился к окну.

На полдороге он остановился и замер. Потом в удивлении опустил

кресло. Какой странный дым!.. Дым не собирается в один угол, не уплотняется в этом самом углу, не сгущается до степени твёрдости. «И потом, – думал в ужасе Гэмфри, – даже самый плотный, конденсированный дым не принимает формы человеческой фигуры».

Несомненно, человеческая фигура. Зеленоватая, полуплотная, полугазообразная фигура, одетая в развевающиеся одежды из тумана и в тюрбане из того же непрочного материала. Вылитый арабский шейх. Вот появилась склонившаяся голова, вот обозначились руки и почтительно сложенные ладони...

Гэмфри сорвал воротничок, отвернулся, помотал головой, снова поглядел. Шейх все ещё качался в углу, и вид у него был много плотнее. И кланялся он еще почтительнее.

– Что... вам угодно? – пробормотал наконец Гэмфри и сам не узнал своего голоса. Затем он быстро протянул руку к звонку.

– Что прикажешь, повелитель? – раздался голос из дыма, такой же бесформенный и странный, как и его обладатель.

– Прикажу? – вскрикнул Гэмфри и потянулся к звонку.

Но не позвонил. Теперь, держа палец на кнопке, он немного успокоился, и его стало разбирать любопытство. Он удивлённо смотрел то на духа, то на бутылку. Потом к нему вернулась обычная сообразительность.

– Слушайте, вы. Я хочу бутылку кьянти, – начал он. – Такое надувательство! Я заплачу!...

Туманный шейх исчез и вновь появился с бутылкой кьянти. Гэмфри протёр глаза: да, стало две бутылки – одна пустая, другая полная. Но он не снял палец с кнопки.

– Откуда вы её раздобыли? – спросил он наконец.

– В лавке на соседнем базаре.

– Неужели это правда? Я хочу сказать... Дайте стакан.

Опять дух заколебался, и в руке Гэмфри очутился стакан вина. Да-да, минуту назад стакан стоял на столе, а бутылка была закупорена. Он выпил. Чудесный напиток! Настолько чудесный, что он забыл о кнопке и налил себе ещё стакан.

– В чём дело? – спросил он наконец, чувствуя прилив храбрости. – Почему вы явились сюда и поите меня вином?

– Ты – мой повелитель, – просто сказала фигура в тюрбане. – Ты должен приказывать, а я – подчиняться и приносить тебе всё, будь то редчайшие мази с другого края земли или красавица-рабыня.

– А вы можете влезть обратно? – заинтересовался Гэмфри, указывая на бутылку.

— Как? — запнулся дух. — О да, конечно, могу...

— А ну-ка, покажите, как вы это можете.

— Прекрасную рабыню, господин? — спросил дух.

— Да нет, как вы влезете в бутылку.

Нижние части одежды шейха закрутились, как тампон ваты, и стали влезать в бутылочное горло.

— Стоп! Довольно! Вижу! — воскликнул Гэмфри.

Фигура застыла.

— Я могу, — несколько сердито продолжала она, — слетать на базар и принести шербету; я джинн...

— Принести джинну? — снова заинтересовался Гэмфри.

Джинн с трудом сдержался. Он сделал уже три попытки произнести свою вступительную речь, и его каждый раз обрывали. Он был самолюбив, этот старый джинн.

— Как вас зовут? — спросил Гэмфри.

— Это тайна, — загадочно ответил джинн. — Ты можешь называть меня как угодно.

— Ладно, буду вас звать Джинджером, — сказал Гэмфри, подумав и осушив стакан кьянти. — Джинджер-джинн! Поняли? Довольно благозвучно...

Джинн, видимо, остался недоволен таким именем.

— Что прикажешь? — грозно спросил он.

Но теперь Гэмфри не так-то легко было напугать. Он читал «Тысячу и одну ночь» и знал, что джинн в частных руках является блестящим разрешением проблемы прислуги, потому что джинны беспрекословно слушаются своих владельцев. А теперь он, очевидно, стал собственником беспризорного джинна.

— Ну, что же вы можете делать? — спросил он.

— Всё, — просто ответил джинн.

— Ладно! Достаньте тысячу фунтов.

— К сожалению, — сказал джинн, — нам не разрешено доставать наличность и вообще ценности.

— Ну, коли так, Джинджер, несите меня обратно в Италию, — скомандовал Гэмфри.

Гэмфри пожалел о своих словах. Думая, что странный зелёный джинн только хвастает, он задал ему трудную задачу. Вспыхнул свет, пронёсся порыв ледяного ветра. И он очутился на вершине голой скалы. Ниже стлался густой туман, выше мерцали звёзды. Было отчаянно холодно, а Гэмфри был одет совсем легко.

— Куда мы попали? — крикнул он, дрожа от холода.

— Италия, — гордо ответил джинн.

— Самый центр. Одна из апеннинских вершин.

— Бр-р... А который час?

— Ночь, конечно. В Англии сейчас пятница.

Гэмфри увидел, что попал впросак. У него с собой не было денег.

— Задний ход! — скомандовал Гэмфри. — Хочу домой.

Джинн немного удивился, но послушался.

Через пять минут, пролетев через каминную трубу в свой номер, Гэмфри начал понемногу согреваться и приходил в себя. Джинн хмуро покачивался в уголке. О своем новом хозяине он, очевидно, был весьма невысокого мнения. Тот, например, ни разу не потребовал от него ни шербета, ни девушки-рабыни. А у старика были свои навыки и привычки.

— Слушайте-ка, Джинджер, — сказал Гэмфри, чувствуя, что пока никакой пользы от столь ценного приобретения он не мог добиться. — Если вам нельзя принести мне денег, то какой толк от вас?

— Другие хозяева, — обидчиво ответил джинн, — умели немного пошевелить мозгами. Они умели найти способы, — и он обиженно замолк.

— Ага, — задумчиво произнес Гэмфри. — Дайте-ка мне старого бренди, и я подумаю.

Бренди очутился в его кулаке так неожиданно быстро, что он чуть не выронил его. Из угла донесся звук — не то скрип, не то смешок.

Гэмфри пришла в голову счастливая мысль... он вдруг увидел себя на сцене в роли фокусника, проделывающего с помощью джинна непостижимые трюки.

Он немедленно начал прельщать недовольного джинна, лстить ему, расхваливать его силу, пока, наконец, тот не пришел в благодушное настроение, начал мурлыкать, как кот, и бормотать длинную легенду о Востоке и делиться своими воспоминаниями о славных днях Аладдина.

— Ну, дружище Джинджер, — сказал Гэмфри, у которого окончательно созрел план действий, — видите этот чемодан на постели? Ну, предположим, я говорю: «Заставьте его исчезнуть, но так, чтобы это никто не видел».

— Детская забава, — весело откликнулся джинн.

— А ну-ка!

В мгновение ока джинн исчез. А с ним вместе и чемодан.

Гэмфри испугался. Раз джинн исчез, кому же теперь отдавать приказания...

Потом он сообразил, что раз джинн живет в бутылке, которая находится на столе, то и сам джинн не может быть далеко.

— Разве это тебе не нравится, повелитель? — произнес голос за его спиной, и, обернувшись, Гэмфри увидел, что джинн появился снова и, улыбаясь, смотрит на него. Но чемодан пропал.

— Замечательно. А где чемодан? В воздухе?

— Нет-нет. Я его спрятал. Ведь я его не могу превратить в невидимку, а должен куда-нибудь спрятать.

— Ну а куда, например?

— Я положил его на постель в соседней комнате, — добавил джинн.

— Но, может быть, в постели кто-нибудь спал?

— Возможно, — согласился джинн.

— Не может быть, а так и есть! — воскликнул Гэмфри, услышав чей-то вздох за стеной и бормотание. — Несите чемодан назад.

Чемодан появился.

— Она его сбросила на пол, — любезно сообщил джинн. — Сейчас она была в обмороке и, очнувшись, думает, что ей приснилось. Толстая женщина во фланелевой...

— Слушайте, Джинджер, старина, — строго сказал Гэмфри. — Пожалуйста, поосторожнее. Я человек холостой и не имею права разбрасывать свои чемоданы по дамским спальням. Кстати, вы женаты?..

— По милости аллаха, у меня девять ност три жены.

— Как! Тогда... ступайте домой, — сказал Гэмфри и задумчиво смотрел, как джинн с криком полез в бутылку.

Когда последний дымок рассеялся, он заткнул бутылку, тщательно завязал её и положил в чемодан. Потом лёг в постель и с трудом вспоминал всё, что случилось. И, засыпая, решил, что это от кьянти.

На следующее утро он смеялся над своим ночным бредом. Ах, это предательское кьянти! Потом он вдруг поперхнулся, увидев стакан и бренди, и тут же вытащил из чемодана вторую, таинственную бутылку.

Он быстро вытащил пробку и заглянул внутрь. Показался лёгкий дымок, и глухой голос забормotal:

— Помолитесь спокойно не дадут.

Гэмфри заткнул бутылку, сел на край постели и задумался. Итак, это не сон. А если так, то и богатство вполне достижимо. До полудня он обдумывал план действий. В нём заговорила деловая жилка.

После завтрака он вынул пробку, и дух выплыл из бутылки.

— У вас сегодня очень хороший вид, Джинджер, — польстил ему для начала Гэмфри.

Джинн приятно улыбнулся. Не часто с ним так мило обходились. Гораздо чаще ему говорили: «Эй, ты! Убери к чёрту моего соперника!»

И он должен был тащить соперника в Самарканд. Вскоре у него в Самарканде скопилось недурная коллекция соперников всех времен и народов.

— Вы помните этот маленький фокус с чемоданом? — вкрадчиво спросил Гэмфри.

— Да, повелитель.

— Ну а если я вас возьму с собой к приятелю, спрячу за ширмой и попрошу повторить фокус так, чтобы он вас не видел? Можете?

Джинн презрительно махнул прозрачной рукой.

— Тогда идёмте.

Через час Гэмфри Левисон сидел в кабинете директора «Палисума». Толстяк сперва ни за что не хотел его принимать; тогда Гэмфри выпустил на минуту Джинджера, который мгновенно доставил его в кабинет. Это так поразило толстяка, что Гэмфри должен был расстегнуть ему воротник и поливать водой, пока тот перестал удивляться. Директор оправился и сказал:

— Конечно, мистер Левисон, предлагаемый вами фокус — таинственное и полное исчезновение человека с освещённой сцены — может в некоторой степени украсить мою программу. Но, разумеется, не на следующей неделе. И потом, я не знаю, насколько повышение сборов сможет оправдать расходы на рекламу.

— Я предлагаю, — твёрдо сказал Гэмфри, откупоривая бутылку, — начать свои выступления со следующего понедельника по обычным ценам и почти без рекламы, а со вторника назначить повышенные цены.

— Ну, это уже из области чудес, — сказал директор, видимо, заканчивая беседу. — А впрочем, посмотрим. Покажите свой фокус.

Гэмфри потребовал ширмы, зашел за них и выпустил джинна.

— Ну-с, — спросил он директора, — с кого начать? С вас?

Тот быстро сказал, что обычно испытания производит его личный секретарь и позвал худенького, нервного молодого человека.

— Теперь смотрите, — сказал Гэмфри и шепнул за ширму джинну приказание. Блеснул свет. Секретарь исчез.

— Ай! — воскликнул директор. — Как это вы?..

Он обыскал комнату, заглянул под стол, заглянул даже в соседнюю комнату.

— Да, это чудо! — сказал он наконец.

— Да я вам составлю состояние, если вы предоставите мне монопольное право на определенный срок.

— Ладно, — добродушно сказал Гэмфри. — Согласен.

Директор был так поражён, что дважды звонил секретарю, прежде чем вспомнил, что его нет. Тогда он обратился к Гэмфри; тот шепнул джинну, и бледный секретарь явился, бормоча что-то о дамской спальне. Тут Гэмфри вспомнил, что забыл назначить место выгрузки своей жертвы; он понял, что исполнительный, но туповатый джинн утащил секретаря в ту же постель, что и чемодан вчера, и решил сделать джинну серьезное замечание.

Через полчаса он выходил из театра с подписанным контрактом, крупным авансом и директорской сигарой в зубах. Гэмфри немедленно принял за осуществление своего плана. Переселился в дорогой, шикарный отель, занял две комнаты: спальню для себя и гостиную для своих освещенных жертв. Потом он купил фрак и открыл в банке текущий счет.

В первый же вечер Гэмфри выступил с большим успехом. Он начал с того, что у публики стали исчезать вещи; ловкий джинн показывал чудеса проворства и рекорд быстроты. Потом Гэмфри приступил к гвоздю программы, предложив любому из зрителей выйти на сцену, обещая, что он исчезнет со сцены на глазах у публики при полном освещении. Он заявил, что его трюк никогда ещё не был раскрыт, что он работает без помощи «волшебных ящичков» и единственный приспособлением будет маленькая ширма в глубине сцены, за которой он сам будет находиться. За ширмой, разумеется, были бутылка и джинн, который не меньше хозяина волновался перед столь ответственным и, главное, первым публичным выступлением за много тысяч лет.

После некоторого замешательства на сцену вышел молодой человек и по приказанию Гэмфри вдруг бесследно исчез на глазах у всех. Всеобщее удивление... Когда молодой человек появился снова, вся зала задрожала от аплодисментов. Гэмфри вышел из театра пьяным от оваций, а на следующее утро все газеты писали о замечательном фокуснике.

Каждый вечер театр был переполнен, несмотря на повышенные цены. Директор законтрактовал Гэмфри на несколько месяцев и заплатил солидный куш вперёд. Газеты пытались объяснить его фокус; интервьюировали его и тех, кто подвергался опыту. Зрители уверяли, что видели вспышку света, после чего жертва исчезала. Жертвы в один голос утверждали, что за время исчезновения успели побывать в какой-то гостинице — очевидно, в отеле. А одна леди, спиритически настроенная, уверяла, что видела ангелов и имела продолжительную беседу с духом Юлия Цезаря.

К концу недели на текущем счету у Гэмфри лежало больше двух тысяч фунтов. Но он беспокоился о будущем. Джинн, привыкший к работе, начал скучать. Он выказывал решительное нежелание влезать в бутылку и всё настойчивее хотел выйти к рампе и раскланяться после номера. Его обуряло честолюбие. Гэмфри угрожал ему, и отношения стали натянутыми. Гроза разразилась в последний вечер недели. Вызвана она была тем, что Гэмфри прямо-таки загонял старика Джинджера, посылая его то за напитками, то за папиросами для своих друзей. Джинн не любил выполнять такие мелочи; в его возрасте ему трудно было по пустякам летать с такой быстротой, чтобы его не было видно. Он исполнял все приказания, но Гэмфри уловил в его мрачном взоре выражение: «Ну, погодите!»

С самого начала спектакля Джинн путал, подсовывал людям в карманы чужие вещи, глумливо обнаруживал несколько интимных предметов у уважаемых зрителей первых рядов, а когда дело дошло до гвоздя программы, публика, хотя и заинтересованная, злилась.

На этот раз для опыта выбрали молодую девушку; этим Гэмфри хотел смягчить Джинна, жаловавшегося, что в его возрасте трудно таскать неуклюжих мужчин.

Девушка вышла на середину сцены, а Гэмфри, став у ширмы, как обычно, шепнул Джинну:

– Несите в мою комнату.

Девушка исчезла.

Когда утихли аплодисменты и Джинн вернулся, Гэмфри шепнул:

– Тащите её обратно.

Девушка не появлялась.

– Тащите её сюда, – повторил сердито Гэмфри и заглянул за ширму.

– Нет, – сказал Джинн, скрестив руки.

– Живо. Или я... я закляну тебя таким словом, что ты не обрадуешься.

Джинн полез в бутылку, и Гэмфри никак не мог остановить его. А публика окончательно рассвирепела. Люди вскакивали с мест и вопили:

– Подавайте её сюда! Живо!

– Мне очень жаль, – начал он, – произошла маленькая...

Он испуганно замолк, увидев свирепого, краснолицего джентльмена, который кричал:

– Где моя дочь, негодяй? Отдай мою дочь!

Публика устремилась на сцену.

Гэмфри пустился бежать, схватив бутылку. Когда толпа ввалилась на сцену, он выбежал через актёрский выход, вскочил в такси и помчался в свой отель.

В панике он забыл, что в театре знают, где он живёт, и в результате и он, и

краснолицый папаша почти одновременно прибыли к его номеру.

– Где моя дочь?! Вы... вы её завлекли к себе! – ревел свирепый папаша, и его помощники забарабанили в дверь, которую Гэмфри едва успел запереть на замок.

– Нет... Она в полной безопасности... Небольшая ошибочка... – бормотал загнанный Гэмфри. – Она в гостиной рядом... они все туда попадают... Они только...

– Врёте! Врёте! – кричал папаша.

– Нет, право же... Уверю вас... – и Гэмфри распахнул дверь спальни.

Там, на постели, в глубоком обмороке лежала исчезнувшая девица. Мстительный Джинн сделал это нарочно.

Краснолицый джентльмен схватил кочергу. Гэмфри юркнул в соседнюю дверь, закрыл её на крючок и обратился за помощью к Джинну.

– Алло? – откликнулся тот, высовываясь из бутылки.

– Спасите меня! – вопил Гэмфри.

– Нет! – коротко заметил Джинн.

– Они меня убьют! Они...

– Что? – Джинн слегка заинтересовался. – Почему?

– Вы притащили ко мне в спальню девушку и не принесли обратно.

– Вот так штука! – удивился Джинн.

– Столько шума из-за девчонки. В дни моей юности...

– Ну да, да, да.

Дверь трещала, и Гэмфри некогда было выслушивать воспоминания Джинна.

– Спасите меня! Исполните только одну просьбу.

– Ага, – заметил Джинн. – Вы пошли на уступки...

– Исполните только одно приказание, и я никогда, никогда ни о чем вас не попрошу.

– Хорошо, согласен! – сказал Джинн.

– Унесите меня.

– Ты обещаешь закупорить меня и бросить в реку? Мне нужно отдохнуть сотню-другую лет.

– Да, да, обещаю.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Унеси меня с моим имуществом и деньгами в Америку.

– А где эта самая Америка? Никогда в жизни не слышал.

– Скорее! Дверь подается! Знаете Мексику?

– Знаю.

– Ну, Америка чуть подальше, повернув направо.

– Хорошо, – сказал Джинн, вылезая из бутылки.

Так Гэмфри Левисон попал в Америку. Он недавно писал мне, что вошёл пайщиком в фирму патентованных медикаментов и поставляет спирт докторам, а Джинн мирно покоится на дне Гудзона. Гэмфри часто рассказывает приятелям свою историю, и те верят.

В Америке любят слушать враки. Что касается меня, то я не очень-то, кажется, верю Гэмфри.

«Эликсир жизни», 1928

Публикация Р. Соколовского

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

ОСЁЛ И МАЛЕНЬКАЯ ТЕЛЕЖКА

У Чарльза Диккенса в пору его молодости был секретарь, некий Даниэль Тобин. Несмотря на неоднократные попытки писателя призвать Даниэля к порядку, тот, забыв всякие обязанности, постоянно сидел в пабе, а то и проводил ночь в компании пьющих друзей. Из-за непрерывного пьянства и кутежей он не только потерял работу, но и со временем стал странствующим нищим. Ходил по городам и деревням, картинно призывая соотечественников к состраданию и помощи. Диккенс не раз помогал Тобину, но в конце концов потерял всякую надежду на его исправление. Однажды писатель получил от Даниэля слёзное письмо, в котором тот умолял его о помощи: мол, ноги окончательно отказываются ему служить, и он, что называется, вот-вот отдаст концы, если бывший патрон не сжалится над ним и не подарит ему тележку. Домашние были возмущены этой наглою просьбой, однако Диккенс только молча улыбался. Через неделю Тобин появился у дверей дома писателя. Тот был в отлучке, но на дворе, где помещались службы, попрошайку ждал молодой симпатичный ослик и новенькая тележка.

ИСКУССТВО ВОПРОСИ...

С Борисом Михайловичем Кустодиевым я познакомился в 1896 году, когда мы оба поступили в Академию художеств. Ни по академическим эскизам Кустодиева, ни по другим работам начального периода его творчества нельзя было угадать будущего автора картин, театральных декораций, книжных иллюстраций, изображающих русскую жизнь, русскую природу, богато насыщенную сценами русского быта. Однажды Кустодиев позвал меня к себе, это было в 1904 году. Борис Михайлович оживлённо и с увлечением рассказывал о своём путешествии по Испании. Вспоминается, что в эти годы Кустодиев был совсем здоровым, подвижным и, как всегда, энергичным. Тогда ещё не были заметны признаки страшной болезни, которая проявила себя в сильной степени в 1912 году.

В дальнейшем мои более близкие встречи с Борисом Михайловичем происходили преимущественно в двадцатых годах. В это время он был известным художником, со своим, не похожим ни на кого творческим лицом. Как-то я был у него на Петроградской стороне на Введенской улице. Он был уже прикован к постели и передвигался по комнате в инвалидном кресле, двигая руками колёса. Творческая деятельность его достигла большого напряжения. Как будто неподвижность заставила его сосредоточить все свои усилия на любимом искусстве, найдя себя, он,

казалось, спешил воплотить все впечатления жизни и замыслы, которые рождались в его воображении и беспокоили его. Борис Михайлович стал показывать мне свои работы. Этот несчастный калека с горящими глазами говорил об искусстве. Вспоминаю, с каким увлечением Кустодиев расска-

Б. Кустодиев. Купчиха за самозхром

зывал мне о красоте и колоритности старой жизни, о богатстве и разнообразии её быта. «Какие самобытные типы давало, например, купечество, совсем особые — духовенство, и так каждое сословие: военные, дворянство, крестьянство, чиновничество...»

Кустодиев как бы спешил увековечить красоту старого быта, изоб-

ражая своих купчих, торговцев, купцов, катанье на тройках, базары, волжские города и многие другие явления ушедшей жизни... И что поражаало, здоровье его ухудшалось, он переносил мучительные процедуры лечения, ужасные страдания при операциях в области позвоночника, а в его многочисленных картинах страдания эти не только не отражались, но нельзя было найти и следы их. Наоборот, если не знать состояние здоровья Кустодиева, разве можно представить себе, что всё его бодрое, полное веселья, жизнерадостное творчество принадлежит измученному, прикованному к инвалидному креслу калеке! Он не мог видеть ни весёлых катаний, ни сельских праздников на масленице, ни деревенских базаров, ни конских ярмарок, ни московских трактиров, ни купчих, ни разнообразных картин природы. Все его картины оставляют у зрителя такое впечатление, как будто художник продолжал путешествовать по России, наблюдая повсюду красоту русской природы, пышущих здоровьем людей, их веселье...

Напряжение, с которым работал так долго Кустодиев, наконец, сказалось, силы ему изменили. Перед смертью он говорил: «Я устал, очень устал и работать больше не могу, не могу жить больше... и не хочу». Было Борису Михайловичу 49 лет.

П. И. Нерадовский.
«Из жизни художника»

КАК ВЫГЛЯДЕЛ САНТА-КЛАУС

Оказывается, у сказочного Санта-Клауса был прообраз. Это – святой Николай. Недавно археолог Кэролайн Уилкинсон и её коллеги из Манчестерского университета решили выяснить, как на самом деле выглядел святой. Для этого они воспользовались специальной компьютерной программой, которая применяется для восстановления облика жертв катастроф. За отправную точку были взяты анатомические данные мощей св. Николая. После их обработки

на мониторе появился крепкий широколицый мужчина с высоким лбом, выступающими скулами и подбородком, лысоватый, с оливковой кожей, лет шестидесяти. У этого человека был сломанный «боксёрский» нос и короткая седая борода. Не исключено, что некоторые выступающие в роли Санта-Клауса во время рождественских праздников для большей убедительности возьмут на вооружение его реальный облик.

С. Д.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Жизнь есть процесс. Каждый процесс имеет свою программу, в соответствии с которой этот процесс протекает. Так и живой организм имеет программу жизни, а в ней – продуктивные и творческие возможности, здоровье или болезни, социальную и политическую избирательность, нравственную программу и т. п. Индивидуальные программы людей формируются не только родителями, но и обществом. Важную роль в информационной программе человека играет его энергоинформационная сущность – Душа. Агрессия, обида, недовольство формируют сильнейшие информационные программы разрушения, в результате появляются болезни, различные жизненные неурядицы, сокращается продолжительность жизни, ухудшается её качество и т. п. Имеется бесчисленное множество примеров, когда только изменением мировоззрения и мышления человек «уходит» от катастрофической ситуации в своей жизни, избавляется от так называемой «неизлечимой» болезни. Подтверждаются древние знания, что организм – это единство физических и духовных (энергоинформационных) структур, что всё находится во взаимодействии и взаимозависимости на уровне энергии и информации, что только в осознанной гармонии с окружающей средой, Природой, Космосом, Высшими духовными структурами Мироздания человек может эволюционно развиваться, а не деградировать, а общество – выйти из тупика современной цивилизации, социального абсурда и глобального экологического кризиса.

С. И. Репьев, академик,
президент Академии
информации
и систем управления,
доктор
биологических наук

ПРИЧУДЫ ПИСАТЕЛЕЙ

У каждого – свои любимые привычки и условия, без которых писание не идёт. Философ Кант, обдумывая посетившие его идеи, обязательно усаживался у окна так, чтобы ему была видна старинная башня. Однажды он очень расстроился, когда увидел, что быстро вымахавшие тополя заслонили ему башню. Пришлось попросить спилить верхушки деревьев – и перед великим Кантом снова открылся простор мысли.

Русский историк Н. И. Костомаров во время своих многотомных писаний зависел от... собственного кота. Стоило только коту прыгнуть со стола и отправиться

по своим кошачьим делам, перо в руке Николая Ивановича бессильно замирало.

Леонид Андреев во время работы всегда пил крепкий чай, и при этом ему было необходимо слышать успокаивающий нервы гул кипящего самовара.

Генрих Ибсен перед началом работы обычно ставил перед собой поднос с несколькими резными фигурками. Обязательными среди них были – деревянный медведь, забавный крошечный чёртик, две кошки: одна из которых играла на скрипке, а другая заворожённо слушала.

Эмиль Золя мог работать только при опущенных шторах.

Иван Бунин всегда писал пером рондо.

Г. Урванцев

ПРИКАЗАНИЕ НЕ ОБСУЖДАЕТСЯ

В романе Александра Дюма «Граф Монте-Кристо» один из героев – аббат Фариа – реальная фигура. Настоящий аббат Фариа родился в Индии в 1756 году и умер в Париже в 1819. Он около 15 лет просидел в одиночной камере, преследуемый за свои политические убеждения и Робеспьером, и Наполеоном. После падения Наполеона Фариа занимался в Париже демонстрацией опытов по животному магнетизму, изобретённому Месмером. Его даже считают одним из основоположников психотерапии. Однажды в салоне знатной дамы он магнетизировал птичку. Внимательно посмотрев на неё, сказал: «Спи!» И та заснула. Тогда Фариа взял её в руки, погладил по головке и приказал: «Умри!» И птичка умерла. Но ведь не могла бедная птичка до такой степени понимать французский?! Значит, было что-то ещё... Потрясённый увиденным философ Шатобриан тем не менее писал, что слово имеет необычайную силу. В другой раз присутствующие дружно подчинились приказу Фариа: «Всем спать!» Они заснули тем особым сном, когда происходящее вокруг не совсем исчезает из сознания: все осознавали власть аббата и пробудились только тогда, когда он потребовал этого.

СМЕРТЬ НЕ ВЫШЛА ИЗ СЕБЯ!

В 1976 году заслуженный лётчик-испытатель СССР, дважды Герой Советского Союза В. К. Коккинали в болоте Невий Мох под Великим Новгородом разыскал два штурмовика Ил-2, совершивших в годы войны вынужденную посадку. У одного из них под крыльями остались бомбы – десять десятикилограммовых и две стокилограммовые. Коккинали хорошо понимал, что обезвредить их сможет только специалист экстракласса. И такого человека он нашёл. Ныне это полковник запаса, генеральный директор компании «РОСТРА» Николай Сергеевич Круглов.

— **Н**иколай Сергеевич, как вы всё-таки решились выполнить просьбу В. К. Коккинали?

— До того как начать работу с бомбами, мы целую неделю в ожидании то вертолёт, то хорошей погоды общались с Владимиром Константиновичем, подолгу беседовали, и я понял, что этот человек сам не рисковал, если того требовала обстановка. Мне не хотелось перед ним ударить в грязь лицом. К тому же до этих штурмовиков приходилось заниматься и более серьёзной работой.

В 1974 году в одном из цехов Великолуцкого ремонтного завода начали рыть котлован под фундамент для нового испытательного стенда и на глубине метра-полтора натолкнулись на головную часть авиабомбы. Почему на головную? После сброса с самолёта некоторые бомбы ведут себя как ныряльщики. Имея большую энергию, бомба входит в землю, как в масло. Но по мере того как плотность грунта возрастает, энергия теряется, бомба начинает движение по горизонтали, а потом, по пути наименьшего сопротивления, устремляется вверх. Та, которую обнаружили в Великих Луках, остановилась в полутора метрах от поверхности земли.

Получив приказ обезвредить её, я приехал на завод. Несмотря на суббота́ний день, в кабинете директора были главный инженер, кто-то из секретарей обкома партии и облвоенком. Моему приходу обрадовались, дескать, сапёр у нас теперь есть, людей ему в помощь выделим, быст-

ренько «расправимся» с бомбой и возобновим рытьё котлована.

А котлован почти доверху уже залит водой. Попросил откачать, чтобы можно было добраться до запального гнезда и посмотреть, какой стоит взрыватель на бомбе. Калибр её я определил сразу – немецкая, 500 килограммов. Удалил грязь, промыл чистой водой. Прочитал маркировку: ELAZ-17. Это означало, что взрыватель оснащён часовым механизмом и по всем инструкциям извлекать его нельзя, потому что под каждым таким взрывателем установлен самоликвидатор. Выход? Уничтожить бомбу на месте.

Доложил начальникам.

Они как вскинулись:

— У вас что, лейтенант, с головой плохо?! Вокруг огромный завод, тысячи людей работают!..

— С головой у меня всё в порядке, — отвечаю. — Вот инструкция, читайте...

— Что ты нам книжки свои суёшь?!

И начали названивать высокому начальству в МПС:

— Вот тут прислали какого-то лейтенанта, хочет завод взорвать...

В общем, накрутили его, тот потребовал меня к телефону и — в крик, да ещё с непечатными выражениями. Я выслушал его и говорю:

— А чего вы на меня-то кричите?

Есть инструкция — документ, утверждённый не мной, а самыми высокими инстанциями, в соответствии с которыми такие бомбы уничтожаются на месте обнаружения. Мне не верите, дайте команду вашим людям, пусть идут со мной, я покажу...

Пауза. Потом уже другим тоном:

— Ну что вы... мы вам верим. Но, товарищ лейтенант, я вас очень прошу, ещё раз посмотрите, может, можно что-нибудь сделать с этой проклятой бомбой, чтобы не останавливать завод? Ты уж, сынок, посмотри лучше...

Взял я большое увеличительное стекло, пошёл в котлован. Сел на бомбу верхом и стал изучать состояние взрывателя. Смотрю, между корпусом взрывателя и запальным стаканом маленькая трещина. Начал себя убеждать: «А может, вода во взрыватель попала, ржавчина образовалась...» Хотя я отлично знал, что во взрывателях такого типа применяется алюминий, его ржавчина не берёт. В общем, решил, что попробую обезвредить бомбу.

Завод остановили, людей из цехов вывели, эвакуировали жителей близлежащих домов... И остался я с этой бомбой один на один. Тишина стоит мёртвая... Взял ручную дрель и потихонечку начал сверлить взрыватель, расположенный в запальном стакане, который проходит через всю бомбу и наполнен взрывчатым веществом повышенной мощности, чтобы при его срабатывании детонация прошла гарантированно и бомба взорвалась. В действительности ВВ приводит взрыватель, состоящий из электрической, механической части, промежуточного и основного детонатора... В общем, сделан запал на совесть, работали над ним хорошие умы, и смонтирован он так, что обезвредить его практически невозможно. Но я всё же решил попробовать.

Сложность замысла заключалась в том, что я должен был сверлом пройти электрическую и механическую части и «законтрить» им часовый механизм, чтобы он не запустился, но при этом не зацепить инициирующее взрывчатое вещество. В общем, сделать хирургическую операцию, но в металле и на ощупь. И вот сверлю, сверлю потихонечку, по сопротивлению металла чувствую, что прошёл один слой, пустоту, следующий слой... И вдруг слышу: тик-тик-тик!..

«Всё, — сказал я себе, — приплыли! Часы пошли, а это — конец...»

Часовой механизм перед сбросом авиабомбы устанавливается на определённое время. Интервал его колеблется от нескольких десятков секунд до 48 часов. При ударе этой бомбы вначале о перекрытия цеха, а затем о грунт часовая механика по какой-то причине остановилась, но от малейшего внешнего воздействия мог возобновить свою работу и в любой момент привести в действие взры-

СВЯТАЯ БРИГИТТА ПРОТИВ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ?

Алтарь старинной базилики Гданьска (Польша)
собираются украсить панелями из «солнечного камня».

ватель. Тик, тик, тик... Сижу, слушаю. Тик, тик, тик... Наклонился к бомбе – тикает. Выпрямился – тикает... Начал анализировать, где ошибся... И вдруг – стоп! Почему я слышу тиканье, когда наклоняюсь к бомбе и когда удаляюсь от неё?! Я же не должен его слышать! Зажал виски руками – всё стихло. Отпустил – тикает. И тогда я понял, что слышал биение собственного пульса.

Успокоился, заново всё просчитал... Мне удалось поймать тот момент, когда сверло стало стопором для ведущего колеса часового механизма. Ну, потом подогнали машину, кран-балкой подняли бомбу, положили на песок в кузов грузовика, вывезли за город и уничтожили.

Те бомбы, что на Ил-2 обезвреживал, дались мне легче, хотя и с ними шутить было нельзя.

– А как вы стали сапёром-разведчиком-пиротехником и сколько таких вот «сюрпризов», оставленных войной, обезвредили?

– Я родился и вырос в Ленинграде. Пацанами летом мы бегали через взлётно-посадочную полосу и лес на Пулковские высоты, играли в войну в разбитых домах. На высотах мы откапывали патроны, случалось, находили снаряды, так что «пиротехник» я с детства. Позже, когда уже командовал отдельным пиротехническим взводом в полку гражданской обороны, часто приходилось делать экспертизу взрывчатых веществ и предметов, от которых гибли люди, занимавшиеся раскопками в тех местах: ленинградская земля напигована смертью.

Особенно запомнился случай, когда погибли восемнадцать детей. Они нашли снаряд, положили его в костёр, ждали-ждали взрыва... Костёр погас, они подошли посмотреть, что же со снарядом, и тут он рванул. В живых остался один тяжелораненый парнишка...

А счёт уничтоженным мною «сюрпризам» я вёл до двадцати тысяч. Потом считать перестал. И, как профессионал, хотел бы всех, кто с ними встречается, предостеречь: ни в коем случае не пытайтесь сделать с ними что-нибудь сами. В них смерть, а она требует к себе уважения. Каждый должен заниматься своим делом.

Штурмовики Ил-2, после того как на них были обезврежены бомбы и снаряды, стали историческими экспонатами: один из них можно увидеть в Музее ВВС в Монино, второй – в Авиационном комплексе им. С. В. Ильюшина.

Беседовал
Василий Михайлович Карпий

В старой части Гданьска параллельно площади Старого рынка, на которой установлена знаменитая свинцовая скульптура повелителя морей Нептуна, тянется узенькая, тесная от магазинчиков, лавочек и киосков Святоянская улица. Она начинается от канала Старого порта и упирается прямо в величественный собор Святого Яна – один из самых больших в Европе.

Святоянская – особая улица. Это старинный центр мастеров по янтарю. Дома здесь тоже старые, украшенные лепкой и полихромной росписью. Начиная с XVI века и до сегодняшнего дня улица заселялась мастерами по солнечному камню и была украшена витринами с образцами их изделий. Именно здесь учились ремеслу и создавали свои шедевры мастера Андреас Шлютер, Готфрид Вольфрам, Эрнст Шахт, Готфрид Турау и многие другие, имена которых не сохранила история.

Пробож (настоятель) базилики Святой Бригитты в Гданьске ксёндз прелат Хенрик Янковский любил прогуливаться по этой улице. Духовный отец Леха Валенсы, сделавший с помощью церковных связей и американских денег простого малограмотного электрика президентом Польши, был всем знаком в городе. Вся улица, все прохожие, не говоря уж о владельцах лавочек и мастерских, здоровались с ним. Машинально отвечая на приветствия, ксёндз размышлял не только о вящей славе Господней, но и о том, как сделать собор Святой Бригитты самым знаменитым не только в Польше, но и во всем католическом мире.

И вот однажды на вечерней проповеди в костёле ксёндз Янковский изложил свою идею:

– Украсим наш храм янтарным алтарём и фигурой Святой Бригитты, облагородив изображение её драгоценными камнями и золотом. Это будет высшим даром Господу!

Проповедь имела громадный успех. Подносы для пожертвований не успевали освобождать от груды банкнот разных валют. Некоторые экзальтированные дамочки вынимали из ушей серьги с бриллиантами и жертвовали их на создание уникального алтаря.

...Кладовые короля Пруссии Фридриха I Гогенцоллерна в Кенигсберге буквально ломились от янтаря. Добывали его в основном в Пальмниккене (ныне пос. Янтарный Калининградской области). Здесь в громадных карьерах, а то и просто собирая выброшенный после шторма камень, добывали более 90 процентов мирового запаса янтаря.

Солнечный камень был объявлен государственной собственностью, но что с ним делать, монарх просто не знал.

И тут главный королевский архитектор Андреас Шлютер предложил создать янтарную галерею в берлинском дворце Шарлоттенбург.

Эта мысль привела короля в восторг – такого нет ни у одного монарха в Европе. Можно представить, какое впечатление произведёт этот шедевр!

Первоначальный замысел Шлютера был грандиозным – целая галерея из окаменевшей смолы! Но когда подсчитали предстоящие затраты, то экономный немец Фридрих I понял, что у него просто не хватит денег. (А их королю требовалось много. Гигантские суммы шли на армию. Недаром в истории Фридрих получил прозвище Король-солдат.) Решили покрыть ян-

В 2003 году, к 300-летию Петербурга, янтарное чудо стараниями российских мастеров вернулось к людям

тарными панелями лишь небольшой королевский кабинет. Но и тогда общая площадь панелей должна была составлять около 70 квадратных метров.

Для выполнения работ были приглашены лучшие данцигские мастера и специалисты по дворцовым интерьерам. Уникальных мастеров по янтарию отыскивали в Любеке, Эльбинге и даже в Брюгге.

Однако дело не удалось довести до конца. Со смертью Фридриха I работы над Янтарным кабинетом приостановились. Специалисты разъехались. Детали незавершенных янтарных панелей аккуратно уложили в ящики и спустили в подвалы берлинского Цейхгауза. (По иронии судьбы, и здание Цейхгауза было построено по проекту того же Андреаса Шлютера).

А вскоре в Германию с визитом прибыл Пётр I. Янтарный кабинет подарили ему. Ящики с драгоценным грузом обернули фланелью, обвязали соломой, укрыли восковой бумагой от дождя, погрузили на 8 телег и отправили из Берлина в Петербург. Пётр писал тогда домой: «Получил изрядный презент...»

А янтарные панели при императрице Елизавете Петровне смонтировали в одном из залов Екатерининского дворца, что в Царском Селе. Знаменитый Растрелли с помощью зеркал, каминов, мозаик из цветных камней и фигур из янтаря создал настоящий шедевр.

Отметим, что Янтарный кабинет, воссозданный Растрелли, был принципиально новым произведением

искусства и мало чем напоминал подарок прусского короля. Стараниями великого зодчего комната стала в три раза больше – площадь её стен достигла почти ста квадратных метров.

В начале Великой Отечественной войны янтарное чудо не удалось эвакуировать в глубь страны. Оккупировавшие Царское Село немцы комнату демонтировали и вывезли в Кёнигсберг, где её следы теряются. Отыскать украденное сокровище не удалось до сих пор.

Но вернёмся в Гданьск, на Свято-янскую улицу. Секретарь комитета по сооружению алтаря и статуи Святой Бригитты ксёндз Кшиштоф Чайя уточняет, что общая площадь янтарных панелей не превысит 80 квадратных метров, а высота фигуры святой составит 174 сантиметра.

По подсчётам мастеров, для выполнения такой работы понадобится не менее двенадцати тонн янтарного сырья. К тому же на изготовление пластины, пригодной для ювелирных целей, раньше уходило примерно два года. Безусловно, за двести лет технология изменилась, появились специальные станки, и сроки сократились до полугода. Главная проблема – материал. Из всего добытого сырья лишь два процента могут быть использованы в ювелирных целях. Конечно, если речь идет о настоящих, художественных изделиях.

Собранных пожертвований хватило лишь на небольшой, скромный алтарь. Потом замыслы поменялись. Соорудили металлический каркас размером 12х7 метров. В костёле

на Профессорской улице в Гданьске уже готова металлическая конструкция, которую предстояло облицевать янтарём лучшего качества. Где же его взять?

Ещё недавно весь янтарь поступал в Польшу из Калининграда контрабандой. Добытчики, воры, перекупщики, милиция, таможенники и «погранцы» – все получали свою долю, и все были довольны.

Поток янтаря шёл бесперебойно. Иногда перевозчики нагнали – как-то удалось задержать почти 300 килограммов отборного янтаря.

Только в Польше сейчас почти две тысячи фирм, специализирующихся на янтаре. В Литве и Латвии эта цифра на порядок выше. Обработка контрабандного янтаря из России даёт экономике соседних стран несколько сот миллионов долларов в год. К тому же за рубежом янтарь стоит в несколько раз дороже, чем у нас.

Но халва скоро кончилась. Последнюю «возку», почти 400 килограммов, по прямому приказу президента России отправили в Царское Село и использовали для восстановления Янтарной комнаты. Контрабандный янтарь извлекали из запасных баллонов, бензобаков, двойных дверец машин, из картеров двигателей. Так что этот путь был перекрыт.

Надо было искать какие-то новые пути. И ксёндз Янковский их нашёл. В прибрежных песчаных холмах, окружающих Гданьск, издавна находили янтарь. Сегодня раскопки категорически запрещены – Национальный парк. Но ведь есть ещё и обширная Гданьская бухта. Глубины тут небольшие, и янтарь, по данным геологов, должен быть. Дело лишь за разрешением. Его не давали – со времён двух войн дно усеяно неразорвавшимися снарядами и бомбами, замусорено ржавыми останками взорванных кораблей. Все работы на дне бухты были, безусловно, запрещены. Но ксёндз Янковский (за ним стояла католическая церковь) получил всё-таки разрешение на подводные работы. Для этого было выделено два корабля со специальными трапами (за счет церкви, конечно). А министерство окружающей среды выдало, наконец, разрешение на исследование дна бухты.

Три года подряд велось тщательное исследование, но ничего стоящего найти не удалось.

Веслав Герловский, историк искусства и мастер по янтарию, который участвовал в восстановлении Янтарной комнаты почти сорок лет назад, тоже принимал участие в исследовании этого района Балтики.

– Тогда нам ничего не удалось найти, – говорит он, – но будем надеяться на лучшее...

ВСЕЛЕННАЯ В НАТУРЩИЦАХ

Трагические общественные катаклизмы рождают часто в обществе нечто новое и неожиданное. Именно в первые послереволюционные годы в Москве появилось небольшое художественно-творческое объединение «Амаравелла»: Борис Смирнов-Русецкий, Пётр Фатеев, Вера Пшесетская, Александр Сардан (Баранов), Сергей Шиголев и Виктор Черноволенко. От названия «Амаравелла» веяло морским бризом и чем-то таинственно-притягательным. Это содружество объединило художников не только с глубоким интересом и любовью к искусству, но и стремлением к познанию философии Востока, смелых идей о феномене космоса, высказанных скромным учителем из Калуги К. Циолковским...

Называли они себя интуитивистами. В конце второго тысячелетия группу «Амаравелла» причислили к блестящей плеяде русских космистов, таких как Николай Фёдоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Е. И. и Н. К. Рерих, А. Н. Скрябин, Г. П. Свиридов...

«Наше творчество, интуитивное по преимуществу, направлено на раскрытие различных аспектов космоса – в человеческих обликах, в пейзаже и в отображении абстрактных образов внутреннего мира... – писали в своём манифесте художники из группы «Амаравелла» в 1927 году. – ...Восприятие наших картин должно идти не путём рассудочно-формального анализа, а путём вчувствования и внутреннего сопереживания – тогда их цель будет достигнута».

Несколько лет назад на одной из выставок этих художников мой взгляд выхватил из толпы хрупкую, с пышной копной серебряных волос даму, державшуюся с особым достоинством. Это была Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко – вдова художника Виктора Черноволенко и хранительница его творческого наследия... Мы познакомились. Неординарная судьба художника Виктора Черноволенко меня заинтересовала.

Незадолго до своего ухода, в июне 1972 года, Виктор Тихонович Черноволенко встретился с кинорежиссёром В. В. Ореховым, который записал их беседу на магнитофон. Некоторые

мысли художника я из неё привожу.

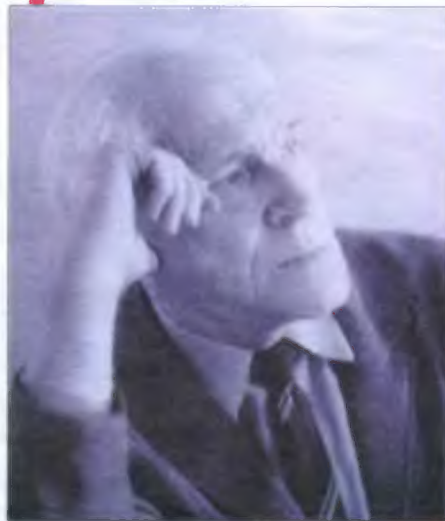
Виктор Тихонович родился в Москве 13 марта 1900 года в семье, где с большим почтением относились к театральному искусству. После окончания средней школы Виктор поступил в Первое московское реальное училище с коммерческим уклоном, а начиная с 1916 года работал по вечерам в качестве статиста в частной опере Зимина, где ему посчастливилось слышать великих Фёдора Шаляпина и Леонида Собинова.

С юности, помимо театра, он интересовался живописью, музыкой. Часами простаивал в Третьяковской галерее перед полотнами Нестерова и Врубеля. Не имея специального образования ни в живописи, ни в музыке, но обладая исключительным слухом и художественным даром, он делал первые попытки в рисунке и живописи... Как-то весной 1926 года Виктор знакомится с молодым художником Борисом Смирновым-Русецким, который представляет его своим друзьям-художникам, и они радушно принимают Виктора Черноволенко в свой круг.

«Нас очень интересовали философия, теософия, особенно древние учения Индии. Разговоры о смысле жизни, о предназначении художника, музицирование, чтение стихов... Содружество наше и личные симпатии создавали особую атмосферу доверительности и взаимопонимания. Так сложилась творческая группа, которой дали название «Амаравелла». Идеи космизма, освобождения человека от пут земного притяжения, вера в возможность совершенствования человека были главными для «Амаравеллы».

Летом 1926 года в Москве проездом были гости из далёкой Индии – Николай Константинович, Елена Ивановна Рерих и их старший сын Юрий. Н. К. Рерих, познакомившись с картинами «Амаравеллы», помог им принять участие в предстоящей Всемирной выставке современного искусства в Нью-Йорке. На следующий год в Чикаго состоялась ещё одна выставка с работами всех шестерых художников «Амаравеллы».

В эти годы Черноволенко усиленно работает, хотя ему, дерзнувшему взяться за кисть, не имея за плечами

Виктор Тихонович Черноволенко

школы, не всегда было по силам выразить то, о чём хотела сказать душа... «Я не имел художественного образования, но мне хотелось попробовать свои силы: сперва стал в карандаше делать рисунки, потом, немного осмелев, начал работать маслом... Но так как у меня было мало свободного времени, я редко брался за кисть или карандаш».

В начале тридцатых годов период содружества шести художников завершился, и каждый из них пошёл своим путём... В 1932 году Черноволенко по договору выехал на два года на Дальний Восток, в Приморский край на горнорудный комбинат «Сихали», где встретил свою будущую супругу.

«Однажды, когда в клубе горнорудного комбината дальневосточного поселка шла репетиция пьесы «Овод», я услышала необыкновенную музыку, – рассказывает Мария Филипповна. – Играл незнакомый человек. Прежде я никогда не слышала такой музыки. Звучи рояля смолкли, он встал и обернулся в мою сторону: «Вам понравилась музыка?» Поборов смущение и волнение, я вымолвила: «Очень...» С этих минут для художника и его Музы начался отсчёт единого времени.

Так уж сложилось, что лишь в шестьдесят лет, выйдя на пенсию, Виктор

«Русь»,
1937

Тихонович целиком погрузился в искусство: музицирование и живопись стали смыслом его жизни. В последние двенадцать лет произошёл подлинный расцвет его дарования. Он создал около 250 акварелей и 20 живописных работ, множество музыкальных импровизаций.

В 1958 году Черноволенко знакомится с Ю. Н. Рерихом, выдающимся востоковедом, человеком энциклопедических знаний. «Встреча с Юрием Николаевичем стала для меня исключительной вехой в жизни. Он видел мои работы и слушал мои музыкальные импровизации... Своим отношением к моему творчеству он поддерживал меня и вселял уверенность: то, что я делаю, нужно людям...»

Увы, в те годы было невозможно получить официальное признание художнику, работающему не в реалистической манере. Однако этих художников знали в среде учёных, литераторов, музыкантов, врачей. Выставки картин проходили обычно дома, в залах институтов, редакциях газет и журналов, в Государственном мемориальном музее А. Н. Скрябина. «Современных художников я знаю мало и ни у кого ничего не заимствовал, — рассказывал Виктор Тихонович.

— У меня появилось что-то своё. Моя живопись не всеми признаётся, потому что это какие-то новые формы, новые сочетания красок. Для меня это всё реально... Абсолютно убеждён, что изображаемые мною линии, формы, цвет — отражение реального мира, существующего во Вселенной. Всё, что изображено, я просто вижу в процессе создания картины. Возможно, эти формы, линии, цвета в гармонии с иными планетами Вселенной, но это, повторяю, реальность, а не фантазия. Это совершенно реальный мир, быть может, это тот мир, который в будущем дано будет увидеть каждому человеку, когда спектр его восприятия станет богаче и совершеннее...»

В 1966 году в Институте атомной энергии им. И. Курчатова состоялась выставка работ П. П. Фатеева и В. Т. Черноволенко. В зале на втором этаже был рояль, и Виктор Тихонович, не зная нот, но обладая феноменальным слухом, ежедневно исполнял там свои музыкальные импровизации. «У меня живопись настолько связана с моими музыкальными импровизациями, что я сейчас думаю, что если у меня отнять инструмент, я не смогу ничего рисовать, и наоборот, если у

меня отнять живопись, я не смогу играть...» Уже спустя много лет один из сотрудников института им. И. Курчатова вспоминал: «Для нас, связанных с исследованием запредельного, те выставки были... как радостное откровение для души, встреча с самым загадочным и таинственным...»

Когда-то двенадцатилетним подростком Виктору Черноволенко повезло слушать в Большом зале консерватории концерт Скрябина-композитора и Скрябина-дирижёра. Мощь музыкального воздействия казалась «как сон наяву», производя на юную душу незабываемое впечатление. Образ и дух Александра Скрябина — музыканта из будущего, как Виктор Тихонович называл композитора, оказались близки художнику, поэтому выставка его работ в музее Скрябина явилась для Черноволенко неожиданным и знаковым событием.

«Я всегда хочу рисовать... У меня начинается всё как-то с интуиции... Беру краски и расставляю их, готовлю бумагу и всё необходимое... и начинаю красками... Сперва покрываю лист бумаги какой-то одной или двумя... любой краской, какая попадёт на кисть... Мне совершенно необходимо, чтобы был какой-то фон: потому что на чистой бумаге я почему-то не могу работать... От этого фона всё и начинается. В процессе работы фон может пропасть весь, как грунт, может и частично остаться... Появляются какие-то линии, какие-то формы... потом включается сознание... потому что без сознания вы ничего сделать не сможете... И пока я каким-то своим нутром не приму все эти формы, краски — всё то, что я начал делать до тех пор, я считаю, что не могу закончить картину... Суть в том, что свои картины я повторять не могу. Также я не могу повторять свои музыкальные импровизации: то, что я сыграл, это уже пропадает... Рисовать для меня большая радость. Я рисую не для себя, а для людей».

Однажды мне всё же довелось услышать запись музыкальных импровизаций Виктора Тихоновича: звуки рояля были печальны и светлы, аккорды хрустальным звоном тревожили сердце, словно бегущая вода заворачивала душу, уносили куда-то в неведомые дали, в непривычно яркое, гармоничное Пространство, проявленное талантом художника и скрытое до поры завесой реального земного мира.

P.S. В честь группы художников-космистов малая планета, открытая 12 сентября 1992 года Крымской астрофизической обсерваторией и зарегистрированная в международном каталоге под номером 3762, получила имя AMARAVELLA.

Обитель Света

Древние
лики планеты

Виктор Черноволенько
Озарение

